

II.

ЗАКЛАДЪ.

Засіявъ чоловікъ прѣсомъ польнѣ—не вродило просо; вийшовъ подивитись—ажъ за голову обома руками ухопився:—тамъ кушъ, тамъ кушъ,—ка-зна-що такѣ; подивився та ажъ плѣнувъ.

— Отъ тобі й насіявъ, каже, ні попѣ, ні дяволу.

А чортъ заразъ якъ вродився перѣдъ чоловікомъ (хитрії вони, гаспедові діті).

— Оддай, каже, мині!—воно мині згодитця.

Подивився чоловікъ ще разъ на полѣ—ще гідшнень воно ему зда-лося, а ніжъ зпершу.

— Бери! каже: хай воно тобі провалитця!

Та й пішовъ до-дому.

Днівъ черезъ скільки, не втерпівъ чоловікъ:—пиду, дѣма, подив-люся, що чортъ зъ тимъ прѣсомъ вдіявъ.

Пришовъ на полѣ, ажъ прѣсо такъ и зеленіє, такъ и розлегаетця, повне та хорóшеї—Вдарився чоловікъ объ поли руками.

Пришовъ до дому та и розказує жінці, якъ чортъ ёго одуривъ.

Вилаяла ёго жінка попередъ якъ слідъ, а потімъ.

Побачимо ще хто когô одурить, каже, иди та скажи чорту, що ти ему поля не отдававъ.

— Та якъ же? чортъ же самъ чувъ, якъ я казавъ що отдаю ему поле.

— Дурню, дурню! та ти скажи ему, що то ти такъ, шуткуючи, говоривъ.

Потімъ бачить жінка, що чоловікъ мнѣтця та голову чѣхає, — розсѣрдиласть та якъ закричить:

— Иди-жъ! кажу, та якъ не одберешъ поля у чорта то я тобі усю голову оскубу!

У страха очи великі, а чоловікъ жінки боявся якъ огню: побігъ трушкѣмъ на полѣ; прибігає, кліче чорта.

Вилізъ чортъ. Чогô тобі? пита.

— Адже я тобі, чорте, поля не отдававъ.

— Якъ не отдававъ?

— Та такъ-же.

— Ахъ ти, сякий такий сину, хибá-жъ ти не самъ казавъ, що вступаєшь мині поле?

— Та то я такъ, шуткуючи.

Змогався, змогався чортъ, чого то вже вінъ чоловікові не говоривъ: и просивъ и лаявся — ставъ чоловікъ на однімъ: не оддававъ тобі поля та й годі. (Та й де було чоловіку не впертись, коли ему здавалось, що ззаду жінка стоить и хоче ему волосья пригладить).

Бачить чортъ, що зъ чоловікомъ нічого не вдієшь — пустився на вигадки.

— Слухай же! каже чоловікові, коли вгадаєшь на чімъ я буду їхать, то твоє поле, а коли не вгадаєшь, то вибачай.

— Добре, одвітує чоловікъ, та вгадуй—же й ти на чімъ я буду їхать.

— Добре, каже чортъ: та якъ я вгадаю, то хочъ би ти спершу и вгадавъ на чімъ я їхатиму, а поле мое.

— Бачъ, дияволівъ сину, який договіръ поставивъ! ну та нехай-же—що буде те буде.

Пійшовъ чортъ козу осідлавъ и іде.

Порівнявъ зъ чоловікомъ, подививсь на него окося та й питає:

— А що? на чімъ я іду?

— Дурний ти, чорте! одвітує чоловікъ, се-жъ и малі діти знають що чорті завжді на кізяхъ їздять.

Крутнувъ чортъ носомъ, почухавъ у потилиці и каже:

— А щобъ же ти сказився, клятий недолуде! а ну лишень шукай собі такого звіря, щобъ я не вгадавъ. — Сучий синъ буду, коли не вгадаю.

Сівъ чоловікъ верхи на жінку до переду задомъ; роспустивъ їй коси—се бъ то хвістъ—та й іде передъ чортомъ.

Дививсь, дививсь чортъ:—що за вража мати!—на чімъ чоловікъ іде?—хвістъ е, а голови чортъ—ма, на чотирохъ ходить и ноги такі, що ні въ одного звіря такихъ не бачивъ.

Міркувавъ, міркувавъ чортъ, а далі й каже чоловікові:

— Хай тобі біє! бери й поле,—тільки скажи, будь ласкавъ, на чімъ ідешь, бо їй Богу не вгадаю!

— На жінці,—одвічає чоловікъ.

Чортъ ажъ плюнувъ.

Миколайчикъ Білокопитий.

III.

ДВА ПРИЯТЕЛІ.

Лучилось разъ мені їхать зъ дідомъ черезъ лісь. Дідъ бувъ говіркий собі; отъ ми зъ нимъ й гуторемо то про се, то про те. Коли біжить щось ззаду, мовъ несамовите, шкапою, візкомъ. Дорога була узенька, — коли знаєте, вона йде въ Лютеньки на Лисівку. Чоловьяга, парівнявшись зъ нами, дець звернуть трохи, — куди тобі! тільки що або свого, або нашого, возка не перекинувъ, чи не вломивъ вісі. Дідъ и каже: »пу щобъ звернуть! мовъ не бачишь, який узький шляхъ? Той щось замуркотавъ, — чутъ, лаєця ще, — а, видно, добре й п'яний, — хитаєця на возі. Я нароще на ёго крикнувъ, тоді вінъ схаменуєся, та давай шкапу поганять, давай шкапу поганять; біжить сердешна, а вінъ соваєця на возі, ажъ шанка зъ ёго спала.« Отцёго, — озвався дідъ, »було бъ не гріхъ трохи й повчить.« — А мабуть тобі, старий, бувала така приведенція? — кажу, щобъ ёго здохотити розказать що-небудь. — Бувало! Ходячи по дорогахъ безъ того не проведешъ.»

»Мені, — почавъ вінъ, — на моему віку, черезъ сварку два чоловіки дякували, й поробились приятелями.

— Якъ се?.. та справді?

»Коли жъ такъ. Ось слухайте, якъ воно було. Іду разъ зъ чумаками, — возівъ въ насъ було до десятка. Се проти насъ тюпа чоловікъ верхи, — отъ якъ и сей, — несвіжий. А дорога узька. Вінъ и причепись: »звертайте!« »Схаменись, — кажемо: « де се видано?.. ти — верхи, а ми — волами, ще й на возі: хто тобі зверне? Ідь, коли хочъ, зъ Богомъ; відчепись. — Вінъ — ні, та зъ коня, та до мене зъ батогомъ. Я, не бувши лиха, попавъ его за чуба, та давай шмагать ёго жъ и батогомъ; вінъ п'яний й до мене, такъ дуже вже набрався, — внавъ та тільки сопе, й що хоче зхватитьця, то я ёго й придержу; бо бачу, що якъ вивернетця, то й мене лиха година не мене. Покинули ми ёго, — поіхали. Тутъ де-хто насъ товаръ й бачили, якъ я зъ нимъ вовтузився. — Спасибі вамъ, дядьку — кажуть, що хочъ ви таки провчили трохи такого сина. Тутъ такий тобі скажений, що нікому не спустить, — нікому не стоїть въ броду, — десятою дорогою ёго обходить.

Черезъ годъ ми їхали черезъ село, що тутъ таки було недалеко.

Зайшовъ я въ шинокъ випить осьмушку. Дивлюсь—мій свать, що я відшколивъ торікъ, сидить. Я вглядівъ ёго, та нерадь уже що й зайшовъ,—мерщій випивъ та й вийшовъ зъ хати,—вінь за мною.—»Постійте, каже, дядьку! Я васъ чогось питаю—Кажі. А (собі на думці: отъ, лихо мене занесло! ще якъ причепитця. »Чи ви,—пита, не іхали торікъ объ усёму уремі черезъ се село?« —Та вже думаю таки не битеме, бо тутъ недалеко й вози наші.—Іхавъ, кажу; а що? »Чи-то ви мене тоді трохи почаствовали?« (Де вже въ дідька трохи!)—Я,—бо самъ еси виненъ. »Спасибі вамъ, дядьку, що повчили,« —та ажъ поклонився, знявши шапку. »Ви мені добру нотацію дали. А то було, якъ упыюсь, вже й не пройде, щобъ лишъ-гляди зъ кимъ не полаявся, або й не побився.

Потімъ ставъ прохати насъ до себе,—пішли. Насъ шанують, мовъ якихъ и спражніхъ гостей. Батько якъ почувъ, про те діло, та й той мені дякує. Каже: не ставъ вже й у грішну вкидатись. Просять не минать коли ще іхатимемъ. Й були ми опісля ще разівъ два.

Зъ другимъ же я побратався ось якъ. Ідемо пізно, а на дворі таке, що лиха година та й годі: вітеръ, дощъ, ожеледь й холодъ,—очі ажъ злипаютьця. Стоить коло дороги постояльний двіръ. Я підъ вікно,—ставъ впрошуватись. Хозяїнъ озвався,—не пуска. »Та глянь на Бога,—кажу: хіба не чуешъ яке на дворі бье?—Ні, не відчиня. Я взявъ зъ воза дрюкъ, що підважують та давай у двері грюкати. »Коли, гукаю, по чести не відчинить, то сучий синъ буду, коли не відбью дверей. На те въ тебе постояльний, щобъ странієму було пристановище. Не пропасти жъ на дворі. За сіно, за овесъ и за квартиру я заплачу. Хозяїнъ чує, що не шутка—одягся, та відчинивъ двері та до мене: »Чого ти заходився сякий-такий?« Ні, кажу, не поживнієся: коли хочъ оступишъ, а то такъ и оперешу. Бачить, що битись не вдаєтця,—насъ чоловікъ 10, а вінъ самъ зъ сімъєю,—тоді давай лаять. Я ему тожъ не мовчу. Далі вінъ и притихшавъ, відперъ ворота. »Оттакъ (я ёму), тибъ и давно, вражий сину; це жъ не кому—тобі прибіль. Може я въ тебе возьму й горілки. Далі, далі огу хозяїнъ мій: вже годі мордуватись. Смієтця, та на жінку—(въ хаті засвітили)—а ну лишъ, вийми зъ печі що тамъ є, давай подорожнімъ людямъ вечеряти. Посідали ми, взяли въ ёго півкварти. Сміємось собі, хазяїнъ—то жъ, почаствовали й ёго, звісно. Мовъ тобі не той! Вранці намъ дали добре поснідать солонихъ огірківъ зъ олією та зъ цибулею, бо бувъ пісний день. Й за іжу и за ночлігъ нічого не взявъ.—Не минайте, ка-

же, добрі люди, й уперідъ. Вибачайте, що я вчора нагомонівъ.—Й опісля було коли не заїдемъ, такий приятний до насъ, що луччого й не треба, и бере за все недорого.

Таке—то мені приводилось на віку!»

Гадаять.

С. Мітла.

ДЕ-ЯКА ПОДРОБИЦЯ.

(Зъ поводу »Живописної України.«)

*Добра тая річ, якъ у хаті ніч.
Добра тая рада, де щиря правда.*

Переглédивши обліччя и одéжу, що високоповажний добродій Л. Жемчужниковъ заявивъ у своїй роботі (Живописна Україна), треба напередъ усéго подякувати ёму за такую послугу по новóму ділу для нашого краю. Обліччя й одéжа у ко́жнього народу — свої; показавши видъ нашого чоловіка, разомъ зъ одéжею, Л. Ж. уже зазнакомлює зъ нашимъ людомъ; а тому, хто знає життє и побитъ нашого народу, спрédь, зъ давнихъ—давнѣ, тому и гётъ—то, и багáто дéчого, покаже; не вѣ чимъ и чоловікъ перве—на—перве показує себе, якъ не вѣ одéжі: чи перейме що путнє, чи дойде до якихъ великихъ перемінъ, чи наберётця розуму, а на одéжу скорій кидаетця; зазнався сѣ кимъ, побувавъ де, чи лишня копійка замúлила, уже не нащо бѣе, якъ не на лúчшу одéжу, по моді, зъ усякими прикрасами. Убраннє чоловіка — ёго душа зверху. Хóть и кáжуть у насъ, що чоловіка по одéжкi стрічають, а по уму випроважають, дакъ се кажуть, що одéжа буде хороша, а тóвку мало; буде зверху хороше убрання, а душа́ буде негáрна, небогобоища. А розбері по пéреду одéжу, то, гляди, и до душі доберéся, и до роботи чоловіка. Неті́лько одéжа заводилась по тóлку, примінялась до климáту, до роботи, неті́лько зъ одéжкi видно роботу—діло чоловіка, а й достáтокъ и всякі вгадки. *Добrá, каже, такóго:—не знає вѣ чому й сгодíть.* По достатку и по убожеству чоловікъ и одягаётця. Неті́лько одъ сѣго, да одъ тóго одéжа переміняетця, а переміняетця вона зъ кимъ знаётця чоловікъ, або й цілий народъ. Народъ зъ народомъ еднáетця,

живе по сусідству—вінъ и минієтця одѣжею, піде й мода на нову одѣжу. Торги, бурги, прасольство и всякі оказіі людей зъ людьми—парують, однимъ міромъ мажуть. Такъ-то виходить, що одѣжа ціла одповідь душі чоловіка—ѣго життя.

Думаючи такъ про одѣжу, скажу теперъ, що одѣжа—велика підмога, такъ-якъ и живе слово, въ тімъ, щобъ дознатись, добуть прежнёго життя; дознатись усякихъ оказій зъ нашими предками, съ кимъ вони еднались; и те, чого незнаєшъ, не добьєшся изъ живого слова, ихъ стародревнихъ бумагъ, поповнитця одѣжею, постройкою и всякимъ добромъ хазійськимъ.

Не то одѣжа, а й обличчя народа—видимий казень ѣго життя—биття; по виду догледішся и родства зъ другими народами, и знайдешъ домашніхъ, тутешніхъ людей, зъ своїми родовими чистими обличчями. Изъ одного обличчя чоловікъ учений вічитає рідъ, порідню, рідню зъ другими народами и добавить, або й підкрепить те, що дознавсь изъ усякої всячини. Такъ-то! обличчя—друга одповідь чоловіка, або приповість про народъ, хто вміє отгадать; такъ якъ та загадка глаголе: *біла рілля—чорне насіння, хто вміє—посіє, хто зна й одгада.*

Найшовши приключку погомонить про коштовний трудъ в.-п. Жемчужникова, ми, що здумаємо, розкажемо про нашихъ людей, чи то-накъ, про їхъ одѣжу, якъ вона и де вона не однакова.

Не тільки на обличчя селянъ, на їхъ одѣжу, а й на другихъ людей, треба доглядатьця, щобъ угадать якъ и вони, якою дорогою, йшли, и яка одміна въ нихъ проти селянъ по одѣжі, по обличчю. Міні здаєтця, що придивлявшись до обличчівъ, треба вибрати зразки правдиві тутешні, и ті, на якихъ видно підмісь чужої особливої породи. Правдиве нашинське обличчє покаже свій образъ; а съ підмісю — покаже свій; покаже й те, якъ и який народъ, парувавшись зъ нашимъ, прилучивъ особливу одмину въ самороднихъ обличчяхъ; підписавши підъ симъ ще й міста, де такі люде живуть, повістнику буде підмога при ѣго роботі, и вінъ угадає якимъ побитомъ сєє сталося. Дакъ отъ, намъ здаєтця, щобъ гарненько розібрати окладъ лиця нашихъ людей и крой одягу, треба поділити роботу на двоє: у селянъ и у міщанъ; передивлючись, треба и вдруге поділити роботу на двоє: списувати тутешні чисті обличчя, и мішані. Списувати особливо у тихъ и въ тихъ предковську одѣжу, и захожу.

Изъ такої роботи вийде те, що ми угадаємо, якъ обличчя и одѣжа селянина и міщанина зложилась; а зъ другої половини роботи ми уга-

даємо, якъ, на обличчі и на одежі селянъ и міщанъ, оддалась чужа сторона, чужі люде; на які поділи ділитця нашъ народъ и чимъ одинъ поділъ різнитця одъ другого.

Коли ми до сѣго догледимось, тоді ми угадаємо мислі нашихъ людей по одній струні ёго добра—одежі; а изъ описі самихъ обличчівъ угледимо, якъ парувавсь и зъ якими людьми, нашъ народъ. На всякихъ містахъ є свої обичаї, попадають люде зъ своїми обзаведєнціями, ремєствами, спіхомъ, оборотливостію; розумний чоловікъ изъ побиту ко́жного міста виведе и розміслить, одъ чого ко́жне містєчко живе своїмъ добромъ, своїмъ норовомъ.

Вєштавшись поміжъ своїми людьми, я укмітивъ, що не тільки у селянина и міщанина на виду, на обличчі, єсть своя одміна; а й сами селяне по всякихъ сєлахъ, и сами міщанє по всякихъ городахъ, и містєчкахъ, різнитця поміжъ собою. На мої очі, де я проїзжавъ по Харьківській паланці, міні здавались селяне зъ широкими обличчя-ми; селяне верхівихъ повітівъ Чернігівської паланки—Литвини, одрізняються своїмъ обличчямъ одъ Конотіщівъ, Ніженцівъ, Ромєнцівъ. Свою одмину можно знайти міжъ Чигиринцями, Уманцями и міжъ дрігми степовиками и городовиками. Иноді буває такъ якъ одрізане село одъ другихъ поміжнихъ селъ и обличчямъ и одежею и мовою; отъ и можно думать, що переселєнці, виселки цілимъ селомъ перейшли, та й сіли слободою. Попівці Конотопськ. повіту, зразу, такъ мовъ різцемъ одрізані мовою, ходять въ яломкахъ. Нє тільки свої люде переселялись зъ одного міста на друге, а й дрігі люде переселялись, отъ хоть би й Волóхи; де вони перемішались зъ нашими, тільки чоловікъ подивитця міжъ такими людьми, зразу укмітить, що не такий народъ и на виду, и не такъ завязуютьца и призвища людей якісь чудні. Звісно, хоть народъ и перемішавсь изъ нашимъ, *а все таки чужа кровъ вонїє*. Поміжъ міщанами найдешь свої обличчя, и більше одмини ніжъ у селянъ; отъ, хоть би узять и въ Ніжені: тамъ обличчя у міщанки свое, чи воно тимъ що Греки перемішались зъ ними. Міщанинъ, торгуючи по всякихъ містахъ, їздить по всякихъ уєіодахъ, скорій спаруєтця, зьєднаєтця єъ чужимъ чоловікомъ. Усякі містєчка наші у старовину торговали, такъ якъ и тепєрь торгують, и сами зызжали по прасольству и до нихъ наїздили зъ усякихъ містъ. Недалєкимъ переказомъ можно взять хоть би й Бату́ринъ, Глу́хівъ, — якої тамъ мішанини нема, якого тамъ люду небуло за Гатьманство, якъ гатьмани проживали: тамъ изъ усякихъ сторонъ народъ збіравсь и для

служби и для торгівлі. Узять яке небудь Сміле Роменськ. повіту: съ кимъ воно не торгѹє: кожухами изъ самою Польшею; рядовину посилає на Дінь, килими тчуть розсилають; Олішівка козелецьк. повіту слала чоботи у Бобрѹйськ; Ичня, Конотіпъ, — хіба мало такихъ містечокъ по всій Україні: куди вони своїхъ чобіть не посилають, куди ліжниківъ не шлють!

Міщанство по теперішніхъ містечкахъ (а прежніхъ сотеннихъ городахъ) переймало Магдебурські права и хотіло житъ такъ якъ жидо міщанство по великихъ Українськихъ городахъ: то по Черніговахъ, то по Києвахъ, Переясловахъ. Сее Магдебурськее право давало їмъ свій стрій; тимъ вони уже и гнушались прѣстого люду, не рівняли себе до селянъ, наближались до панівъ, и почитали себе за якихсь луччихъ людей. И теперъ селяне не люблять міщанъ, а міщане селянъ. Міщанинъ узиває селянина — очкѹръ, чубрій; а селянинъ міщанина — салогѹбъ. И теперъ ще по містечкахъ у Мені, и по дрітнихъ, цехові порядки не вивелись, и ті заведѣнці підъ празники, якъ міщанство при шабляхъ и въ своїхъ нарядахъ зъ корѹгвами и значками славить празникъ який; отъ, хоть и въ Ніжені: тамъ що найбільше задрѣжались прѣжні порядки, тамъ кожний цехъ и образі, и корѹгви, и ставники свої має.

Дакъ не диво що усякі промисли, прасольство, приходъ странихъ людей, Магдебурське право, одрізніли міщанъ одъ селянъ въ обличчї, и въ одежі. Видно вже и въ старину міщанинъ не дѹже то бравъ собі парѹ изъ селянъ, бо то по їхнѹму очкѹрі, мужики.

Про одежу и казать нічого, якъ вона переміняетця по містахъ. Нетілько переміняетця те, изъ чого одежа шїетця, а й сáмий крой одѣжі. Проїдъ одъ краю и до краю нашої України, то й побáчишъ, одъ шапки и до чобота, одъ платка и до черевіка, або постолá: усяди своя одміна. Поглянь на шапку степовика Хáрьківця—родъ кабардинки старинної и поглянь на шапку городовика Литвіна; а поки ти проїдешъ сей путь, то й побáчишъ старинні шапки, що теперъ виводятця, високі зъ плісовимъ верхомъ и зъ шпріньюю на смѹсі; побáчишъ по Конотопському повіту високі кѹчми и просту шапку зъ суконнимъ вершкѹмъ; побачишъ и капелюхи; та що й казать, — якої шапки ти не побáчишъ, не кажу у міщанства; у міщанства буде свое; така жъ кѹчма у міщанина Конотопського, якъ и въ селянина; така да не така: то буде по свѹему пошита, а міщанська—родъ камелáвки понівської. Візьми ти чобіть, (що на що вже той чобіть), и тутъ бѹде одъ про-

стого юртóвого чо́бота до уся́ких цяцо́к на чо́ботахъ, съ підго́ва-ми, тупоно́сі і гостроно́сі; до череви́ка, до ко́ження, до ла́пта; най-дешъ усеюди своє. Візьми черевикъ у Ніженськімъ повіті: якихъ тамъ цяцо́к та мережо́к не повіробо́вано. Одъ кире́і и до сороч́ки; кире́я бу-де якъ кире́я да відло́га буде не та́ка, у́ші у відло́ги бу́дуть позало́млювані; и якихъ тамъ прикра́сь нема: усе білими нит́ками пастри́ктовано; а сві-та буде и зъ мале́нькими збо́рами и зъ широкими рясе́ними скла́дами: буде роско́нна така, що Бо́же, а сороч́ка тамъ буде зъ ко́сими ру-кава́ми, зъ сто́йчимъ узе́нькимъ комі́рце́мъ, а тамъ—чохла́та.

А про жо́ночу оде́жу: поглянь на повя́зку За́дніпро́вську зъ хво-ста́ми, кінці висі́ють, у насъ би сказа́ли: такъ якъ у відми; поглянь и на повя́зку Кро́левецьк. повіту: тамъ завя́зуютьця родъ ча́лми, такъ якъ старі жи́дівки заві́ртуютьця, або й цига́нкі: намота́е, намота́е на голо́ві плато́к; и поглянь у́пять на чепу́рне́нку повя́зку Ко́нотопськ. повіту, або й Борзе́ньского; хоть и міжъ ними єсть своя одмі́на: по Ко́нотопськи ви́ще плато́к скла́даєтьця, а въ Борзе́ньськімъ повіті низ-че; а до мі́щанокъ и при́рівнюва́ть нічо́го: тамъ найдешъ повя́зку мовъ ко́рабли́къ до́вгенький на голо́ві,—такъ ви́вьяже́тьця. Одъ череви́ка про-стого, до жо́вти́нця, до бо́сої но́ги и до ла́пта, такъ якъ бу́дешъ іха́ть, такъ и ба́читемешъ пере́міну. Одъ світи біло́ї, що похо́жа на ку́птиншъ, и до карсе́тки; одъ пла́хти закла́дано́ї, шовко́вої и до спідни́ці чирво́-ної за Черні́говомъ; а поки до́їдешъ, то ще побачи́шъ и три́чі піса́ні, ті, що у Пру́сівъ (Борзе́нск. пов.) тчу́тьця. Багато такъ, що й сказа́ть немо́жна, одмі́ни.

А, мі́щанство!—у нихъ своя оде́жа; у нихъ чекми́нь родъ хала́та па́нського, чимба́рка суко́нна, жуна́ть до́вгий, юпочи́й уся́кі; чо́го не побачи́шъ, поки пере́гліди́шъ усеюди по горо́дахъ. А мі́щанки: одъ шу-шо́на, одъ хала́та, одъ бату́ринки, що ста́нь на спи́ні, по моско́всь-кому кро́ю, одъ ко́лія́ка, що носили мі́щанкі пре́же въ Полта́ві (не знаю те́перъ) и до повя́зки ко́рабликомъ, за́йчикомъ, уся́кь. Одъ шу-бе́екъ сібо́ркових ні́женськихъ зъ комі́рами ле́жачими зъ біля́чими хво́-сти́ками—родъ шене́лей па́нськихъ, и сто́йчими; одъ шу́бе́екъ зъ дур-пові́сами и до вся́кихъ зразкі́въ и кро́ївъ. Багато, и сказа́ть немо́жна, якъ ба́гато и міжъ са́мими мі́щанами одмі́ни въ одя́жі. Опрі́чь того, що пере́ймають, и захо́дять зъ уся́кихъ мі́сть кро́ї; те́перъ про́сті зъ До́ну заво́сять: вона́, ка́же, по До́нському налі́зники но́сить.» Було й таке, що дава́лось одному́ го́роду за яку небу́дь послугу: «ка-жуть бй то, у Ні́жені, мі́щанкі ході́ли у смуга́вихъ коза́чихъ висо́кихъ

кучмахъ; кажуть би то, імъ далось спрѣжду колись, за підмогу чоловікамъ въ обороні гóрода одъ непріятеля. И опѣять, шапки жонóчі, що тѣперъ вивелись, були въ Коното́ні, родъ теперішнѣі чоловічої шапки зъ ушіма, дакъ вони були соболѣві, а вершокъ оксамітний,—по достатку, звѣсно, робілось. Такъ якъ теперъ мо́да вихóдить изъ столиці, такъ колись, видно, на Вкраїні, изъ великихъ городівъ у дрóгї перехóдила, а найпаче изъ такихъ, якъ Батúринъ, Черніговъ, Глúховъ. Юпки батúринки изъ Батúрина перейшли у Конотінь. Нетілько одѣжа своя перехóдила изъ однóго мѣста у дрóге; а въ одѣжі на́шій старінній відно рúку азійськихъ краївъ: нетілько повязка Кролевѣцького повіту родъ чалмі, або Задніпровська—хвистата, у жіно́къ; а въ чоловіківъ штани, шапки кабардинки, прѣжні черкѣски зъ вилѣтами, низька стріжка голови зъ оселѣдцемъ, на той штáлтъ, якъ жи́довá стрижѣ низько го́лову, и Татарва ви́бриває посередъ голови. Такъ и видно, якъ посмакнѣшь, що багáто дѣчого у насъ перейшло изъ азійськихъ краївъ; нащо вже, якъ весілля гуляють: и то обрáди похóжі въ сѣмъ рáзі зъ обрáдами у Бѣлого Арáпа, въ алжирськихъ краяхъ. Хай хто знає наше весілле, прочитає: Записки Путешественника по Алжиріи. (Библиотека для Чтенія), той самъ побáчить, якъ похóжо. Скажемо однимъ одру́бомъ, що ті захóжі чужі лю́де, и Греки, и Волóхи, а може й Нѣмци и Сербї, що мѣжъ нами живóуть, або й зовсѣмъ перемішáлись, заправили одміну нетілько въ одѣжі, и въ пострóйці; до насъ и зъ Дóну, и зъ дрóгихъ краївъ, чи мáло позахóдило. Переїздівши Пруссї, Борзенськ. пов., бáчишь у хáтахъ кріші висóкі гострóвувасті, такъ якъ у на́шихъ старіннихъ хáтахъ, що дѣ-нигде, теперъ мóжно заглѣдѣть. Мінї здаєтця, щобъ достáть и докопáтьця старинні на́шої и поя́ніть, вітки вона узля́сь, трѣба на́шимъ учѣнимъ, що знають свій кра́й, свій міръ, трѣба, кажу, порітьця мѣжъ азійцями; тáмъ можно достáть щя́рціо; то все відно бóде, якъ у дѣнь, вітки на́ша старина забрїлá; и сь кимъ нашъ народъ, не то Гатьмáнщина, а ще давні и прѣдáвні прѣдки—Славя́не еднáлись, и вітки вони й прибу́ли. Бо ні що такъ не живе довго, якъ обрáди, пострóйка, одя́гъ и всякі обихóди хазійські; візьми ти верстáть якїхъ тáмъ прозвáній не дося́гнешъ: *и шінки й рїтки й лóнки*; візьми ти майстерствó и почу́ешь слово: *кя́ри ви́братъ*. Усе переміня́етця, лю́де змíрають, переміня́ютця, а воно все одно,—и прѣдки и ви́uki твердáть: *шінки, рїтки, лóнки, кя́ри ви́братъ*.

Одкíпувшись трохи одъ дѣла, я упѣять поверну́сь до ёго, скажу що

у насъ забродчики, чумаки, хоть тіжъ селяне, та у нихъ есть своя одміна, у нихъ одѣжа до їхъ діла приправлена. У забродчиківъ чоботи и штани одмінні, бо те що вінъ брѣхаетця разъ-у-разъ по воді, уже заказує йому ходить по своєму; або й чумачні — тамъ зновъ свое.

Промовлюєще ище про одѣжу старшини козачої — панства старинного и лейстрогового козацтва. У нихъ була своя одѣжа; у простихъ козаківъ Гатьманськихъ виборнихъ, кажуть би то, була по заказу, и якъ такої небуло, дакъ и пені козаківі. Кажуть, за сотень, козаки ходили у сіненькому козакині, зъ кгудзиками, одрізний станъ — родъ чемерки, шапка зъ верхомъ суконнимъ, штани шараварі, и, звісно, друга вже козака справа воєнна. А що про старшинъ, дакъ у нихъ и кунтуші и черкеськи и опанчини и жупани; багато — пребагато усякої одѣжі одмінної одъ простацької; да Бігъ ёго вже знає — чи вона по моді перемінялась, такъ якъ и теперъ, чи вона шілась своїмъ тутешнімъ штибомъ и недуже — то вкидалась у чужині. Такъ міні здаєця, що вона дуже була похджа зъ польскою. Тільки можна примітити, що багато дуже було одѣжі панської и чоловічої и жоночної, такої, що теперъ нема, тільки де-що застріло у селянъ, то въ горожанъ, бо перейшовъ той крой на сукно прѣсте, отъ хоть би й світи білі у жінокъ, шапки жоночі соболеві, зъ ушіма, задѣржались у чоловіківъ, и перейшли на смушіві. Народъ, що захопивъ одъ панівъ, дакъ и задержавъ и досі, ище й довго придержить; се видно и по другихъ ділахъ, отъ хоть би й до танцівъ: *шени* й *кедехеси* старинні панські, можна й теперъ найти у простоті; а панству вже вони и въ сні несійця. Примічаєшь, що прѣстий народъ, селяне, що найбільше придержують свое, и недуже кидаютьця на моду; міщане уже швидчій міняють, а пани ище швидчій.

Списуючи людей усякихъ теперішнихъ увъ одѣжі, такъ міні здаєця, не треба бъ занехати и старинної старшинської одѣжі и простихъ козаківъ; щобъ ми знали, яка то и въ нихъ була одѣжа, що то були за сирії гуні, шивки; тоді можна бъ и зъ неї багато де-чого виморокувати для прѣжнього часу. Тоді повний и справний буде діло. Тоді, списавши и селянъ и міщанъ и старинне панство, кожне по своєму, тоді й познаємо, що у насъ діялось, и діетця; бо кожне зъ нихъ своїмъ дѣхомъ діше. Міщанинъ и теперъ не тільки одягаєця по своєму, а й танцює по своєму: Бобрійського козачка у селянъ не знайдешъ, а у міщанъ Ніженськихъ почуєшь. Міщанину покажетця незви; чайно одирати такого бішеного козачка, щобъ усяка жінка тремтіла-

а міщанка танцює такъ, якъ ўтка плаває: и гелѣвку витягне, и рѣки держить по своєму; вони й говорять по своєму: або шенеляють, кажуть *шєрце*, вмісто серце, або *булє* вмісто були, *чїле*, вмісто чули; або горькають,—усє тїмъ що, я, бачъ, не мужічка; й співають тоненько, такъ якъ кошенята навчать. Отъ, хоть би й у Полтаві: усє тимъ, що ось ми, благородні. Такі жъ самі норові показували и старинні пани, и теперішні. Умомъ не легко перевіснить прѣстого сїрѣму, або міщанина, а одєжею, та мѣвою, швидко можна очі засліпїть: ну, да й розумний же, скаже: таке елебезує що хїба нашъ пїнь, отець Хома, чи не вторѣає, а ми й не тєє!..»

Змалювавши однихъ людєй на три ладї: їхъ парєуну, одєжу, їхъ сєлища и двѣрища, їхъ обрїди и кїплю, и торгї и бургї и весїлля и забавки и другї прїтїчпви, тоді й вийде на папєрі *Живѣписна Україна*.

Стецько Благѣвїсть.

Листопадъ, 1861.

Комлїківъ—Ярѣ.

ОБЪ ОБУЧЕНІИ ГРАМОТЪ ВООБЩЕ, И ОБЪ АРИѦМЕТИКЪ Д. МОРОЗА.

Въ *Основѣ* (январь 1862 г.) помѣщена статья объ украинскихъ букваряхъ, подъ названїемъ: «Наські Граматки.» Вѣроятно, она прочтена была безъ должнаго вниманїя, потому что — вотъ уже прошло полгода слишкомъ и—никто не высказалъ объ ней ничего, несмотря на ея современность и вызовъ самого автора. Задача народнаго образованїя—великая задача: она можетъ быть разрѣшена только при совокупномъ и дружномъ усилїи всѣхъ дѣятелей на педагогическомъ поприщѣ. Теперь такое время, что всякій—будетъ—ли то Великорусь, Полякъ, или Малорусь—всякій, кто несетъ свою лепту въ сокровищницу общественной пользы, долженъ быть побратеки привѣтствуемъ и ободряемъ честно и откровенно высказаннымъ словомъ. Будетъ—ли то духовный или свѣтскїй человѣкъ, профессоръ университета, учитель гимназїи, или скромный, малообразованный сельскїй наставникъ—всякъ, кто подастъ голосъ *искренняго убѣжденїя*, заслуживаетъ вниманїя

и одобренія, или опроверженія. Авторъ означенной статьи весьма справедливо замѣчаетъ: «На те нічого вважати, що який» мовъ »зъ мене письмакъ, який єъ мене мистецъ виводить по білому чорне! люде тільки бѣдуть сміятця!» або: »підождімо» мовъ »що скажуть старіші и письмєнніші!» Тутъ не письмєнство и мистецтво наше потрібні—знайдутця и на те сдѣтні, де трѣба; а тутъ трѣба голосівъ: той те скаже, другій друге, третій трѣте,—а одъ того вірозумієтця діло, повернетця передъ нами зъ усіхъ боківъ.» Эти слова относятся не къ однимъ только Малоруссамъ, а ко всѣмъ нашимъ собратіямъ, посвятившимъ себя дѣлу распространенія грамотности по всей Русской Землѣ, на разумныхъ началахъ. Радуюсь и привѣтствую *Основу*, встрѣтивъ въ ней драгоценныя для насъ, Сѣверянъ, педагогическія истины, и душевно желаю процвѣтанія зарождающейся у Южанъ самобытной мысли по этому предмету. Нельзя не пожелать побольше такихъ искреннихъ статей, какъ »Наські Граматки,« — нельзя не порадоваться тому, что сдѣлано Украинцами по предмету составленія букварей: то, что уже есть, много говоритъ въ пользу Южанъ. Относительно средствъ для обученія грамотѣ, они очень мало отстали отъ Сѣверянъ, у которыхъ педагогическая литература, въ послѣдніе пять лѣтъ, быстро подвинулась впередъ; довольно вспомнить, что нынче издаются четыре великорусскихъ педагогическихъ журнала, не включая въ то число такихъ псевдолитературныхъ явленій, какъ »Дѣдушка Еремѣй« »Гувернантка,« и отчасти—»Русскій Педагогическій Вѣстникъ.»

По поводу статьи »Наські Граматки,« я хочу сказать нѣсколько словъ о методахъ обученія грамотѣ.

Прежде всего замѣчу, что авторъ ошибочно считаетъ г. Золотова *изобрѣтателемъ новаго*, такъ называемаго—*звуковаго*, способа. Авторъ, конечно, въ этомъ не виноватъ, а виноваты нѣкоторые русскіе журналы, которымъ угодно было приписать Золотову такую честь совершенно несправедливо. Золотовъ положительно уличенъ въ этомъ Русскимъ Педагогическимъ Вѣстникомъ (№5 1858 г.) и г. Студитскимъ (въ брошюрѣ »Какъ учить грамотѣ по »азбукѣ для крестьянскихъ дѣтей.« С.П.Б. 1860). Изобрѣтателемъ звуковаго способа считается извѣстнѣйшій педагогъ Жакотѣ; за нимъ слѣдуетъ цѣлая фаланга подражателей, сильно вѣрующихъ въ превосходство выдуманнаго имъ способа. Первымъ составителемъ букваря, по способу Жакотѣ, въ Россіи былъ *Студитскій*, издавшій еще въ 1846 г. азбуку безъ складовъ. Но о Студитекомъ всѣ молчали. Затѣмъ, появился *Золотовъ*,

уже какъ подражатель Студитскаго, — и вотъ, Богъ вѣсть почему, затрубили о Золотовѣ, который поэтому и до-сихъ-поръ нѣкоторыми считается за первоначальника множества азбукъ, вышедшихъ въ послѣдніе два—три года. Нѣкоторые изъ составителей азбукъ уже самостоятельно разработали методъ Жакотѣ и значительно уклонились отъ Студитскаго и Золотова; поэтому предлагаемый Золотовымъ способъ слѣдуетъ назвать скорѣе *устарѣлымъ*, чѣмъ *новымъ*. Настоящій же новый способъ, уже давно употребляемый въ Германіи, у насъ едва начинается только вводиться; это — *способъ обученія чтенію посредствомъ письма* (*).

Старинный *силлабическій* способъ у насъ окончательно осужденъ на изгнаніе, и если еще употребляется во многихъ училищахъ, то развѣ людьми мало смыслящими въ дѣлѣ обученія грамотѣ; всѣ опытные педагоги рѣшительно его отвергаютъ. Тутъ дѣло еще не въ томъ, что дѣтямъ скучно зубрить бессмысленные склады *брѣ, врѣ, тма, мна* и т. п. и что легче научиться по звуковому способу, — а въ томъ, что ученіе *по силлабическому способу влечетъ за собою дурныя послѣдствія*: убиваетъ умственные силы дѣтяти и поселяетъ въ немъ отвращеніе ко всякой книгѣ, такъ-что и приобрѣтеніе грамотности очень часто обращается во вредъ, а не въ пользу. Рѣдкая натура вынесетъ, безъ особаго вреда, этотъ мертвый механизмъ продолжительнаго долбленія; обыкновенно бываетъ такъ, что обучавшіеся грамотѣ *машинально* и на всю жизнь остаются *машинными*, а не разумными существами; такіе грамотники дѣлаются *только* писарями, прикащиками, ябедниками, а не *людьми*. Что въ этой грамотности!.. Не даромъ возставали нѣкоторые, даже весьма образованные, люди противъ грамотности.

Конечно,—и я вполне согласенъ съ сущностью высказанной авторомъ мысли, — что успѣхъ ученія главнымъ образомъ зависитъ не отъ выбора только метода, а отъ выполненія его. Но мнѣ кажется, что авторъ напрасно думаетъ, будто неопытный учитель не справиться съ *новымъ* (т. е. новымъ—по мнѣнію автора) способомъ. Пусть аз-

(*) Букварь по этому способу впервые у насъ издалъ, кажется, г. Шмеловскій, а потомъ, въ 1860 г., г. Паульсонъ, впрочемъ—въ одномъ только текствѣ безъ всякаго объясненія. Вскорѣ я издамъ букварь въ подобномъ же родѣ, но съ критическимъ разборомъ способовъ обученія грамотѣ и съ подробнымъ представленіемъ для учителя какъ о новомъ способѣ, такъ и о начаткахъ дѣтскаго обученія вообще.

бука Золотова неслѣдующему учителю покажется мудреною; но зачѣмъ же непремѣнно брать азбуку Золотова, — когда есть лучше? Нынѣче, какъ я уже сказалъ выше, способъ Жакото упрощенъ; онъ дотого измѣнился въ нѣкоторыхъ нашихъ новѣйшихъ азбукахъ, что его уже нельзя называть *звуковымъ* въ томъ смыслѣ, какъ понимали его прежде. Вотъ этотъ-то способъ, — способъ, образовавшійся изъ удачнаго согласованія двухъ крайне-противоположныхъ способовъ — *силлабическаго* и *звуковаго*, — и слѣдуетъ назвать *новымъ*. По этому способу обученіе идетъ очень просто, безъ всякой терминологіи и безъ всякихъ предварительныхъ толкованій. Говорите прямо напр. *м*, *а* — *ма*, потомъ повторите тоже самое *ма* и — выйдетъ цѣлое слово (мама); затѣмъ возьмите другіе двѣ, три буквы напр. *у*, *о*, *х*, и опять складывайте слова. (Надо приписывать по-возможности такія слова, которыя состояются изъ одинаковыхъ или схожихъ слоговъ, какъ напр. *у-ха*, *му-ха*, *у-хо*, *э-хо* (*). Всякія объясненія о различіи гласныхъ отъ согласныхъ, о прямыхъ и обратныхъ слогахъ и т. п. тутъ еще вовсе неумѣстны: они, покажутъ, нисколько не помогаютъ дѣлу, а только путаютъ понапрасну дитя. Когда, такимъ-образомъ, заучивая въ одно и то же время буквы, слоги и слова, дѣти знакомятся съ большою частью буквъ и съ ихъ различными сочетаніями, тогда уже толкуйте о слогахъ, удареніи, о знакахъ *ъ*, *ь*, и вмѣстѣ съ тѣмъ, подбирайте слова, въ коихъ нѣкоторыя буквы измѣняютъ свое обыкновенное произношеніе, напр. *водѣ*, *его*, *ел*, *счѣты*, *мытьѣ* и т. п. Когда дитя свыкнется сколько-нибудь съ механизмомъ чтенія, начинайте исподоволь объяснять и начала грамматики. А раньше того — не говорите ни слова о какихъ бы то ни было правилахъ, исключеніяхъ: будетъ съ дѣтей и того, что они занимаются однимъ механическимъ складываніемъ по-возможности-легкихъ, удобопонятныхъ и

(*) При такомъ способѣ обученія, сначала вовсе не нужно ни букваря, и никакой книги: довольно запастись достаточнымъ количествомъ *разныхъ буквъ*; а еще *гораздо лучше разныя буквы замѣнить писаніемъ*; — тутъ стоить только ученикамъ дать аспидныя доски; учитель будетъ писать на класной доскѣ, а ученики подражать ему. Здѣсь писаніе, соединенное съ чтеніемъ, служить въ одно время и цѣлью и средствомъ. Такое разнообразіе въ занятіи дѣтей облегчаетъ ихъ и ускоряетъ изученіе и чтенія и письма: — одно другому нисколько не мѣшаетъ, а напротивъ, много помогаетъ. Когда учащіеся ознакомятся съ буквами и ихъ различными сочетаніями (въ словахъ), дайте имъ вмѣсто отрывочныхъ словъ, сперва — цѣлыя выраженія, а потомъ — и маленькіе рассказы.

занимательныхъ для нихъ словъ;—нѣчего имъ толковать о томъ, съ чѣмъ они не познакомились еще на практикѣ. Къ-сожалѣнію, еще и до-сихъ-поръ никто и изъ составителей русскихъ азбукъ не обратилъ на это вниманія.

Есть уже и на Малорусскомъ языкѣ букварь, составленный по означенному способу, а именно: *»Грамматка за-для Украинського люду, Л. Яценка. Москва. 1862 року.* Вотъ и учите по немъ, пока не явятся лучшіе. Правда, что и *Яценко*, по примѣру всѣхъ составителей русскихъ азбукъ, толкуетъ въ первыхъ же урокахъ о томъ, чего дѣти еще не въ состояніи понять, т. е. о различіи гласныхъ отъ согласныхъ, и о слогахъ. Такое объясненіе не есть необходимая принадлежность новаго метода, а только рутинна, внесенная въ обученіе дѣтей подражателями *Жакото*, подражателями, еще и до-сихъ-поръ нерѣшившимися разстаться съ нѣкоторыми пріемами своего учителя не по убѣжденію, а, какъ надо полагать, по слѣпому поклоненію громкому авторитету. Зато въ букварѣ *Яценка* нѣтъ ничего головоломнаго—все просто, такъ-что всякій нетупоголовый учитель пойметъ, въ чемъ дѣло. Правда, сначала дѣтей будутъ сбивать—какъ выражается авторъ статьи *»Наські Грамматки,«*—эти *»премудрости голосніхъ и приголоснихъ;«* по тутъ бѣда не большая: все-таки дѣтямъ будетъ *веселѣе, легче учиться по этому чьмъ по старосвітському способу,*—а это-то, какъ и авторъ полагаетъ, и есть самое главное,—вся суть,—чего и должны добиваться составители азбукъ.

Поэтому, принявъ въ соображеніе все вышесказанное, никакъ нельзя согласиться съ авторомъ *»Наські Грамматки,«* что *»писмачення по новому способові буде у насъ більше ріа desideria, и безъ граматокъ, написанихъ по старосвітському способові, намъ обійтись не можна.»* Подобное мнѣніе можетъ колебать людей, которые стремятся побѣдить рутину и положить новыя начала въ обученіе, но не обладающихъ достаточно педагогическимъ тактомъ. Всякому извѣстно, какъ трудно искореняются привычки, равнодушіе и предразсудки, глубоко засѣвшіе въ обществѣ. Противъ этихъ-то язвъ и надо больше всего ратовать; частные недостатки новыхъ началъ исправятся скорѣе и легче, чѣмъ предполагаетъ авторъ.

Не могу не выразить живѣйшаго сочувствія вполне вѣрной мысли, высказанной авторомъ статьи (*»Наські Грамматкі»*): *»Грамматка, добродійство,, попередъ усе́го повинна бути граматкою.»* У насъ тоже

вовсе не обращаютъ вниманія на это; одинъ только І. Паульсонъ, въ своемъ букварѣ, подобралъ тексты, вполне соответствующій назначенію букваря. У него помѣщены сначала отрывочныя слова, затѣмъ—фразы, составленныя изъ знакомыхъ уже учащимся словъ, и наконецъ—коротенькіе разказы и стихотворенія, приличныя дѣтскому возрасту. Въ нѣкоторыхъ малорусскихъ букваряхъ, замѣчаетъ авторъ,—предлагаются для обученія дѣтей чтенію «псалмѣ, вірші, думки, молитви» и т. п. Это еще куда не шло! А посмотрите, что дѣлается у Сѣверянъ: у насъ даже лучшія буквари обращены чуть-ли не въ дѣтскія энциклопедіи,—вы найдете въ нихъ даже библіографію (не только исторію литературы), съ означеніемъ цѣны книгъ,—просто удивительно, что хотять сдѣлать изъ азбуки! Въ ней вы все найдете... не достаетъ только того, что быть должно. Таково ужъ направленіе вѣка, ужасающее своею всепоглощающею меркантильностью, которая и сбиваетъ съ толку даже не послѣднихъ педагоговъ! Видите въ чемъ дѣло: стараются угодить не дѣтямъ, а покушникамъ букварей, покушникамъ, желающимъ за возможно—малыя деньги научить своихъ питомцевъ возможно—многому... А *какъ научить*, т. е. съ толкомъ, или безъ толку,—это уже, разумѣется, не ихъ дѣло.

Я еще не видѣлъ всѣхъ украинскихъ учебниковъ; но если и прочіе такъ хорошо составлены, какъ *Арихметика Данила Мороза* (Кіевъ 1862. Цѣна (67 стр.) гривѣнникъ,) то отъ южнорусской педагогической литературы можно ожидать обильныхъ плодовъ.

Изъ предисловія къ «Арихметикѣ» (*Щотниця*) видно, что г. Морозъ созналъ весь вредъ схоластическихъ пріемовъ первоначальнаго обученія; онъ совершенно вѣрно понялъ, что не наука виновата, что такъ трудно дается дѣтямъ, а—учителя, неумѣющіе съ ними обращаться и забываящіеся о привлеченіи ихъ вниманія. Принявъ въ основаніе *наглядность*, какъ необходимое условіе первоначальнаго обученія какому-бы то ни было предмету, авторъ, по примѣру лучшихъ германскихъ педагоговъ, советѣмъ устраняетъ изъ ариметики «*отвлеченныя числа*». Ариметика, какъ извѣстно, изъ всѣхъ наукъ самая практическая наука; слѣдовательно, въ ней менѣе всего могутъ быть терпимы отвлеченности. Мы никогда не говоримъ просто 2, 3, а всегда соединяемъ съ этими числами какой-нибудь предметъ: два—чего? два яблока, два пера и т. п. Затѣмъ вводитъ въ науку то, чего не бываетъ въ жизни? Г. Морозъ обратилъ на это вниманіе; и потому—то счисленіе (нумерацію) и четыре дѣйствія онъ объясняетъ на конкретныхъ числахъ—

на примѣрахъ; и такимъ образомъ у него нѣтъ и помину объ *именованныхъ* и *неименованныхъ* числахъ, точно такъ, какъ не бываетъ такого различія на практикѣ.

Разъ выбравъ раціональный путь, авторъ не уклоняется отъ него до самого конца. Прежде всего надо замѣтить, что онъ избѣгаетъ всякой терминологіи, — терминологіи, которою обыкновенно обременяютъ память учащихся не только бесполезно, но и съ большимъ вредомъ: — сухость, строгая систематичность всегда противны дѣтямъ. По современной дидактикѣ, опредѣленіе какой-либо части, отдѣла науки, должно слѣдовать послѣ изложенія этой части или отдѣла; опредѣленіе же всей науки — послѣ изложенія всей же науки. Такъ поступаетъ и г. Морозъ. Необходимыя опредѣленія сложенія (*складанне*), вычитанія (*одлічѣ*), умноженія (*помноженне*), дѣленія (*рѣділѣ*), у него слѣдуютъ уже послѣ обстоятельнаго объясненія этихъ дѣйствій на примѣрахъ, такъ-что затверживаніе опредѣленій есть не что иное, какъ приведеніе въ родовое представленіе знакомыхъ уже дѣтямъ видовъ: тутъ, разумѣется, легко запомнить правило, о которомъ дано уже ясное понятіе предварительными практическими упражненіями. Слѣдовательно, г. Морозъ поступаетъ совершенно согласно съ основными началами педагогіи. Онъ только въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ исключеніе, и именно въ самомъ началѣ руководства, гдѣ опредѣляетъ значеніе ариметики какъ науки. Но это опредѣленіе такъ дѣльно и просто, такъ ясно и хорошо изложено, что автора вовсе не слѣдуетъ упрекать за отступничество. И вообще, вся «арифметика» чрезвычайно хорошо изложена: языкъ такъ простъ, объясненія такъ послѣдовательны, такъ точны и такъ ясны, что лучше этого и требовать нельзя.

Скажу-теперь объ объемѣ и матеріальномъ содержаніи «арифметики». Въ настоящее время опытные учителя почти вовсе не даютъ въ руки ученикамъ какихъ бы то ни было учебниковъ по элементарнымъ предметамъ: дѣти пріобрѣтаютъ необходимыя свѣдѣнія и развиваются въ бесѣдахъ съ преподавателемъ и въ практическихъ упражненіяхъ словесныхъ и письменныхъ; разумѣется, и тутъ допускаются отступленія въ видѣ исключенія. Что касается до ариметики, то тутъ рѣшительно неумѣстны для дѣтей какія бы то ни было учебники, или записки; однѣ только задачи, для сбереженія времени отъ перенесенія, могутъ быть собраны для нихъ въ одну книгу. Г. Морозъ и это обстоятельство не упустилъ изъ виду: собственно арифметику онъ составилъ какъ руководство для неопытнаго учителя; да, сверхъ того, помѣстилъ

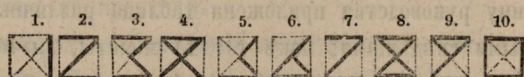
въ ней много задачъ, которыми могутъ пользоваться ученики. »Арихметика« оканчивается дѣленіемъ. О дробяхъ дается только общее понятіе. Къ концу руководства приложена таблица различныхъ измѣреній съ полезными свѣдѣніями; какъ-то: 1) монеты, (*лѣба грошей*); 2) мѣры протяженія (*міри довжини*) (*); 3) мѣры сыпучихъ веществъ (*міри для того, що пересипається*); 4) мѣры жидкостей (*міри для рідкого*); 5) мѣры вѣсу (*міра ваги*); 6) мѣры времени (*міра часу*); и 7) мѣры бумаги (*міра паперу*).

Что касается до приѣмовъ, то надо сказать, что они не совсѣмъ удовлетворяютъ болѣе строгимъ требованіямъ современной дидактики. Извѣстный германскій педагогъ, *Грубе*, авторитетъ котораго вполнѣ подтверждается и опытами русскихъ педагоговъ, поступаетъ нѣсколько иначе, чѣмъ г. Морозъ. Г. Морозъ, начавъ счисленіе (нумерацію) съ единицы, продолжаетъ его до конца (оно доходитъ у него только до десятковъ тысячъ); и затѣмъ уже приступаетъ къ сложенію и прочимъ дѣйствіямъ. Грубе же преподаетъ такъ: научивъ счисленію до 10, сряду-же производитъ надъ этими числами сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе; затѣмъ беретъ нѣсколько десятковъ, и сотню—тоже четыре дѣйствія и т. д. Очевидно, что приѣмы Грубе имѣютъ за собою то важное преимущество предъ другими, что, во-первыхъ, разнообразятъ занятія, а во-вторыхъ, дѣти легче усвояютъ себѣ счисленіе и скорѣе видятъ его примѣненіе къ дѣлу (на задачахъ), слѣдовательно—и пользу ученія.

Какъ я ужъ упомянулъ сначала, г. Морозъ счисленію учить *наглядно*, т. е. показываетъ ученикамъ какіе-либо предметы, напр. яблоки, бублики и т. п., и такимъ образомъ даетъ ясное понятіе о количествѣ и числахъ безъ всякой терминологіи и безъ всякихъ отвлеченныхъ опредѣленій. При этомъ, самыя изображенія цифръ онъ совѣтуетъ уподоблять какимъ-либо предметамъ, напр. единицу (1)—палочкѣ, нуль (0)—бублику или кренделю, (8)—двумъ бубликамъ, сложеннымъ вмѣстѣ.—Это прекрасно. Но тутъ можетъ встрѣтиться для учителя затрудненіе въ приисканіи подобныхъ уподобленій для остальныхъ цифръ: чему уподобить, напр., 4, 5? Г. Морозъ этого не объясняетъ. Мнѣ кажется, хорошо было бы объяснять учащимся со-

(*) Тутъ в.-п. Морозъ забываетъ про наши *гоны* и *оні* (поля). *Ред.*

ставныя части цифръ, т. е. объяснить, что первоначально всѣ цифры составлялись изъ палочекъ слѣдующимъ образомъ:

Задачи подобраны г. Морозомъ большею-частью удачно. Однако есть и у него пять-шесть такихъ, которыя своею неестественностію могутъ поставятъ въ тушкѣ не только ученика, но и учителя. Учитель ариометики, который заботится преимущественно объ умственномъ развитіи дѣтей, ариометическія задачи долженъ выбирать съ тщательною осмотрительностію, чтобы въ нихъ не было ничего слишкомъ искусственнаго или чего нибудь такого, чего не бываетъ въ дѣйствительной жизни, или же что можетъ показаться, дѣтямъ, страннымъ или непонятнымъ. Самъ авторъ говоритъ въ предисловіи: «Учитель повиненъ вигадувати пита́ння, котрі щоденно трапляються у житті на́шого лю́ду.» Но могутъ ли случиться въ жизни подобныя задачи:

1) Мині 21 годъ, брату 14, а батькові стільки скільки маю я, має мій братъ и ще 27 літъ. Скільки літъ батькові? (Стр. 24). Кт́о же такъ считаетъ лѣта?.. Одна *ариометика*...

2) У кожного чоловіка по 5 пальцівъ на руці. Скільки пальцівъ у безрукого? (Стр. 26). Ну, эта задача не для *ариометики*...

Впрочемъ, и со стороны приспособленія задачъ къ дѣтскому возрасту и народной жизни «Арихметика» г. Мороза превосходитъ всѣ русскія ариометики,—такъ точно какъ и со стороны дешевизны: *привинникъ* за 67 стр.

Г. Морозъ, равно и *товариство*, на счетъ котораго издана его книжка, заслужили глубокую благодарность. Желаемъ, чтобы и украинскіе паны оцѣнили этотъ учебникъ и, принявъ его за руководство для своихъ дѣтей, облегчили бы имъ трудъ изученія; простой народъ *Арихмѣтику (Шотницю)* навѣрное оцѣнитъ.

І. К. Ш-рл-в-й.

25 августа 1862.

Петербургъ.

ПО ПОВОДУ ЗАМѢТКИ Г. ЛЕВЧЕНКА «О РУСИНСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ (*)».

При составленіи малороссійской терминологіи необходимо имѣть въ виду два главныхъ правила: во-первыхъ, чтобы каждый терминъ былъ произведенъ отъ такого слова, которое существуетъ въ родномъ языкѣ; и во-вторыхъ, чтобы окончанія терминовъ соотвѣтствовали формамъ нашего языка. Словарь г. Левченка не всегда удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Такъ, науки: ариѳметика, бухгалтерія и математика переведены въ немъ терминами: *щотниця*, *счетоводство*, *численниця*, произведенными отъ словъ: счетъ и число, которыхъ въ малороссійской рѣчи не существуетъ (?); а есть: *лікъ*, *лічба*, *рахѹба*, *рахѹнокъ*, изъ которыхъ и слѣдовало бы составить упомянутые термины. Словомъ *безправность* (анархія), *розборъ* (анализъ), *деукратъ* (квадратъ) приданы окончанія не свойственныя нашему языку. Въмѣсто безправности у насъ издавна употребляютъ слово *безправья* (см. Справа Братства Виленского съ Іеродиакономъ Грековичемъ въ 1605 г.); вмѣсто розборъ, надобно было написать *розбѣръ*, если нельзя замѣнить другимъ словомъ; окончаніе *кратъ* у насъ не существуетъ, а есть *кротъ*; напр. въ словахъ *сто-сотъ кротъ* (Ужін. рід. поля), *двокротъ* (Сл. Закрев.); впрочемъ квадратъ лучше было бы назвать *четверецъ*, по чешски. Для аналогіи у насъ есть старинное слово *подобенство* (Слов. Беринды и Зизанія); астрономъ встарину назывался *звѣздарь*, обсерваторія *звѣздарня* (см. старинные Кіевскіе мѣсяцесловы), гербаріумъ по малороссійски *зілляникъ*, амальгама тоже имѣетъ народное названіе, *котловина* слово в.-русское, *кружало* означать не циркуль, а кружокъ, сдѣланный изъ чего нибудь. Для выраженія понятія колоритъ можно бы составить терминъ изъ слова *колѣръ*, извѣстнаго нашему народу. Орографію переводятъ еще словами: *правонись*, *словонись*, *словописання*, а грамматику словомъ *письменниця*. Инструментъ народъ называетъ *струментомъ*, а не *статкомъ*; последнее слово имѣетъ другое значеніе. Мануфактура называется *рукомествомъ* и *ремесствомъ*. Въмѣсто *плосецъ* слѣдовало бы *плавецъ*.

Въ заключеніе, считаемъ не безполезнымъ помѣстить переводъ русскихъ словъ на букву А, большая часть которыхъ замѣтована изъ

(*) Основа 1861 г., кн. 7.

иностранныхъ языковъ. Отрывокъ этотъ составляетъ начало столь необходимаго для насъ русско-молороссійскаго словаря, предпринятаго два года тому назадъ студентами Кіевскаго университета. Продолжается ли онъ въ настоящее время?

При каждомъ словѣ показаны или губернія, въ которой оно записано, или книга, изъ которой заимствовано.

Объясненіе сокращеній:

Сл. З. Словарь малороссійскихъ ідіомовъ Н. Закревскаго.

Сл. Ш. Опытъ южнорусскаго словаря Шейковского.

Хмель. Хмельница, Куліша.

Уж. рідн. поли. Ужінокъ рідного поля, Н. Куцого.

Пер. Значить, что слово переведено.

Произв. Означаетъ, что это слово произведено отъ другаго, существующаго въ нашемъ языкѣ.

А—а (союзъ); а! (междом).

Аба—габа (Дум. о Кушкѣ); габякъ. Сл. З.

Абинный—габѣвий (Повѣст. Сторож.).

Аборигены—тубольці (Хмельн.).

Абрикосный—морелевий. Пер.

Абрикосъ—мореля, муреля (Лат. *Morēla*). Полт. г.

Абсентъ—полинъ; полинѣвка. Пр.

Авангардъ—передові, передъ війська, передове військо. Прогр. для опис. губ. Кіевск. Учебн. Окр.

Авантажъ—авантѣжъ Полт. г., користь Черн. г., ужитокъ, пожітокъ Сл. З.

Авва—батько, тато, пан-отець, ігуменъ. Прогр. для опис. губ. К. Уч. ок.

Августъ—Серпень. Тамъ-же.

Августѣйшій—найснѣйшій. Ст. сл.

Авдотья—Явдоха. Тавр. г.

Авдѣй—Овдѣй. Сл. З.

Авось—ачей (въ думахъ), може; *Авось-либо*—а може; *На авось*—на счастья, на одчай божій.

Авраамъ—Оврамъ. Тавр.

Авришментъ—злотокість (съ польск. яз.).

Аврора—світова зоря.

- Австральный—полуденный. Пер.
 Австриец—Австриятъ (Зап. о Юж. Р.),
 Цесарчикъ Сл. З., Цесарець Тавр. г.
 Австръ—полуденный вітеръ. Пер.
 Автографъ—самопись. Пер.
 Автократь—самовластець. Сл. З.
 Агафія—Гапка.
 Ангель—злий духъ, бісъ, чортъ.
 Агіасма—свячена вода.
 Агнець, агничикъ—ягня, бараня, баранчі, овця, ягнятко, баранчикъ; баранокъ (Сл. Берынды и Зизанія).
 Агница—вівця; чесна дівка Тавр. г.; цнотлива дівка Под. г.
 Агничій—ягнячий.
 Агрикультура—хліборобство. Произв.
 Агриппина, Аграфена—Горпина.
 Агрономія—наука хліборобства, рольництво (съ польск. яз.).
 Агрономъ—учений хліборобъ, рольникъ. Произв.
 Адажію—(переводъ этого и другихъ музыкальныхъ терминовъ смотр. во 2-мъ т. Зап. о Юж. Р.).
 Адамантовый—діаментовий. Сл. З. дем'янтовий Черн. г.; загартований, запеклий чоловікъ.
 Адамантъ—діаментъ. Сл. З.
 Адамашка—едамашка. Сл. З.
 Адамашковый—едамашковий. Сл. З.
 Адамово яблоко—кадыкъ. Тавр. г.
 Адвокатство—речництво. Произв.
 Адвокатъ—речникъ. Хмельн.
 Администрація—справа, справування. Сл. З. отсюда справувати—управлять публичными дѣлами.
 Адріанъ—Андріянъ. Тавр. г.
 Адонисъ (*Adonis vernalis*)—горипцвітъ.
 Адскій—пекельный.
 Адъ—пекло.
 Адьюнктъ—спомагачъ, помішникъ. Пер.
 Адьютантъ—джура, чура? (Въ думахъ).
 Азартный—задирака, задиракуватий, палёний Полт.
 Азбука—абетка, Уж. рідн. поля; граматка; абецадло. Сл. III.
 Азбучный—абетный. Уж. рідн. поля.

Азь—я; азъ.

Ай—ой! охъ! отъ!

Айва (*Malum Cydonium*)—гдуля, Сл. З., квітъ. Черн. г.

Аиръ—(*Asorus Calamus*)—гавъяръ. Тавр. лепехъ. Черн. г. аеръ, шуваръ, татарське зілля. Сл. III.

Аистъ білий (*Ciconia alba*)—лелека, черногузъ Тавр. и Полт. гайстеръ, бусель, бушля Полт. Боцянь, въ Запидпровьи; буська. Черн. г. Аистъ чорный (*Ciconia nigra*)—рибоідъ, Полт.

Аистовый—лелечий, черногузачий. Тавр.

Акація—окація. Тавр.

Акведукъ—риштакъ. Тавр.

Аквилонъ—спадный. Уж. рід. поля, холодний вітеръ. Пер.

Аки—якъ, неначе, ніби; Аки бы—якъ би, неначе—то, нібито.

Акилина—Кулина, Килина.

Акимъ—Якимъ.

Акомпаниментъ—пригравання, приспівування. Пер.

Акомпанировать—пригравати, приспівувати. Пер.

Аккуратно—чепурно, хунаво.

Аккуратный—чепурний, хунавий. (Этими словами, впрочемъ, передается только часть понятія, выражаемого словомъ аккуратный).

Аксамить—оксамить. Сл. З.

Аксамитный—оксамитовий. Сл. З.

Аксинья—Оксана.

Аксиома—самоп Правда. Пер.

Актъ (судебный)—бумага.

Акулина—см. Акилина.

Акушерка—баба, баба сповитуха. Тавр.

Акушерствовать—бабувати.

Акушеръ—бабичъ (съ чешск. яз.).

Акциденція—хабарі.

Алады—олады Тав. г., ладки. Зап. о Юж. Р.

Алебастръ, Алавастръ—либастеръ. Тавр.

Алебастровый—либастровий. Тавр.

Александра—Олександра. Тавр.

Александръ—Олександро. Тавр.

Алексѣй—Олекса. Тавр. Олешко, Лесько Сл. З.

Алекторъ—півень.

Алембикъ—лембикъ. Сл. З.

- Алёна—Олена.
 Алкать—хотіти їсти; жадати, бажати.
 Аллея—ходникъ. Вінокъ рус. на обж.
 Алмазъ—см. Адамантъ.
 Алтарь—вівтаръ. Тавр.
 Алтарный—вівтарний. Тавр.
 Алтынникъ—скупердяга. Тавр. г. скнарый. Полт. жмикнуть Сл. З.
 Алтынь—три копійки.
 Алфавитный—абетний. Уж. рід. поля.
 Алфавить—абетка; по алфавиту—по абетці. Уж. р. поля.
 Алчба, Алчность—голодь; жадоба, бажання, жа́га, жада́ння.
 Алчничать—жадати, бажати, бути завидливимъ.
 Алчный—голодный; ненажерливый, завидливый.
 Алырить—ошукати. Сл. З.
 Алырскій—ошуканський. Сл. З.
 Алырство—ошукання. Сл. З.
 Алырщикъ, Алыря—ошуканецъ, ошустъ, Сл. З. шахрай К. Под.
 Альковъ—фармуза. К. Под.
 Альманахъ—рочникъ, новорочникъ. Пер.
 Альціона—квочка. (Альціона названіе главной звѣзды въ созвѣздіи Плеадъ, называемомъ по малороссійски Квочка зъ курчатами. Очевидно, квочка здѣсь означаетъ Альціону).
 Аляповатый—розляпуватий. Тавр.
 Аманатъ—закладень, заставень. Пер.
 Амбарный—коморячий; господарь комори.
 Амбарщина—коморне, мито коморне. Пер.
 Амбаръ, амбарець—комора, коморка.
 Амбиція—амбиція. Сл. Ш., гоноръ. Сл. З.
 Амвонъ—амбона. Сл. Ш.
 Амигдалъ—мигдалі. Сл. З.
 Амуниція—муниція (munition).
 Амуриться—женихаться. Сл. З.
 Амфибія—гадина. Закр., плазъ—Уж. рідн. поля.
 Аналогій—налой, стіль, столець.
 Аналогія—подобенство. Сл. Зиз. и Бер.
 Анархическій—безправний, безъурядний, безладний. Пер.
 Анархія—безправья. Сл. З., безладдя. Хмельн., безъуряддя (съ чешск. nežad).

- Анастасія—Настя.
- Анатолій—Наталко. К. Под.
- Анатомить—натомити, різати, потрошити.
- Анахоретъ—см. Аскетъ.
- Анаоема—анахтема, анахтемъ. Сл. Зак. и Ш.
- Ангель—янгель, янголь; день ангела—патронъ. Полт.
- Ангельчикъ—янголятко.
- Англичане—Ангеляне, Атгелянці, Англяни. Сл. З.
- Англичанинъ—Ангельчикъ. Сл. З.
- Англійскій—аглицький. Тавр.
- Андрей—Андрій.
- Аневрисма—підвій (по словамъ С. Д. Носа)?
- Анекдотъ (историческій)—правда, (правдоподобный) можебилиця.
- Сніпъ, Віп. рус. на обж. (неправдоподобный), побрехенька.
- Аникій—Онисько.
- Анисовка—ганусівка. Тавр.
- Анисъ (*Pimpinella Anisum*)—ганусъ.
- Анисья—Онися.
- Аниъ (*Anethum graveolens*)—окропъ.
- Анна—Ганна.
- Анонимъ—неназваний, наименований. Пер.
- Антаблементъ—гзимъ. Сл. З.
- Антидоръ—дарá. Сл. З.
- Антихристъ—анцихристъ. Тавр.
- Антонъ—Антінъ.
- Ануфрій—Онопрій.
- Анютины глазки (*Viola tricolor*)—браччики, братки. Сл. Ш. брать та сестра. Харьк. губ.
- Апелляція—пересудъ. Стар. русск. слово; подавать на апелляцію—подавати на пересудъ.
- Апологетъ—боронецъ, бороныця. Сл. Ш.
- Апология—бороння. Сл. Ш.
- Апоплексія—грець. Тавр. г.
- Апостать—відчепенець. Уж. рід. поля.
- Аппаратъ—начиння. Стар. сл.
- Аппартаментъ—патраментъ. Полт.
- Аппетитный—смашний, ласий.
- Аполлодировать—въ долоні плескати.

- Апроши—підступи. Пер.
 Апрѣль—Квітень.
 Апрѣльскій—Квітнѣвий.
 Арапникъ—гарапникъ. Панъ Твард.
 Арапъ,—Арапъ, Муринъ. Сл. З.
 Арба—гарба. Тавр. г.
 Арбузъ—кавунъ.
 Арбузовый—кавуначий.
 Аргамакъ—румакъ. Сл. З.
 Аргументъ—доводъ. Пер.
 Арена—герць. Уж. рід. поля.
 Аренда—оранда.
 Арендаторъ—орендаръ, арендаръ, рандаръ, олондаръ (въ думахъ).
 Арендаторскій—рандарський, орендарський. Сл. З.
 Арендовать—орендувати. Сл. З.
 Ареометръ—вовчокъ. Черн.
 Арестантъ—визень, невольникъ, арештантъ, рештантъ. Сл. З. и Ш.
 Арестовать—орештувати. Сл. З.
 Арестъ—визення, орештъ, арештъ. Сл. З.
 Арка—склепіння. К. Под.
 Арканъ—арканъ.
 Аркебузъ—гаркебузъ. Сл. З.
 Арктическій—полуношній. Пер.
 Арлекинъ—кумедіантъ, паяць.
 Арматура—армовання, ристунокъ. Сл. С.
 Арменинъ—Армень. Сл. З. Вермень. Тавр.
 Армія—військо, вармія.
 Арнаутка—кубанка, турка Оренб. г. татарка, К. Под.
 Ароматный—запашний, пахучий.
 Ароматъ—пахощі. Сл. З.
 Аррієргардъ—задні, задье військо. Пер.
 Аршинникъ—аршинникъ. Сл. Ш. мишакъ. Сл. З.
 Артель—артіль. Lud Ukr. Т. 2 str. 187.
 Артерія—біюча жила. Сл. Бер. и Зизан.
 Артикулъ—артикулъ.
 Артикулъ военный—регула військова. Стар. сл.
 Артиллеристъ—гармашъ. Ст. сл.
 Артиллерія—армата. Ст. сл.

- Артистѣ—умілець, Пер. митець.
 Артосѣ—дарнікъ. Тавр.
 Архіерей—архирей, владика.
 Архипѣ—Архипѣ. Тавр.
 Арчакѣ—лукá. Тавр., клячокѣ. Черн.
 Аршинникѣ—салогубѣ. Чер. Рада.
 Асаулѣ—Осаулѣ. Сл. З.
 Аскетѣ—одлюдникѣ, пустелникѣ (сѣ польск. яз.).
 Аспарагѣ (*Asparagus officinalis*)—заячий холодокѣ. Сл. З.
 Аспектѣ—аспектѣ. Сл. З.
 Аспидѣ—гаспидѣ. Тавр.
 Ассигнація—бумажка.
 Астафій—Остапѣ.
 Астрѣ (*Aster amellus*)—гайстерѣ, ястерѣ. Сл. З.
 Астрологія—звѣдословье. Сл. Бер. и Зиз.
 Асѣ—чого, що?
 Атаманѣ—отаманѣ.
 Атенетѣ—невѣра.
 Атласѣ—отласѣ.
 Атомѣ—гаріль. Уж. рід. поля.
 Атрибути—причандали. Тавр.
 Аудиторія—слухальня. Пер.
 Аудиторѣ—выслухачѣ, слухачѣ. Пер.
 Аудіенція—послухання. Пер.
 Аукать—гукати. Сл. З.
 Ауль—авуль. Тавр.
 Афімія—Химка.
 Афанасій—Опанасѣ, Панасѣ.
 Афросинья—Пріська.
 Ахатѣ—охати, ойкати.
 Ахинея—нісенітниця.
 Ахѣ—ой! ох!
 Аще—якъ, коли; аще—бы—якъби, колийби.

II. Ефименко.

Г. Онега, Арх. г.

СОВРЕМЕННАЯ ЮЖНОРУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Стремленіе Южной Руси къ образованію общества грамотности.— Единственное въ Россіи общество распространенія грамотности—Комитетъ Грамотности.—Численность его членовъ, его программа и средства.— Теоретическая дѣятельность этого общества.—Мнѣнія членовъ: П. В. Павлова и гг. Резенера, Лиліенфельда и Погосского о мѣрахъ для приготовленія народныхъ учителей.—Намѣреніе г. Золотова основать учительскую школу, и не успѣхъ.—Разсмотрѣніе въ комитетѣ предположеній насчетъ распространенія въ народѣ книгъ.—Рецензіи книгъ до-сихъ-поръ ненапечатанных.—Что выгоднѣе—заводить сношенія съ 30-ю губерніями и не учредить ни одной школы,—или сосредоточить все вниманіе на одной мѣстности и отыскать средства для основанія нѣсколькихъ школъ?—Можно ли, при помощи однихъ разсужденій и составленія комиссій, учредить хоть одну учительскую школу?—Комитетъ грамотности повидимому думаетъ, что устройству сельскихъ библіотекъ преимущественно и прежде всего можетъ способствовать составленіе нормальныхъ правилъ, а не изысканіе средствъ.—Первообразъ Комитета Грамотности—общество для взаимнаго вспоможенія чиновниковъ.—Централизирующая сила Петербурга и стремленіе къ тому же Комитета Грамотности.—Нерасчетливо отнимать право обученія у одной части общества.—Только мѣстныя общества могутъ принести пользу народному образованію.—Нѣсколько словъ о дѣятельности неутвержденныхъ до-нынѣ харьковскаго и полтавскаго обществъ.—Сношенія Полтавы съ Комитетомъ Грамотности.—Украина въ-силахъ вести сама дѣло народнаго образованія; факты, это подтверждающіе.—Грусть г. Каткова, которую мы принимаемъ за зловѣстіе, но—не падаемъ духомъ.

Съ 1860 года, когда, благодаря единственно дѣятельности общества, заведено множество воскресныхъ школъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ русской имперіи признана была потребность—соединить въ общества грамотности частныя, разобщенныя силы, готовые служить дѣлу народ-

наго образованія. Честь основанія какъ первой воскресной школы, такъ и составленія перваго общества грамотности, принадлежитъ Южной Руси.

Мысль о подобномъ обществѣ впервые заявлена была Одессою, потомъ Харьковомъ, Полтавою и, наконецъ, Кіевомъ. Въ обществахъ этихъ приняли участіе люди всѣхъ сословій, возрастовъ и состояній. Въ полтавскомъ обществѣ изъявилъ желаніе быть членомъ и полтавскій епископъ, преосвященный Александръ, человѣкъ, пріобрѣтшій полное уваженіе образованнаго общества. Многіе помѣщики, мѣстные чиновники, учителя гимназій, корпуса и институтовъ, также изъявили желаніе быть членами. Нѣтъ сомнѣнія, что эти общества съ-тѣхъ-поръ сдѣлали бы много для народнаго образованія и упрочили бы существованіе многихъ школъ на самыхъ прочныхъ началахъ, обезпечивъ за ними постоянныя средства содержанія. Общества эти, состоя изъ членовъ самыхъ разнообразныхъ убѣжденій и самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, по всей вѣроятности, или бы по прямой дорогѣ, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво; при разнообразіи элементовъ, тутъ не могъ бы пріобрѣсть исключительнаго вліянія ни одинъ изъ нихъ, потому что другой, несходный, всегда бы имѣлъ возможность удержатъ, умѣритъ стремленіе къ преобладанію и поставитъ его въ надлежащія границы. Так. обр., при существованіи этихъ обществъ, правительство имѣло бы вѣрное ручательство въ томъ, что дѣло народнаго образованія ведется безъ увлеченій несбыточными теоріями, безъ неумѣстной проповѣди о такихъ предметахъ, которые недоступны крестьянамъ, — да и общества вели бы свои дѣла гласно, открыто, доступно для правительственнаго наблюденія. Но несмотря на надежды всѣхъ образованныхъ, всѣхъ искренно-преданныхъ дѣлу народнаго просвѣщенія людей, надежды, тѣсно связанныя съ существованіемъ предположенныхъ обществъ грамотности, уставы этихъ обществъ досихъ поръ не получили утвержденія. Бывшій министръ, гр. Путятинъ, не успѣлъ оцѣнить всей пользы подобныхъ учрежденій, а послѣ его увольненія, съ наступленіемъ усиленной дѣятельности по министерству Просвѣщенія, разрѣшеніе ихъ отложено до полнаго, общаго преобразованія учебныхъ заведеній.

Между-тѣмъ, независимо отъ этихъ попытокъ образованія обществъ грамотности, — въ 1861 году открытъ былъ въ Петербургѣ при вольно-экономическомъ обществѣ — *Комитетъ Грамотности*, какъ особое отдѣленіе этого общества, имѣющаго въ виду, между прочимъ, и улуч-

шеніе быта крестьянъ. Мы намѣрены рассмотреть дѣятельность этого перваго русскаго общества распространенія грамотности, какъ потому, что оно простираетъ свою дѣятельность на всѣ края имперіи, такъ и потому, что, по его слѣдамъ, могутъ итти тѣ общества, которыя образуются въ провинціяхъ.

Предположеніе объ учрежденіи при Вольно-Экономическомъ Обществѣ отдѣленія для распространенія грамотности заявлено было уже довольно давно. Первая мысль объ этомъ высказана общему собранію 26 мая 1847 года членомъ общества, С. С. Лашкаревымъ. Мысль его была принята съ сочувствіемъ, но, по случаю наступленія вакаціоннаго времени, осталась безъ примѣненія до 1848, а съ наступленіемъ этого года, по случаю происшедшихъ въ Европѣ политическихъ волненій, признано неудобнымъ учреждать подобный комитетъ. Въ 1857, 1859 и 1860 г., когда обстоятельства измѣнились, въ пользу сельскаго населенія, г. Лашкаревъ возобновлялъ свое предложеніе и, въ декабрѣ 1860 г., общество согласилось на учрежденіе комитета грамотности и просило почтеннаго члена, вмѣстѣ съ другими желающими, начертать программу его дѣйствій и представить ее на утвержденіе общаго собранія. 6 апрѣля 1861 года программа была принята и утверждена обществомъ.

Комитетъ обнародовалъ свою программу и приглашалъ всѣхъ лицъ, сочувствующихъ этому учрежденію, войти съ нимъ въ сношеніе. На этотъ вызовъ откликнулось, кромѣ бывшихъ членовъ общества, до 120 лицъ; изъ нихъ 17 особъ женскаго пола, 7 духовныхъ, 3 купца, 3 крестьянина; всего, по отчету обнародованному въ маѣ мѣсяцѣ настоящаго года, комитетъ считаетъ до 180 членовъ, и находится въ сношеніи съ 30 губерніями и, между прочимъ, съ слѣдующими южными: Екатеринославскою, Кіевскою, Полтавскою, Харьковскою, Черниговскою и Херсонскою.

Къ комитету грамотности могутъ приписываться всѣ члены вольно-экономическаго общества, а постороннія лица всѣхъ сословій избираются III отдѣленіемъ общества въ сотрудники, или корреспонденты общества по комитету грамотности. Участіе женщинъ признано весьма полезнымъ. Комитетъ поставилъ себѣ задачею — заботиться о распространеніи грамотности, и разныхъ полезныхъ знаній вообще, въ крестьянскомъ сословіи. Для достиженія этого, въ правилахъ для руководства постановлено: а) комитетъ собираетъ свѣдѣнія

объ учреждающихся и уже существующихъ, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, частныхъ сельскихъ школахъ, пріютахъ, воскресныхъ классахъ и т. п.; б) разузнаетъ объ ихъ состояніи, средствахъ,—встрѣчаемыхъ ими затрудненіяхъ и недостаткахъ; в) обращая при этомъ особенное вниманіе на нужды, высказываемыя самимъ сельскимъ населеніемъ, комитетъ изыскиваетъ мѣры къ устраненію ихъ; старается существующимъ школамъ доставить возможность успѣшнаго дѣйствія, а учреждающимся указать прочныя начала и средства для развитія; г) входя въ сношеніе съ учредителями и преподавателями въ селеніяхъ, комитетъ снабжаетъ ихъ требуемыми указаніями, педагогическими наставленіями и, по возможности, учебными пособиями и распространяетъ полезныя по народному образованію свѣдѣнія чрезъ изданія общества и другія литературныя органы; д) комитетъ занимается обсужденіемъ разныхъ методовъ преподаванія, разсматриваетъ учебники, руководства и книги для чтенія поселянъ, поощряетъ авторовъ, заслуживающихъ особаго одобренія; старается преслѣдовать печатною гласностію изданія вредныя, идеи, отжившія свой вѣкъ и несоотвѣтствующія требованіямъ современнаго образованія, и учреждаетъ конкурсы для рѣшенія разныхъ вопросовъ, до его дѣятельности относящихся; е) онъ издаетъ разные книги для народнаго чтенія, руководства и летучіе листки, разсылая ихъ желающимъ и въ сельскія училища, по цѣнѣ, въ какую они обойдутся обществу, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—и безплатно.

Вещественныя средства комитета будутъ состоять изъ возможныхъ ассигнованій на этотъ предметъ со стороны самого общества; изъ постоянныхъ взносовъ, въ размѣрѣ добровольномъ, членовъ комитета; изъ единовременныхъ пожертвованій, или ежегодныхъ взносовъ постороннихъ лицъ и учреждений, изъ сборовъ за публичныя лекціи, которыя будутъ читаны въ пользу комитета и т. п.

Посмотримъ теперь, какъ комитетъ грамотности выполнилъ начертанную для себя программу и какими средствами онъ въ настоящее время располагаетъ.

Комитетъ обратилъ особенное вниманіе на приготовленіе учителей для сельскихъ школъ. Для разсмотрѣнія этого предмета и практическаго осуществленія его, комитетъ наряджалъ нѣсколько комиссій и разбиралъ мнѣнія, заявленныя нѣкоторыми членами общества. Мы перечислимъ ихъ кратко. Членъ комисіи, *Павловъ*, высказалъ слѣдующее мнѣніе: для приготовленія сельскихъ учителей слѣдуетъ вызвать

въ университетскіе города молодыхъ людей изъ крестьянъ (не моложе 14 лѣтъ) подъ условіемъ освобожденія отъ тѣлеснаго наказанія и рекрутства, съ тѣмъ, чтобы приготовить изъ нихъ ремесленниковъ и въ то же время учителей для сельскихъ обществъ, изъ которыхъ будутъ добровольно высланы такія лица на счетъ этихъ обществъ. Этихъ молодыхъ людей помѣстить, при посредствѣ вольно-экономическаго общества, къ ремесленникамъ и механикамъ, съ обязательствомъ отпустить ихъ ежедневно на два часа, или два раза въ недѣлю въ вечернюю школу, или, по праздничнымъ днямъ, въ воскресную. Для этого учредить ежедневную вечернюю школу; обученіе должно быть бесплатно; обучающіе равнымъ—образомъ не получаютъ никакого вознагражденія; вознагражденіемъ пользуется одинъ распорядитель, завѣдывающій бібліотекою и ведемъ хозяйствомъ школы.

Другой членъ той же коммисіи, *Резенеръ*, признавалъ болѣе полезнымъ учредить въ селахъ учительскія семинаріи, которыя могутъ быть основаны въ многочисленныхъ—казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ—селахъ, на суммы комитета, мірскихъ обществъ и помѣщиковъ. Приготовленіе сельскихъ учителей изъ дѣтей городского населенія представляетъ, по его мнѣнію, ту невыгоду, что эти учителя не станутъ въ близкія и довѣрчивыя отношенія къ сельскому населенію. Напротивъ, учительскія семинаріи въ селахъ могутъ имѣть важныя удобства: крестьянскія дѣти, готовящіяся быть сельскими учителями, оставаясь въ семьѣ, могутъ, въ лѣтніе мѣсяцы, помогать ей въ работахъ, а въ зимніе посвящать все время ученію. *Г. Резенеръ* выразилъ надежду, что, по ходатайству комитета грамотности, издержки на содержаніе семинарій, въ большихъ помѣстьяхъ, примутъ на себя владѣльцы помѣстьевъ.

Членъ комитета, *Лиліенфельдъ*, мировой посредникъ Петергофскаго уѣзда, представилъ проектъ объ устройствѣ волостныхъ училищъ. Основанія его проекта слѣдующія: Помѣстить училище въ домѣ, назначенномъ для волостнаго правленія и волостнаго суда, такъ какъ домъ этотъ остается праздною въ теченіи шести дней. Съ должною писмоводителя соединить и должность учителя. Учебныя пособія покупать на пожертвованія крестьянъ, помѣщиковъ и, вообще, добрыхъ дателей, для чего учредить особую кружку. Попечительство надъ этими школами принимаетъ на себя мировой посредникъ или какой нибудь мѣстный помѣщикъ. Повсемѣстную удобопримѣнимость своего проекта г. Лиліенфельдъ доказываетъ примѣромъ завѣдываемаго

имъ участка, въ которомъ всѣ три волости составили приговоръ объ учрежденіи подобныхъ училищъ. Г. Лиліенфельдъ говоритъ, что онъ, безъ особеннаго труда, прискалъ за годовой окладъ въ 250 руб., при готовомъ отопленіи съ освѣщеніемъ, трѣхъ молодыхъ людей, которые окончили курсъ въ уѣздныхъ училищахъ и имѣютъ весьма достаточныя познанія, чтобы обучать крестьянскихъ дѣтей грамотѣ; кромѣ этихъ троихъ, явились еще нѣсколько человѣкъ съ просьбою доставить имъ подобныя мѣста.

Наконецъ, *г. Погоскій* изложилъ комитету свое мнѣніе о приготовленіи сельскихъ учителей изъ отставныхъ солдатъ. Приготовлять солдатъ къ занятіямъ сельскихъ учителей должны опытные въ дѣлѣ преподаванія офицеры въ открытыхъ при войскахъ воскресныхъ, а если можно — и ежедневныхъ, школахъ для народа. Кромѣ посѣщенія этихъ школъ, разрѣшить солдатамъ посѣщать, для наблюденій, и будничныя школы низшаго разряда, т. е. уѣздныя и приходскія школы. Но особенно-важнымъ средствомъ для педагогической подготовки солдатъ было бы учрежденіе, въ центрахъ населенія, гдѣ расположены войска, практическихъ школъ, назначенныхъ собственно для этой цѣли. Комитетъ грамотности беретъ на себя какъ устройство сихъ послѣднихъ школъ, такъ и снабженіе всѣхъ войскъ книгами и вообще учебными пособиями, и указываетъ военному начальству на необходимость упростить формы разрѣшенія этихъ училищъ и дозволить солдатамъ, въ свободное отъ службы время, свободно посѣщать школы. Офицеры, занимающіеся приготовленіемъ солдатъ къ званію сельскихъ учителей, поступаютъ въ члены комитета грамотности, и уже какъ члены выдаютъ солдатамъ, пріобрѣтшимъ познаній на столько, чтобы быть сельскими учителями, аттестаты, имѣющіе значеніе рекомендацій.

Независимо отъ этихъ частныхъ мнѣній, заявленныхъ членами, комитетъ приступалъ къ этому вопросу съ практической стороны, т. е. хотѣлъ учредить собственную школу, для приготовленія сельскихъ учителей. Еще въ 1860 году, членъ комитета грамотности, *г. Золотовъ*, получилъ разрѣшеніе отъ министерства народнаго просвѣщенія, на устройство подобной школы. Комитетъ грамотности, независимо отъ хода дѣла по устройству школы Золотова, избралъ комисію для составленія соображеній объ устройствѣ школы для сельскихъ учителей, предварительно рѣшивъ вопросъ, слѣдуетъ ли учреждать подобную школу, такъ-какъ нѣкоторые члены признавали это преждевременнымъ. Дѣятельность

этой комисіи ограничилась заявленіемъ вышеизложенныхъ мнѣній Павлова и Резенера. Затѣмъ, комитетъ возложилъ, 14 декабря 1861 года, на бюро (завѣдывающее распорядительною частію), обязанность составить соображенія объ устройствѣ хотя одного класса для приготовленія сельскихъ учителей, и просилъ г. *Студитскаго* высказать и свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, съ тѣмъ, чтобы устроенная школа, или классъ, находилась подъ его руководствомъ, за что комитетъ обѣщалъ ему денежное вознагражденіе. Хотя, въ маѣ 1861 года, г. Студитскій и предлагалъ комитету объяснять свою методу преподаванія въ домѣ общества, но на сей разъ, по измѣнившимся обстоятельствамъ, отказался отъ участія въ предполагаемой при обществѣ школѣ; однакожъ какъ членъ, представилъ свои соображенія объ устройствѣ этой школы. Соображенія эти состоятъ въ слѣдующемъ: школа должна быть ежедневная; предметами обученія должны быть не грамота только, а указаніе способа обученія грамотѣ; для привлеченія въ школы учениковъ необходимо обезпечить будущность ихъ.

Бюро, между-тѣмъ, доложило комитету о необходимости новой комисіи, которая бы приняла въ соображеніе все высказанное по этому вопросу и убѣдилась окончательно, въ какомъ видѣ, размѣрѣ и гдѣ должна быть учреждена подобная школа; можно ли ограничиться школою г. *Золотова*, уже имѣющаго на то необходимыя права, или устроить ее, съ разрѣшенія высшаго начальства, при обществѣ, или, наконецъ, внѣ столицы. Таково было положеніе вопроса до 8 января 1862 г., пишетъ составитель отчета о дѣйствіяхъ комитета грамотности,

Въ это время, г. *Золотовъ* вошелъ въ комитетъ съ своимъ предложеніемъ по этому предмету. Объяснивъ причины, препятствовавшія до того времени открытію его школы, онъ предлагалъ открыть немедленно же бесплатное училище для сельскихъ наставниковъ, не требуя отъ комитета никакого матеріальнаго вспомошествованія. Онъ просилъ только, чтобы комитетъ, посредствомъ особаго объявленія, пригласилъ желающихъ имѣть учителей, приготовленныхъ въ этомъ училищѣ, прислать въ комитетъ свѣдѣнія: куда нужны сельскіе учителя, какимъ содержаніемъ они будутъ пользоваться въ этой должности и примутъ ли требователи на свой счетъ путевыя издержки. Г. Золотовъ заявилъ при этомъ, что у него есть въ виду нѣсколько человекъ, желающихъ приготовиться къ званію сельскаго учителя, и что они могутъ быть приготовлены въ три мѣсяца, если будутъ имѣть въ виду учительскія должности. Предложеніе г. Золотова вызвало въ комитетѣ вопросъ:

слѣдуетъ ли остановиться на школѣ Золотова, уже имѣющаго разрѣшеніе на открытіе подобнаго училища, или слѣдуетъ избрать особую комиссію, которая занялась бы соображеніями, указанными въ положеніи бюро 5 января? Пренія кончились единодушнымъ принятіемъ предложенія Золотова; въ то же время избрана была комиссія, на которую возложено было наблюденіе за ходомъ этого заведенія и попеченіе о развитіи дѣла образованія сельскихъ учителей посредствомъ содѣйствія заведенію Золотова или посредствомъ учрежденія еще другой школы въ столицѣ, или внѣ оной. Но до сей поры школа г. Золотова не открыта.

Другой, тоже очень важный вопросъ, обративъ на себя вниманіе комитета, былъ вопросъ о распространеніи книгъ, изданныхъ для народа, посредствомъ облегченія пересылки и удешевленія ихъ цѣнъ. По этому предмету г. Щебальскій представилъ проэктъ, сущность котораго состоитъ въ томъ, чтобы комитетъ сдѣлался посредникомъ между издателями и авторами съ одной стороны и жителями провинцій съ другой, распространяя между ними книги посредствомъ мировыхъ посредниковъ и учителей уѣздныхъ училищъ и гимназій, какъ агентовъ общества. Хотя комиссія, избранная для обсужденія этого проэкта, признала его весьма полезнымъ въ примѣненіи, но большинство членовъ комитета и бюро нашли его неудобноисполнимымъ. Пріемъ и рассылка книгъ, расчеты съ издателями, авторами и мѣстными агентами должны вовлечь комитетъ въ длинную переписку и сопровождаться неизбѣжною запутанностію и неудовольствіями; бесплатная рассылка книгъ неудобна, такъ-какъ больше пуда въ день вольно-экономическое общество не вправе посылать по почтѣ, и была бы злоупотребленіемъ правъ предоставленныхъ обществу. Было сдѣлано предложеніе объ учрежденіи комисіонерствъ при правительственныхъ или общественныхъ учрежденіяхъ, какъ, напримѣръ, при губернскихъ правленіяхъ, городскихъ думахъ, волостныхъ правленіяхъ, потому-что эти мѣста представляютъ наиболѣе обезпеченія въ правильности веденія этого дѣла. Послѣ всѣхъ этихъ предложеній, разсужденій и рѣшеній, комитетъ однакожъ не пришелъ ни къ какому окончательному убѣжденію, поручивъ особой комиссіи составить соображенія относительно устройства въ губерніяхъ по уѣздамъ и селамъ складовъ книгъ, или комисіонерствъ, для ихъ продажи.

Желая распространить свѣдѣніе о вышедшихъ книгахъ для народного обученія и чтенія, комитетъ призналъ необходимымъ составить

каталогъ этихъ книгъ съ показаніемъ ихъ цѣнъ, затѣмъ обнародовать рецензіи на каждую изъ нихъ. Какъ каталогъ, такъ и рецензіи 36 издѣній составлены: первый особою комисіею, вторыя г. Толемъ, но, къ сожалѣнію, послѣднее до-сихъ-поръ не обнародовано, хотя въ этомъ состоитъ крайняя надобность.

Доходъ общества простирался до 600 р., и состоялъ изъ ежегодныхъ взносовъ, изъ суммъ, собранныхъ за чтеніе лекцій С. И. Барановскимъ объ изобрѣтеніи *духохода*, и за музыкальный вечеръ въ пользу комитета. Кромѣ того, члены комитета сдѣлали пожертвованія книгами, что дало возможность разослать бесплатно болѣе 800 экз. книгъ и 15 экз. картинокъ изъ евангельской исторіи.

Распространившись о дѣятельности комитета грамотности, по вышеуказаннымъ причинамъ, мы не можемъ не высказать нѣсколькихъ замѣчаній объ этой дѣятельности.

Комитетъ грамотности имѣетъ желаніе сдѣлаться обществомъ распространенія грамотности для цѣлой имперіи. Мы думаемъ, что онъ избралъ для своей дѣятельности слишкомъ огромную область. Нѣтъ сомнѣнія, онъ найдетъ поддержку своему стремленію, чему служить доказательствомъ сношенія его съ 30 губерніями и притягательная сила, которую до-сихъ-поръ имѣетъ Петербургъ для провинцій, не безъ вреда симъ послѣднимъ. Но будетъ ли онъ имѣть желанный успѣхъ при одномъ этомъ условіи? Раскидываясь во все стороны, заводя огромную переписку съ отдаленными мѣстностями, состоя изъ членовъ разбѣянныхъ по цѣлой имперіи, онъ, естественно, не можетъ сосредоточить своего вниманія на одномъ главномъ предметѣ, не въ состояніи будетъ сохранить дѣйствительное наблюденіе надъ своими заведеніями, учрежденными въ отдѣльныхъ мѣстахъ. Онъ испытаетъ на себѣ все невыгоды централизаціи: медленность письменныхъ сношеній съ большинствомъ своихъ членовъ, охлажденіе сихъ послѣднихъ къ дѣлу, котораго они не видятъ у себя передъ глазами, а смотря на него издали, несоотвѣтствіе средствъ съ потребностями обширнаго пространства его дѣятельности. Появленіе комитета грамотности при В.—Экономическомъ обществѣ, въ С.—Петербургѣ, съ такою обширною задачею, въ такой дали отъ мѣстъ, гдѣ должна проявляться его дѣятельность, мы приписываемъ тому обстоятельству, что образовавшіяся общества распространенія грамотности въ другихъ краяхъ имперіи до-сихъ-поръ не получили разрѣшенія отъ правительства. Кто сталъ бы, при существованіи мѣстныхъ обществъ, дѣй-

ствовать сообщая на мѣстѣ, искать помощи и содѣйствія въ своемъ краѣ, разрѣшать вопросы собственными силами на основаніи мѣстныхъ обстоятельствъ и осуществлять практическія цѣли изысканіемъ мѣстныхъ средствъ,—тотъ, при отсутствіи мѣстныхъ обществъ, принужденъ отвлекаться въ сторону, тратить время, искать указаній, наставленій и средствъ вдали, въ столицѣ,—не замѣчая того, что у него передъ глазами, не подозревая таящихся силъ, скрывающихся средствъ въ мѣстѣ своего жительства. Общество, избравшее для своей дѣятельности такое обширное пространство, бессильно сдѣлать что-нибудь прочное въ одномъ мѣстѣ, растрачивая свои очень ограниченныя средства по мелочамъ, то тамъ, то сямъ. Въмѣсто того, чтобы практическою дѣятельностію на мѣстѣ вызвать сочувствіе и денежное участіе мѣстныхъ жителей, оно бросается вдалѣ, ищетъ себѣ членовъ въ Одессѣ, на Кавказѣ, въ Камчаткѣ и Богъ-знаетъ гдѣ. Комитетъ выставляетъ на видъ свои сношенія съ *тридцатью* губерніями; съ канцелярской точки зрѣнія это великій успѣхъ, широкая дѣятельность... Но для человѣка незараженного бюрократическими привычками, бумажныя сношенія, хоть бы и съ такимъ числомъ губерній, показываютъ только доброе желаніе и бумагописную дѣятельность комитета, но для самого дѣла значать не много, почти—что ничего. При этомъ, мы поражены еще тѣмъ грустнымъ явленіемъ, что общество грамотности, дѣйствующее въ такомъ городѣ какъ Петербургъ, гдѣ живутъ богатѣйшіе купцы, землевладѣльцы и чиновники, имѣло въ годовомъ оборотѣ всего 600 р.—Намъ скажутъ: да чѣмъ же виноватъ комитетъ? Вѣдь онъ обнародовалъ свою программу,—онъ вызывалъ сочувствіе общества печатаніемъ протоколовъ своихъ засѣданій... Вотъ тутъ—то и обнаруживается бесплодность *одного* письма да печати. Еслибы комитетъ, не задаваясь столь широкой задачей, успѣлъ завести сношеніе съ 30 богатыми людьми, сочувствующими дѣлу народнаго образованія и готовыми удѣлпать на этотъ предметъ малѣйшую частицу своего, нажитаго съ помощью народа, богатства, онъ выигралъ бы больше чѣмъ сношеніями съ 30 губерніями. Сочувствіе къ распространенію образованія народа—не мода только; людей готовыхъ жертвовать можно найти очень много. Но для этого нужна дѣятельность, нужны личныя сношенія, нуженъ не тѣсный кружокъ людей, разсуждающихъ въ самомъ комитетѣ и внѣ его совершенно-забывающихъ о его дѣлѣ, а Общество, составленное изъ членовъ различныхъ слоевъ общества, дѣйствующихъ и внѣ засѣданій комитета, распространяющихъ о немъ извѣстность, возбуждающихъ уча-

стіе. О существованіи комитета грамотности знаютъ весьма не многіе; очень часто приходится читать въ ежедневной печати сожалѣніе о томъ, что у насъ нѣтъ ни одного общества распространенія грамотности. Причина малой извѣстности комитета грамотности еще та, что органъ его—*«Труды Вольно-Экономическаго Общества»*—изданіе малораспространенное, по крайней-мѣрѣ—мало читаемое. Не мало способствовало этому и то, что комитетъ ограничивался только печатью и не старался возбудить вниманіе къ своему существованію, къ предмету своей дѣятельности, живымъ сношеніемъ съ обществомъ. Не такъ дѣйствуютъ подобныя Общества у другихъ народовъ: задумавъ осуществить какое-нибудь предпріятіе, они прежде всего стараются обратиться на него вниманіе общества; для этого они помѣщаютъ статьи въ газетахъ, издають отдѣльныя брошюры, открываютъ чтенія, а главное—дѣйствуютъ живымъ словомъ въ живомъ обществѣ. Публика вѣчно занята своими ближайшими дѣлами и ей нужно ставить предметъ предъ глазами, чтобъ она его замѣтила.

Отмѣривъ для своей дѣятельности столь громадную площадь, комитетъ грамотности начерталъ для себя довольно неопредѣленную программу, отчего также произошла неопредѣленность и малоуспѣшность его дѣйствій. Какую цѣль должно имѣть всякое общество распространенія грамотности между народомъ? Цѣль практическую, — учрежденіе школъ и библіотекъ, изданіе и распространеніе книгъ. Теоретическое разъясненіе разныхъ вопросовъ, изложеніе системъ, изысканіе лучшихъ способовъ осуществленія того или другаго предпріятія—важно только въ томъ случаѣ, когда объ руку съ этимъ общество работаетъ на практикѣ; теоретическое разъясненіе — это дѣло ученыхъ обществъ, журналовъ и газетъ. Между тѣмъ, комитетъ грамотности, въ продолженіи годового своего существованія, занимался больше разсужденіями о школахъ, чѣмъ школами въ-дѣйствительности. Особенно, онъ много толковалъ объ учрежденіи школы для образованія учителей, наряджалъ нѣсколько комиссій, выслушивалъ мнѣнія бюро и отдѣльных членовъ. Но школы до сей поры не устроилъ. Г. Золотовъ предлагаетъ свое содѣйствіе обществу въ осуществленіи его желанія основать школу; онъ не требуетъ отъ комитета никакого денежнаго пособія и проситъ только помощи комитета въ отысканіи мѣстъ для учителей, которыхъ онъ приготовить въ своей школѣ. Казалось бы, комитетъ долженъ былъ безъ возраженія принять это предложеніе. Нѣтъ, въ средѣ его возбуждается вопросъ, идутъ самыя оживленныя

пренія о томъ, слѣдуетъ ли остановиться на школѣ г. Золотова, уже имѣющаго разрѣшеніе на открытіе подобнаго училища, или слѣдуетъ составить особую комиссію, которая занялась бы соображеніями, указанными въ положеніи бюро 5 января? Комитетъ забылъ, что всѣ прежнія его комиссіи по этому предмету ни къ чему не привели; что можно годы составлять соображенія и дѣло не подвинется ни на шагъ; что неуспѣхъ задуманнаго еще въ 1860 г. Золотовымъ училища для сельскихъ учителей произошелъ отъ препятствій практическихъ, которыя комитетъ могъ бы устранить, но не позаботился устранить, занятый составленіемъ соображеній, — забылъ все это и въ оживленныхъ и горячихъ спорахъ провелъ время надъ рѣшеніемъ—поставленнаго—изъ общей намъ страсти разсуждать—вопроса. Намъ скажутъ, что заданный комитетомъ вопросъ естественно вытекалъ изъ положенія дѣла общества; притомъ, уясненіе какого бы то ни было вопроса ни въ какомъ случаѣ не можетъ повредить дѣлу, а напротивъ всегда приносить пользу. Едвали это такъ. Если общество, имѣющее ввиду практическую цѣль, занимается соображеніями и только соображеніями, возбуждаетъ ненужные вопросы, ведетъ одни лишь пренія, наряжаетъ частыя беспослѣдственные комиссіи, и это продолжается болѣе года, —такое общество положительно идетъ по ложному пути, —(воду толкутъ, сказалъ бы народъ). Положимъ, я хозяинъ, и мнѣ нужно проложить дорогу къ водопою, но у меня нѣтъ денегъ на это дѣло—и оно будетъ въ застоѣ, несмотря на то, что въ теченіи этого времени я составилъ нѣсколько соображеній и проектовъ, дѣлалъ разныя изысканія, велъ горячія и оживленные пренія съ моими сосѣдами. Но вотъ, черезъ годъ сосѣдъ предлагаетъ проложить дорогу, которая можетъ быть такъ же полезна ему, какъ и мнѣ, требуя отъ меня содѣйствія по моимъ средствамъ. Я не принимаю его предложенія, но прежде вступаю съ нимъ и съ другими сосѣдами въ разсужденія о томъ, что, можетъ быть, я и собственными средствами могу построить дорогу. Не вправѣ ли они сказать, что я вступаю въ разглагольствія рѣшительно безъ нужды, изъ одной дурной привычки вести оживленные споры о всякомъ дѣлѣ и возбуждать вопросы тамъ, гдѣ ненужно? Не вправѣ ли они сказать мнѣ: какъ вамъ стыдно попусту тратить время, когда дѣло такъ очевидно, когда вы годъ о немъ думали и должны были уяснить себѣ его, когда у самихъ васъ, въ данную минуту, нѣтъ средствъ осуществить предпріятіе? Еслибы они, судя по нѣсколькимъ подобнымъ случаямъ, составили обо мнѣ мнѣніе, какъ о человѣкѣ непрактическомъ,

какъ о схоластикѣ, который любитъ разсуждать къ дѣлу и не къ дѣлу, какъ о человѣкѣ, который, за составленіемъ соображеній, забываетъ самое дѣло, они были бы совершенно правы.

Пристрастіемъ къ разсужденіямъ и составленію соображеній, мы объясняемъ и учрежденіе комиссіи для составленія нормальныхъ правилъ для сельскихъ библіотекъ. Это трудъ совершенно напрасный. Вѣшняя сторона устройства библіотекъ—послѣднее дѣло въ этомъ предпріятіи. Но комитетъ дѣйствительно составилъ эти правила, въ которыхъ подробно говорится какъ устраиать шкафы, какъ располагать въ нихъ книги,—даже преподаны предостереженія насчетъ охраненія книгъ отъ сырости!.. Право, смѣшно подумать, что общество, состоящее изъ столькихъ умныхъ людей, занимается не дѣломъ, а бездѣльемъ, выводитъ крышу прежде основанія... Не ясно ли, что эти правила — мертвая буква, ненужная регламентация; что составленіе ихъ есть пустое препровожденіе времени, служащее притомъ поводомъ къ самообольщенію членовъ, увѣренныхъ, что они заняты дѣломъ. Мы, по крайней мѣрѣ, не понимаемъ, къ чему могутъ служить подобныя правила. Мы не думаемъ, чтобы обнародованіе ихъ вызвало къ учрежденію хоть одной библіотеки. Кто найдетъ средства завезти въ сельскую библіотеку,—найдется и какъ ее устроить; при небольшомъ числѣ книгъ это весьма удобно, особенно для того, кто счумѣлъ совершить труднѣйшую часть дѣла—пріобрѣтеніе самихъ книгъ. Еслибы человѣкъ самый простой, практическій, задумалъ составить библіотеку, онъ прежде позаботился бы добыть денегъ; затѣмъ, купилъ бы книгъ и уже потомъ подумалъ бы, какъ ихъ расположить. Наши же ученые люди, не учредивъ ни одной библіотеки, не изыскавъ средствъ къ этому, тѣшатъ себя составленіемъ нормальныхъ правилъ и воображаютъ, что они дѣло дѣлаютъ. Способность разсуждать и соображать, подъ вліяніемъ канцелярій, превратилась у современнаго русскаго человѣка, или справедливѣе сказать, у петербуржца, въ несносное книжничество, въ умничанье, во вредъ дѣйствительному успѣху дѣла.

Говоря всё это, мы спѣшимъ заявить, что считали своимъ долгомъ указать на ошибочный путь, избранный членами комитета, (имена которыхъ пользуются въ публикѣ заслуженною извѣстностью), по двумъ причинамъ: по важности самого дѣла, о чемъ, какъ о предметѣ очевидномъ для всякаго, мы не будемъ распространяться,—и по распространенности между мыслящими петербуржцами недостатка, который былъ причиною непрактичности комитета и малоуспѣшности его пред-

пріятія. Намъ случилось побывать въ двухъ начинавшихъ организоваться обществахъ съ практическою цѣлю: въ обществѣ для взаимнаго вспомошествованія гражданскихъ чиновниковъ и въ другомъ, имѣющемъ почти одинаковую цѣль съ комитетомъ грамотности. Изъ наблюдений надъ тѣмъ и другимъ, мы вынесли убѣжденіе, что образованные петербуржцы глубоко заражены резонерствомъ, наклонностію къ регламентаціи, и лишены яснаго практическаго взгляда. Мы намѣрены говорить о первомъ, не касаясь втораго, по той причинѣ, что оно еще не кончило своего дѣла. Въ собиравшемся обществѣ для взаимнаго вспомошествованія гражданскихъ чиновниковъ было что-то очень молодое, даже не будетъ преувеличенія, если мы скажемъ—дѣтское:—и это нетерпѣливое желаніе высказаться, и эта не у мѣста заявленная ученость, показывавшая въ ораторѣ знаніе даже китайской исторіи, и эта страсть возражать всѣмъ и противъ всего, и эта самоувѣренность разомъ и одними силами сдѣлать то, что у другихъ народовъ дѣлалось нѣсколькими десятками лѣтъ, и посредствомъ многихъ силъ. Общество, напримѣръ, думало осуществить слѣдующія предпріятія: завести лавки съѣстныхъ припасовъ и магазины платья, основать справочную контору и типографію, устроить мужскія и женскія училища, учредить кассу, устроить дома для квартиръ чиновниковъ и наконецъ основать для престарѣлыхъ чиновниковъ внѣ Петербурга особыя колоніи, или, говоря языкомъ ораторовъ и протоколистовъ общества, выселки. Нельзя было безъ смѣха слышать, какъ *сокъ умной молодежи* два битыхъ часа велъ оживленную полемику о томъ, можно ли или нѣтъ оставить въ проэктированной статьѣ устава выраженіе: *развить трудъ*, такъ—какъ нѣкоторые справедливо замѣтили, что подобное выраженіе грѣшитъ противъ языка. Видно было, что ораторы не лишены знаній и образованія, видно было, что предъ тѣмъ они прочитали нѣкоторыя книжки о подобныхъ обществахъ. Но къ чему все это вело? Къ одному резонерству, если не хвастовству. Такъ мы помнимъ, какъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ, *de facto*—руководитель собраній и одинъ изъ первыхъ, послѣ г. Высоцкаго, предпринимателей, по поводу вопроса о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ предоставить обществу право исключать членовъ за безнравственные поступки, началъ говорить о томъ, что смертная казнь даже въ Европѣ считается величайшимъ варварствомъ и что жестокость противна современнымъ правамъ. Всѣмъ извѣстно, чѣмъ кончилось затѣянное общество: многие члены, видя пустословіе и отсутствіе практичности, перестали бывать;

главные предприниматели очень долго, едвали не болѣе года, составляли уставъ, и конецъ концовъ—общество не состоялось, тогда—какъ въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ мысль о взаимномъ вспоможеніи перешла въ дѣло, и въ настоящее время существуютъ и дѣйствуютъ тамъ подобныя общества. Конечно, можно сказать навѣрное, что, со времени дѣятельности этихъ обществъ, члены ихъ не пріобрѣли возможности ѣсть на серебряныхъ тарелкахъ и пить чай изъ золотыхъ чашекъ,—къ чему повидимому стремились благородные и многоуважаемые петербургскіе чиновники,—но навѣрное имъ легко въ половинѣ мѣсяца до полученія жалованья занять, въ случаѣ нужды, десять или двадцать руб. и не голодать съ семействомъ.

Мы глубоко убѣждены, что только мѣстные общества распространенія грамотности могутъ быть полезны для народнаго образованія; мы глубоко убѣждены, что только тогда это дѣло двинется впередъ, когда вся русская имперія покроется подобными обществами; мы не сомнѣваемся, что всякое иное общество съ централизационными стремленіями, съ претензіями на званіе всероссійскаго, подобно комитету грамотности, никогда не будетъ имѣть прочнаго, измѣряемаго не обширностію бумажнаго дѣлопроизводства, а истинною пользою, успѣха. Крайне было бы нелѣпо, еслибы въ то время, когда чувствуется неотложная потребность въ развитіи мѣстныхъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, когда сознана истина, что каждый край русской имперіи заключаетъ въ себѣ нравственные средства для удовлетворенія своихъ потребностей, что только близорукость заставляла многихъ искать ихъ вдали, а лѣнь заставляла полагаться на другихъ, чтобы въ это время наши мѣстные дѣятели сами напросились подчиниться чуждому для нихъ обществу, захотѣли создать для себя еще одну лишнюю централизцію, еще одного регламентатора, издающаго для нихъ нормальныя правила. Мы говоримъ, нелѣпо было бы все это, и въ то же время съ прискорбіемъ видимъ, что это возможно. Привычка имѣть неотразимую власть надъ чело-вѣкомъ... а мы знаемъ, чѣмъ былъ и чѣмъ до сихъ—поръ остается Петербургъ для жителей разныхъ краевъ имперіи, не въ административномъ только смыслѣ, но и въ смыслѣ нравственномъ. До—сихъ—поръ, напримѣръ, въ Южной Руси многие отцы считаютъ за величайшее счастье, если ихъ дѣти попадаютъ на службу въ Петербургъ, какъ—бы низко ни было ихъ положеніе; до—сихъ—поръ любимѣйшею мечтою многихъ нашихъ юношей, по окончаніи университета или гимназій, уѣхать въ столицу; даровитѣйшіе же считаютъ несовмѣстнымъ съ своими даро-

ваніями оставаться на родинѣ и заниматься какимъ-нибудь скромнымъ, но полезнымъ дѣломъ. Въ Петербургѣ не рѣдкость встрѣтить молодыхъ людей изъ Южной Руси, имѣющихъ хорошее состояніе, и прозябающихъ въ званіи канцелярскаго, или близкомъ къ нему, по—въ министерскихъ канцеляріяхъ... Для такихъ людей мы не находимъ оправданія, какъ бы ни было велико пустое тщеславіе и произволъ ихъ родителей. Въ—оправданіе часто указываютъ на пустоту нашей областной жизни, на крайнюю отсталость и равнодушіе нашего общества къ общему благу съ одной стороны, а съ другой — на развитость общества въ Петербургѣ, на богатство средствъ для умственного образованія, на здѣшнюю литературу, оперу и театръ, и вообще на богатство удовольствій и средствъ къ труду и заработкамъ. Но пужно сказать, что общественная жизнь Южной Руси оттого и стоитъ не на той степени, на какой бы она могла стоять, что все молодое и даровитое уѣзжаетъ отсюда или въ столицы, или въ другіе отдаленные города, также въ войска, покидая сѣла и маленькіе города и лишая отчизну дорогихъ силъ. Что же касается до удобствъ жизни петербургской, то нѣкоторыя изъ нихъ доступны и на родинѣ; другія же, по нашему мнѣнію, составляютъ предметъ роскоши, а не необходимости, и человекъ, любящій свою родину и смотрящій на жизнь серьезно, легко безъ нихъ обойдется, да, вдобавокъ, сбережетъ и деньги и здоровье.

Мы не теряемъ надежды на поворотъ дѣла народнаго образованія къ лучшему; мы не покинули увѣренности, что министерство просвѣщенія, вмѣстѣ съ введеніемъ приготовляемыхъ нынѣ преобразованій въ системѣ всего нашего образованія, дозволить учреждать, во всѣхъ краяхъ имперіи, общества для распространенія грамотности. Въ противномъ случаѣ, министерство лишитъ народъ содѣйствія громадныхъ силъ и громадныхъ средствъ, готовыхъ послужить его образованію; въ противномъ случаѣ, самая обширная правительственная система народнаго образованія, поставленная внѣ всякаго соревнованія, будетъ обречена на жалкое существованіе, лишена будетъ духа жизни, и будетъ пытаться, жить и двигаться толчками извнѣ; въ противномъ случаѣ, образованіе народа сдѣлается какою-то монополіею и русская земля будетъ имѣть несчастье испытать, подобно нынѣшней Франціи, всѣ невыгоды такой монополіи. Было бы положительно вредно—отнять многочисленныхъ членовъ общества, не принадлежащаго ни къ правительству, ни къ духовенству,—право учить народъ. Имѣющимъ въ рукахъ своихъ власть нечего бояться, что независимые люди станутъ вести дѣло народнаго образованія по лож-

ной дорогѣ. Въ рукахъ власти всѣ законныя средства остановить заблуждающихся, въ ихъ рукахъ—правильно и законно—установленный судъ. Притомъ же подобный страхъ лишонъ дѣльнаго основанія; общество, въ которомъ живутъ всѣ элементы отъ самаго консервативнаго до самаго радикальнаго,—при естественномъ ходѣ дѣла никогда не наложитъ на себя рукъ: это было бы противно человѣческой природѣ. Противоположныя явленія происходятъ при неправильномъ и одностороннемъ развитіи народа, при подавленіи и раздраженіи его пробуждающихся силъ, при недовѣріи къ честнымъ людямъ, при неумѣннѣ—давать надлежащій исходъ юношескимъ увлеченіямъ и направлять общественное мнѣніе, безъ подавленія и запрещенія разнообразныхъ мнѣній. Противъ ложныхъ страховъ говорить и то, подтверждаемое свидѣтельствомъ глубокихъ наблюдателей, обстоятельство, что народъ, по своей природѣ, показываетъ полное нерасположеніе къ отвлеченнымъ ученіямъ,—будь это ученія Фейербаха, Прудона, или глубокомысленныя ученія Филарета, или какого-нибудь древняго отца церкви. Поэтому, навѣрное можно сказать, что тѣ немногіе, недоучившіеся и не наученные опытомъ проповѣдники, которые рѣшаются излагать народу отвлеченныя ученія новѣйшей философіи, не могутъ имѣть успѣха у нашего народа, и если они не научатся лучше понимать народъ и правильнѣе смотрѣть на призваніе народнаго учителя, то и среди народа и среди общества они останутся одиноками идеологами, безвредными для естественнаго народнаго развитія; народъ ихъ не пойметъ, не узнаетъ и отвернется отъ нихъ, какъ отъ людей, у которыхъ, по его мнѣнію, умъ за разумъ зашелъ.

Пользы для южнорусскаго народа отъ обществъ распространенія грамотности можно ожидать въ томъ только случаѣ, когда эти общества будутъ существовать на мѣстѣ, по возможности въ каждомъ губернскомъ городѣ. Мѣстные общества станутъ дѣйствовать основательнѣе комитета грамотности, понятно—почему: они будутъ состоять изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, изъ мѣстныхъ чиновниковъ, учителей, духовенства, не пріобрѣвшихъ привычки законодательствовать, какъ пріобрѣлъ ее петербуржецъ; они, вѣдь, никогда не участвовали въ составленіи разныхъ законодательныхъ проектовъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, болѣе или менѣе неприложимыхъ, не присутствовали при изысканіи иноземныхъ учреждений для удовлетворенія потребностей нашего народа. Какъ люди, безъ подобныхъ привычекъ, они посмотрятъ на дѣло проще, постараются воспользоваться тѣмъ, что у нихъ подъ ру-

кой, и не сдумѣють гоняться за блестящими, отдаленными, призраками. Въ—подтвержденіе, можно указать на членовъ обществъ распространенія грамотности въ Харьковѣ и Полтавѣ, обществъ пока не разрѣшенныхъ, но имѣвшихъ предварительныя совѣщанія, съ цѣлію установить правила для своего существованія. Члены Харьковского общества имѣють капиталъ въ 700 р. Очевидно, что это—капиталъ первоначальный, составленный при первыхъ совѣщаніяхъ, и что увеличеніе его приостановилось по той причинѣ, что правительство до—сихъ—поръ не дало своего позволенія на открытіе общества. Но даже и теперь складочный его капиталъ превышаетъ капиталъ комитета грамотности. Извѣстно также, что лица, которыя хотятъ составить общество, давно уже, вмѣсто сочиненія соображеній и нарядженія комиссій, готовятъ учителей для сельскихъ школъ и уже получили официальное разрѣшеніе для школы учителей. Наконецъ, харьковскіе дѣятели позаботились о распространеніи книгъ, изданныхъ для народа. Такъ, чтобы хотя отчасти облегчить желающимъ покупку народныхъ книгъ, дано было, изъ первоначальной складочной суммы, 100 р. г. Кокерскому на выписку книгъ; вырученныя отъ продажи деньги снова были затрачены на покупку книгъ для народа; г. Кокерскому поручено также—взять на себя отъ петербургскихъ книгопродавцевъ коммисіонерство по торговлѣ народными книгами. Такъ—какъ, съ 1-го іюня текущаго года, открыта въ Харьковѣ книжная торговля Е. С. Баллиной, то харьковцы вошли съ г-жею Баллиной въ соглашеніе, вслѣдствіе котораго въ ея магазинѣ народныя книги будутъ продаваться для воскресныхъ школъ и для будущаго общества грамотности по петербургскимъ цѣнамъ, съ уступкою 10%, за исключеніемъ немногихъ книгъ. Полтавскіе дѣятели по народному образованію также съ успѣхомъ трудились для этого дѣла. Они учредили нѣсколько школъ, (въ г. Полтавѣ ихъ было 6) и ясно понимая значеніе роднаго языка въ первоначальномъ обученіи, заботились о распространеніи дешевыхъ изданій на украинскомъ языкѣ; (*) они читали прошедшею зимою, для простаго народа въ Полтавѣ, о такихъ предметахъ, какъ дождь, снѣгъ, громъ, устройство земли и т. п. И конечно, дѣятельность ихъ была задержана тѣмъ, что общество, ими учрежденное, не разрѣшено.

(*) Что они вѣрно угадали живую, естественную, потребность народа, видно изъ одного несомнѣннаго свѣдѣнія, что въ нѣсколькихъ уѣздахъ Полтавской и, отчасти, Харьковской и Екатеринославской губ., въ 9 мѣсяцевъ, разошлось 12,000 слишкомъ разныхъ украинскихъ книжечекъ, цѣною отъ 3 до 15 к. ср. каждая.

Еслибы насъ спросили, что нужно для того, чтобы общества грамотности приносили дѣйствительную, осязаемую, пользу, мы бы сказали, что ему нужны деньги и, прежде всего, деньги. Мы убѣждены, что не столько въ людяхъ, сколько въ деньгахъ нуждается дѣло народнаго образованія. Насъ спросятъ: откуда ихъ взять, и какими средствами пріобрѣсть? Средства пріобрѣтенія много и мнѣнія объ этомъ различны. Нѣкоторые петербуржцы думаютъ, что легчайшій способъ пріобрѣтенія денегъ (конечно, не для себя лично, а для общества) состоитъ въ томъ, чтобы сперва перечитать разныя книги о разныхъ обществахъ на западѣ и потомъ вести горячіе споры о примѣненіи тамошнихъ началъ къ нашей мѣстности. Мы же думаемъ, что слѣдуетъ приступить прямо къ дѣлу: заботиться объ увеличеніи числа членовъ, которые могли бы постоянно доставлять необременительные, но въ то же время, не очень малые взносы. Потомъ, надо такъ вести дѣло, чтобы возбудить къ нему вниманіе, а затѣмъ и сочувствіе всего общества, чтобы, вслѣдствіе общаго настроенія, явились люди, которые бы рѣшились жертвовать, на пользу народнаго образованія, болѣе установленнаго взноса. Такіе люди всегда найдутся въ обществѣ. Готовность жертвовать есть черта людей искреннихъ; горячо — любящихъ честное дѣло; а такіе люди бываютъ даже среди падающихъ и испорченныхъ обществъ, а тѣмъ болѣе они возможны въ народѣ возрождающемся. Если аристократія западно-русскаго края, въ XVII и XVIII вѣкѣ, жертвовала такія огромныя суммы на училища, аристократія наиболѣе эгоистическая, наиболѣе испорченная, — не можетъ быть, чтобы въ наше время, въ вѣкъ стремленія къ улучшенію всѣхъ сословій и преимущественно сельскихъ, — не нашлось людей, для которыхъ современныя убѣжденія были бы не однимъ только дѣломъ моды — интереснымъ матеріаломъ для салонной, журнальной и кабинетной болтовни. Но для этого прежде всего необходимо горячая преданность дѣлу самихъ дѣятелей, самихъ руководителей общества.

Нигдѣ образованныя сословія столько не дѣлаютъ для народнаго образованія, какъ въ Англіи. А отчего? Оттого, что Англичане — люди практическіе, люди, умѣющие взяться за дѣло и вести его съ энергіею. Сознавши разъ, что образованіе рабочихъ и земледѣльческихъ классовъ есть долгъ тѣхъ, которые обязаны своимъ благосостояніемъ трудолюбію и терпѣнію народа, англійскіе дѣятели устремили всѣ свои усилія на составленіе капиталовъ, безъ которыхъ самыя высокія мысли и самыя чистыя желанія оказываются *общими мѣстами*. Нельзя не

удивляться громадности суммъ, которыми нынѣ владѣють британскія общества распространенія грамотности, и которыя даютъ имъ возможность содержать, или поддерживать, столько школъ (на попеченіи *Національнаго общества* состоитъ 11,372 школы), сколько не содержатъ инныя правительства самыхъ большихъ государствъ. Доходы этихъ обществъ слѣдующіе: *Британское общество*, въ 1859 году, имѣло 11,000 фунт. стерл. (70,000 р. ср.); *Національное* — 13,000 ф. ст.; *Общество евангелической партіи* англиканской церкви (существующее съ 1853 г.) 3,500 ф. ст.; *Веселянское общество* (особенная религіозная секта) 5,440 ф. ст.; *Католическій школьный комитетъ*—10,000 ф. ст.; *Общество индепендентовъ* хотя нынѣ упало, но въ первые десять лѣтъ своего существованія, съ 1843 по 1853 годъ, оно собрало и израсходовало на поддержку школъ огромную сумму—160,000 ф. ст. (болѣе милліона р. ср.).

Неразрѣшеніе обществъ распространія грамотности въ Южной Руси оказало свое дѣйствіе: южнорусскіе дѣятели стали обращаться, съ предложеніями и просьбами о содѣйствіи, въ комитетъ грамотности. А. Я. Конисскій, одинъ изъ самыхъ преданныхъ дѣлу народнаго образованія, въ началѣ нынѣшняго года писалъ въ комитетъ: «Населеніе здѣшней мѣстности говоритъ языкомъ совершенно особымъ отъ великорусскаго, а потому съ жадностію читаетъ книги на малороссійскомъ языкѣ; но бѣда въ томъ, что на этомъ языкѣ нѣтъ именно тѣхъ книгъ, которыхъ требуетъ народъ, книгъ по естествознанію. Желая удовлетворить однако своей потребности, ученики воскресныхъ и другихъ народныхъ школъ берутъ книги великорусскія, но читая ихъ, безъ объясненія, ничего не понимаютъ; читаетъ ученикъ слово туча и не понимаетъ его: нужно перевести словомъ «хмара». Къ устраненію этого важнаго недостатка я полагаю: предложить кому-либо изъ малороссійскихъ писателей, ближе всего С. Д. Носу, какъ специалисту, составить на малороссійскомъ языкѣ естественную исторію и издать ее отъ комитета не дороже 30 к. за экземпляръ.» Комитетъ грамотности отвѣчалъ Конисскому, что онъ признаетъ потребность въ руководствахъ на малороссійскомъ языкѣ и, въ-особенности, по части естествознанія, но при настоящихъ средствахъ своихъ находить невозможнымъ поручить кому-либо составленіе на его счетъ руководствъ; если же г. Носъ составитъ хорошее руководство на малороссійскомъ языкѣ по части естественной исторіи для народа и представитъ его, то, по раз-

смотрѣнія экспертами, если это руководство будетъ одобрено, комитетъ, вѣроятно, *согласится на изданіе его отъ имени комитета* и, можетъ-быть, *тогда* найдетъ и средства оказать изданію даже матеріальное содѣйствіе.

Другіе полтавскіе дѣатели, члены комитета, гг. Лобода, Пильчиковъ (наиболѣе принесшіе пользу полтавскимъ воскреснымъ школамъ), также Оболонскій, Косовъ, Куликъ и Куровъ просили комитетъ указать имъ популярныя учебники, для перевода ихъ на малороссійскій языкъ. Сочиненія эти должны быть по слѣдующимъ предметамъ: а) краткая, но хорошо изложенная, св. исторія ветхаго и новаго завета; б) сочиненія излагающія нравственныя и общественныя истины; в) сочиненія относящіяся до народнаго здравія; г) популярная ветеринарія, преимущественно рогатаго скота; д) сочиненія по хлѣбопашеству, огородничеству, садоводству, пчеловодству, шелководству, разведенію табаку, красильныхъ, маслянистыхъ и волокнистыхъ растений; е) сочиненія по сельскимъ ремесламъ.

«По поводу этого запроса между нѣкоторыми членами комитета возникло преніе: полезно ли вообще переводить какія бы то нибыло книги на мѣстныя нарѣчія» (неужели члены комитета, по старой памяти, считаютъ малороссійскій языкъ за нарѣчіе великорусскаго, такъ же, положимъ, какъ нарѣчіе Костромской или Владимірской губерніи?) Г. Сафроновъ былъ того мнѣнія, что распространеніе грамотности на мѣстныхъ нарѣчіяхъ *не приноситъ пользы* и что ложно мнѣніе нѣкоторыхъ, будто малороссійскіе крестьяне не хотятъ учиться великорусской грамотѣ. Того же мнѣнія былъ и г. Хотинскій. На это г. Погосскій справедливо замѣтилъ, что все большее и большее расширеніе литературъ мѣстныхъ нарѣчій лучше всего свидѣтельствуетъ какъ о настоятельной необходимости въ нихъ, такъ и о ихъ полезности».

«Такъ-какъ бюро положило удовлетворить требованію вышеупомянутыхъ своихъ членовъ изъ Полтавы, то предсѣдатель послѣ положительнаго пренія, кончившагося въ пользу перевода книгъ, обратился къ собранію съ просьбою, не возьметъ ли кто на себя трудъ указать требуемыя сочиненія; но изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи (засѣданіе было 13 апрѣля 1862 года) никто не предложилъ своихъ услугъ; почему бюро вынуждено повторить свою просьбу въ будущемъ засѣданіи.»

Мы не можемъ пройти молчаніемъ мнѣнія, высказаннаго гг. Сафроновымъ и Хотинскимъ. Мнѣніе это очень часто высказывается

людьми, находящимися въ томъ же самомъ положеніи относительно малороссійскаго языка, какъ и два достопочтенные члена комитета. Опровергать мнѣніе ихъ мы не станемъ, потому что въ *Основѣ* не разъ была доказываема несправедливость и эгоистичность этого мнѣнія. Мы только спросимъ достопочтенныхъ членовъ, знакомы ли они съ малороссійскимъ народомъ, чтобъ быть истолкователями его желаній? Мы, по крайней мѣрѣ, не видимъ, что они знакомы. Г. Хотинскій—господинъ, давно—живущій въ Петербургѣ и составляющій и переводящій разныя книжки по естествознанію, а г. Софоновъ, если мы не ошибаемся, помѣщикъ Витебской губерніи. Очевидно, что ни малороссійскаго языка, ни малороссійскаго народа они не знаютъ. По нашему мнѣнію, незнаніе обязываетъ разсудительнаго человѣка, искренно желающаго уясненія правды, къ молчанію; но достопочтенные члены, держась иного правила, самоувѣренно рѣшили вопросъ о языкѣ, на которомъ слѣдуетъ обучать малороссійскій народъ. Вообще, невѣжество русскихъ книжныхъ людей въ дѣлѣ малороссійской народности—полное; но это нисколько не удерживаетъ ихъ отъ рѣшительныхъ приговоровъ объ этомъ предметѣ. Зато приходится слышать много нелѣпостей: кромѣ неоснова-тельнаго мнѣнія будто малороссійскій языкъ не больше какъ нарѣчіе, что уже рѣшительно опровергнуто филологами,—еще не рѣдко слышится мнѣніе, что малороссійскій языкъ—это смѣсь польскаго съ русскимъ, или что это искаженный русскій языкъ! Замѣчательно, что при рѣшеніи вопроса о малороссійской народности здѣсь чаще встрѣчается скромности со стороны самихъ малороссовъ, чѣмъ великороссовъ: первые чистосердечно сознаются, что они, влѣдствіе антинаціональнаго воспитанія, недостаточно знаютъ свой родной языкъ и народъ, отъ котораго они оторваны, зато великороссы, въ-особенности—книжники, не задумываясь докторально рѣшаютъ то дѣло, на разъясненіе котораго нѣкоторые энергическіе умы рѣшились посвятить всю свою жизнь. О мосхофилахъ мы не говоримъ: это мономаны, которые рѣшаютъ вопросъ о каждой славянской національности съ своей московской точки зрѣнія: *Москва—старшая сестра, которой суждено быть опекуницей своихъ меньшихъ неразумныхъ сестеръ...*

Обращаясь снова къ предложеніямъ глубокоуважаемыхъ нами полтавскихъ членовъ, мы вполнѣ цѣнимъ ихъ безкорыстные и благородныя усилія на пользу народнаго образованія и сознаемъ вмѣстѣ съ ними необходимость изданія книгъ по естествознанію для народнаго чтенія. Но едвали комитетъ грамотности, или другое какое общество,

можетъ помочь своими указаніями, или порученіемъ составить книгу. Намъ кажется, что переводить русскія или иностранныя книги на украинскій языкъ, можетъ только тотъ, кто не только хорошо знаетъ языкъ, но и тотъ предметъ, который изложенъ въ книгѣ; а такой человекъ самъ знаетъ литературу своей спеціальности; притомъ же мы думаемъ, что для нашего народа нуженъ не *переводъ*, а составленіе доступныхъ для него книгъ:—иностранныя книги, какъ бы они ни были хороши, будучи написаны для другаго народа, не придутся по душѣ нашему народу; онѣ для составителей могутъ служить только руководствомъ. Притомъ же, поручать кому бы то ни было составлять книги—не совсѣмъ удобно. Тутъ запутанностей выйдетъ бездна. Когда потребность сдѣлается неотложною, когда въ нашемъ малороссійскомъ обществѣ будутъ люди, обладающіе и глубокимъ знаніемъ родного слова и полнымъ знакомствомъ съ естественными науками, книги будутъ написаны, безъ вѣтшихъ побужденій, безъ чужихъ порученій. Средства на изданіе хорошихъ книгъ найдутся. Намъ нужны люди, преданные дѣлу возрожденія нашего народа; намъ нужно воспитывать юношество въ любви къ родному слову и къ изученію нашей родины во всемъ ея объемѣ; намъ нужны свои мѣстныя общества распространенія грамотности, которыя бы руководили общимъ дѣломъ. Разъ заявленное мнѣніе не останется безъ дѣйствія: надежды свои мы основываемъ на нашемъ прошломъ, которое даетъ отвѣты на все вопросы нашего настоящаго. Литература наша началась съ поэтическихъ и историческихъ произведеній. Мы не станемъ перечислять произведенія украинскихъ писателей; они извѣстны всякому, горячо желающему возрожденія своей словесности. Изъ этихъ произведеній народъ читаетъ съ жадностію. Кромѣ сочиненій писанныхъ не для народа, но столь наивныхъ, полныхъ жизни и простыхъ, что они читаются и народомъ, есть труды, изданные или предпринятые и собственно для народа. Издано семь грамматокъ, въ которыхъ кромѣ, способовъ обученія, есть разсказы изъ священной исторіи, разныя свѣдѣнія, арифметика и проч. Напечатана арифметика, о которой въ настоящей книжкѣ нашего журнала помѣщенъ отчетъ. Въ рукописяхъ находятся нѣсколько переводовъ Евангелія, изъ коихъ одинъ, уже около года, въ разсмотрѣніи св. Синода. Написаны: священная исторія и катихизисъ, которыя, надѣемся, скоро будутъ изданы.

Р. С. Едва мы успѣли это написать, какъ получили изъ Кіева слѣдующее извѣстіе; «У насъ заготовлены для печати священная исторія и краткій катихизисъ, готовится къ изданію географія украинская и гео-

графія всеобщая, и коротенькая естественная исторія. Кромѣ того готовится: обзоръ сельскаго хозяйства и сельскихъ ремеслъ у мелкихъ южнорусскихъ хозяевъ сравнительно съ сельскимъ хозяйствомъ и ремеслами за границею; евангельскія притчи, и небольшая книжка басенъ, выбранныхъ изъ доселѣ-изданныхъ басенъ. Далѣе, составляется книжка для чтенія; цѣль ея—выяснить явленія природы, которыя совершаются съ-поконъ-вѣку у каждаго предъ глазами, какъ-то: дождь, снѣгъ, туманъ и проч.; кое-что про жизнь нѣкоторыхъ звѣрей, особенно отличающихся отъ прочихъ; рассказы про нѣкоторыя страны, представляющія что-нибудь особенно интересное въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи. Въ эту же книжку должны войти статьи по естественной исторіи, по другимъ естественнымъ наукамъ, по физической географіи, по народной медицинѣ, гигиенѣ и пр. Наконецъ, мы занимаемся составленіемъ русско-украинскаго словаря; эта книга очень необходима, для насъ болѣе необходима въ настоящее время, чѣмъ украинско-русскій словарь, ибо украинскую рѣчь мы понимаемъ, а въ теперешнемъ нашемъ дѣлѣ, въ составленіи книжекъ, гдѣ приходится надъ каждымъ словомъ долго думать, такой словарь доставитъ великую помощь. Составляется этотъ словарь такъ: мы подѣлили между собою все что было написано до сего времени по-украински; одни взяли литературныя произведенія, другіе старинные акты, лѣтописи и прочее; каждый изъ насъ долженъ выбрать всѣ слова, встрѣчающіяся въ избранной имъ книжкѣ; затѣмъ выбранные слова будутъ соединены въ-одно подъ общую редакцію. Нашлись добрые люди, которые помогаютъ намъ въ этомъ дѣлѣ деньгами, такъ-что на изданіе словаря у насъ средствъ достанетъ.» Все это не требуетъ комментарія: мы горячо желаемъ только, чтобы всѣ задуманныя работы были приведены къ концу; пусть наши братья не падаютъ духомъ при видѣ скудныхъ матеріальныхъ средствъ: средства найдутся, въ этомъ мы можемъ увѣрить ихъ. Если одновременно между южноруссами, живущими въ разныхъ мѣстахъ и неимѣющими непосредственнаго между собою общенія, родилось глубокое сознаніе необходимости изданія полезныхъ книгъ для народа, (въ Петербургѣ также составляется русско-украинскій словарь для пособія при изданіи книгъ), то, нѣтъ сомнѣнія, тоже единодушіе выскажется и въ изысканіи средствъ для изданія; такъ мы судимъ по нѣкоторымъ положительно-заявленнымъ предложеніямъ касательно этого дѣла. Мы надѣемся также, что многіе Украинцы, какъ живущіе на родинѣ, такъ и разсыянные по разнымъ краямъ имперіи,

не замедлять отозваться на нашъ призывъ. Редакція *Основы* съ радостію готова принять на себя посредничество въ этомъ дѣлѣ.

Но—въ то самое время, какъ образованные Южноруссы усиленно занялись усовершеніемъ способовъ для образованія своихъ братьевъ, въ то время какъ число людей изъ Южной Руси, сознающихъ оторванность отъ своего корня—народа, съ каждымъ днемъ увеличивается, Москва, въ лицѣ Каткова, шлетъ намъ упреки: «Очень грустно, если дѣло русскаго образованія могло быть дѣломъ партіи въ одной изъ самыхъ коренныхъ русскихъ областей. Мѣстные нарѣчія есть вездѣ и гораздо болѣе рѣзкія чѣмъ малороссійское, но нигдѣ они не вступаютъ въ соперничество съ общимъ языкомъ и общимъ образованіемъ народа. Русскій языкъ есть общее достояніе такъ называемыхъ Великоруссовъ и Малоруссовъ. Это не великорусскій языкъ, а русскій, который созданъ исторіей и съ которымъ неразрывно соединяется русское образованіе (Совр. Лѣтопись № 25).

Пусть это элегически-зловѣщее напоминаніе послужитъ нашимъ южнорусскимъ дѣятелямъ къ еще болѣе тѣсному соединенію въ трудѣ на пользу народа; пусть оно пробудитъ заснувшихъ и не даетъ покоя лѣнливимъ и равнодушнымъ.

25 августа 1862.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ

ХАРЬКОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО

ПО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ ПРИСУТСТВІЯ.

Разграниченіе мѣстностей для опредѣленія размѣровъ высшаго душеваго надѣла. Губернское присутствіе, убѣждаясь, что въ губерніи нѣтъ цѣлыхъ частей, гдѣ бы существовало малоросійское хозяйственное устройство и гдѣ бы возможно было признать его господствующимъ, постановило: во всей Харьковской губерніи, безъ дѣленія ея на части, признать господствующимъ хозяйственное устройство и применимымъ мѣстное положеніе—Великоросійское. Въ отдѣльныхъ же имѣніяхъ дозволяется вводить Малоросійское положеніе, по обоюдному соглашенію между помѣщикомъ и крестьянскимъ обществомъ. (Лѣт. сельск. благ. 1861 г. въ ст. 11 и 12).

Объ устройствѣ для крестьянъ усадебъ въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Вслѣдствіе представленія губернскаго присутствія о томъ, что слѣдовало бы допустить пріятіе крестьянъ, не имѣющихъ осѣдлости, въ казенное вѣдомство съ предоставленіемъ имъ пособія и льготъ, указанныхъ въ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ пунктахъ ст. 8 дополн. прав. объ им. мелкоп. влад., Министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ, что крестьяне мелкопомѣстныхъ имѣній, надѣленные одною лишь полевою землею, не могутъ быть передаваемы въ казенное вѣдомство съ выдачею помѣщику вознагражденія, потому что, по ст. 10 дополн. прав. объ им. мелк. влад. передаются въ казну только крестьяне, водворенные на землю, т. е. имѣющіе усадѣбную осѣдность. Что же касается вообще до крестьянъ мелкопомѣстныхъ имѣній, живущихъ въ господскомъ дворѣ, за неимѣніемъ усадебъ, то помѣщики не обязаны обзаводить ихъ домами съ тѣмъ, чтобъ крестьяне эти оставались въ настоящихъ помѣщеніяхъ до истеченія двухлѣтняго срока съ утвержденія положенія. (пост. 2 и 9 февраля 1862 г. Харьк. губ. вѣд. 24 февр. № 8 и 3-го марта № 9).

О правѣ дворовыхъ людей сохранить земельные надѣлы и усадебъ, которыми они пользовались наравнѣ съ крестьянами. Дворовые люди, постоянно живущіе въ отдѣльныхъ отъ господской усадѣбы, дворахъ и избахъ, вмѣстѣ съ крестьянскимъ населеніемъ и наравнѣ съ крестьянами пользующіеся надѣломъ земли, и отбывающіе издѣльную повинность, имѣютъ право на полученіе земельного надѣла, и если они изъявятъ на то желаніе, при составленіи уставной грамоты, то имъ предоставляется въ пользованіе тѣ же усадебъ, на коихъ они нынѣ помѣщаются. (Пост. 9 февр. Харьк. губ. вѣд., 3 марта, 1862 г. № 9).

О необязательности для крестьянъ ночныхъ карауловъ вѣдъ предѣловъ имѣній и о зачетѣ караула въ барщинную повинность. Вслѣдствіе представленія мирового посредника 4-го участка Харьковскаго уѣзда, о требованіи помѣщикомъ Алферовымъ высылки изъ имѣнія, крестьянъ, для содержанія ночнаго караула, при домѣ его въ г. Харьковѣ, въ разстояніи 13-и верстъ отъ имѣнія и объ опредѣленіи зачета ночныхъ карауловъ въ барщинную повинность, — опредѣлено, что хотя предоставляется помѣщику требовать отъ крестьянъ отбыванія ночныхъ карауловъ, въ зачетъ общаго количества слѣдующихъ ему, рабочихъ дней, но повинность эта, какъ издѣльная повинность вообще, должна ограничиваться предѣлами имѣнія, въ коемъ водворены крестьяне, а потому, требованіе помѣщика Алферова, о высылкѣ крестьянъ за 13 верстъ отъ мѣста ихъ жительства, для содержанія ночнаго караула, не можетъ быть исполнено, какъ не имѣющее законнаго основанія. Что же касается до зачета карауловъ въ барщину, то, по урочному положенію, ночь, проведенная въ караулѣ, считается за день барщиной повинности. (Пост. 9 февр. Харьк. губ. вѣд. 3 мар. № 9).

О дворовыхъ, получающихъ земельные надѣлы. Вслѣдствіе возникшаго вопроса о томъ, будутъ ли имѣть права на шестилѣтнія льготы, тѣ изъ дворовыхъ, которые войдутъ въ составъ сельскаго общества временно-обязанныхъ крестьянъ, — постановлено, что по ст. 32 полож. о двор., льготами пользуются только тѣ дворовые люди, которые увольняются отъ обязательныхъ къ владѣльцамъ отношеній; при полученіи же дворовыми надѣла земли, обязательныя отношенія ихъ къ помѣщикамъ не прекращаются, а только измѣняются; дворовые становятся въ положеніе крестьянъ, наравнѣ съ ними несутъ повинности за пользованіе землей и уравниваются съ ними во всѣхъ правахъ. (Пост. 9 февр. Харьк. губ. вѣд. 3 марта № 9).

О надѣлѣ землею крестьянъ бывшихъ въ бѣгахъ. По возникшему вопросу о томъ, обязательны ли надѣлѣ землею при составленіи уставной грамоты, какъ для помѣщика, такъ и для крестьянина, показаннаго, по 10-ой ревизіи, въ бѣгахъ, возвратившагося изъ бѣговъ два года тому назадъ, и о припискѣ коего въ ревизію было подано объявленіе, по который еще не приписанъ, а между тѣмъ пользовался землею и отбывалъ барщину, — постановлено, что для помѣщика обязательно предоставить крестьянамъ то количество земли, которымъ они пользовались; а бывший въ бѣгахъ крестьянинъ, какъ вошедшій въ составъ крестьянскаго общества и получившій землю, не вправе отказать ся отъ надѣла. (Пост. 9 февр. Харьк. губ. вѣд. 3 марта, № 9).

Объ увольненіи дворовыхъ надѣленной землею. Вслѣдствіе возбужденнаго сомнѣнія о томъ, можетъ ли быть засвидѣтельствованъ увольнительный актъ, выданный помѣщикомъ дворовому человѣку, пользующемуся надѣломъ земли наравнѣ съ крестьянами и отбывающему надѣльную повинность, постановлено, что при добровольномъ отказѣ дворовыхъ отъ надѣла землею до составленія уставной грамоты, не представляется препятствій къ увольненію ихъ отъ обязательныхъ къ владѣльцу отношеній; что же касается земли, остающейся по увольненіи дворового человѣка, то вопросъ этотъ, на основаніи 6 ст. общ. полож., можетъ быть удобно разрѣшенъ соглашеніемъ помѣщика съ крестьянскимъ обществомъ. (Пост. 23 февр. Харьк. губ. вѣд. 10 марта № 10).

О дворовыхъ, состоящихъ на крестьянскомъ положеніи. Вслѣдствіе представленія мирового посредника Валковскаго уѣзда, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ его участка состоятъ записанными по 10-й народной переписи, въ дво-

ровыхъ, такіе крестьяне, которые по прежнимъ ревизіямъ были записаны въ крестьянахъ и нынѣ сохраняютъ право и обязанности сихъ послѣднихъ, то есть живутъ въ прежнихъ усадьбахъ, получаютъ полевой надѣлъ и отбываютъ издѣльную повинность, а между прочимъ усадебная осядлость нѣкоторыхъ изъ нихъ состоитъ въ чертѣ крестьянскаго населенія, а другихъ внѣ черты, и притомъ или возлѣ господскихъ усадебъ или въ отдаленіи, но въ обоихъ случаяхъ нѣкоторые владѣльцы, соглашались предоставить такимъ крестьянамъ полевой надѣлъ, право ихъ на усадьбы считаютъ сомнительнымъ, согласно мнѣнію посредника постановлено, что такіе дворовые должны получить кромѣ надѣла полевой земли, и прежнія ихъ усадьбы. (Пост. 13 марта, Хар. губ. вѣд. 24 мар. № 12).

О предупрежденіи нищенства. Министръ внутреннихъ дѣлъ въ предложениіи своемъ присутствію, изложилъ, что до обнаруженія положенія 19-го февраля, призрѣніе крѣпостныхъ людей, пришедшихъ въ невозможность кормиться работой, и недопущеніе ихъ до имущества, лежало на обязанности помѣщиковъ. Съ освобожденіемъ же крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и съ предоставленіемъ имъ правъ свободныхъ сельскихъ обывателей, обязанность эта должна быть возложена на общественное крестьянское управленіе, подобно тому, какъ это существуетъ и въ другихъ обществахъ податныхъ сословій. Средствомъ для этого служить, съ одной стороны, мѣры общественнаго призрѣнія бѣдныхъ, неспособныхъ доставить себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ, съ другой стороны мѣры взысканія, которымъ могутъ быть подвергаемы тѣ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ, кои уличены будутъ въ прошеніи нищенскимъ образомъ милостыни, не по особому, въ совершенную бѣдность подвергнутому несчастью, а по лѣни, привычкѣ къ праздности или даже въ видѣ ремесла. Обсужденіе мѣръ, которыя необходимо принять для призрѣнія дѣйствительно бѣдныхъ и неимущихъ, подлежить вѣдѣнію сельскаго и волостного сходовъ. Наблюденіе за тѣмъ, чтобы не происходило нищенства по тупеатству, возлагается на волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, которые обязаны наблюдать вообще за сохраненіемъ порядка, и которые по закону, подвергаются отвѣтственности, въ случаѣ выдачи паспортовъ, такимъ людямъ, которые не могутъ доставлять себѣ пропитаніе собственными трудами. (Пост. 16 марта Харьк. губ. вѣд. 7 апр. № 14).

О жалованьи должностнымъ лицамъ сельскаго управленія. Вслѣдствіе представленія начальника губерніи о назначеніи определеннаго жалованья должностнымъ лицамъ сельскаго управленія,—министръ внутреннихъ дѣлъ отъ 29 января уведомилъ что установленіе обязательнаго для крестьянъ нисшаго размѣра содержанія волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ было бы несогласно съ ст. 123 Общ. Пол.—

(Пост. 13 февр. Харьк. губ. 68 л. 3 марта № 9).

О жалованьи должностнымъ лицамъ и о книгахъ волостныхъ правленій. Предсѣдатель Волчанскаго мирового съѣзда представилъ на разрѣшеніе присутствія копію съ постановленія съѣзда 15 февраля, слѣдующаго содержанія: Журналомъ 4 января 1862 г. губернское присутствіе просило Министра внутреннихъ дѣлъ о дозволеніи назначить поручу жалованья сельскимъ старостамъ и волостнымъ старшинамъ. Мировой съѣздъ имѣя въ виду ст. 123 общ. пол., гдѣ назначеніе жалованья или вознагражденія, служащимъ по выбору, предоставлено непосредственному усмотрѣнію общинъ, и считая вреднымъ отнимать права, дарованыя крестьянамъ, въ особенности тѣ права, которыя имѣ-

ють влияние на самоуправленіе, долгомъ считаетъ довести о своемъ мнѣніи до свѣдѣнія присутствія и предупредить, что ежели объ обязательномъ жалованьи разрѣшеніе послѣдуетъ, то крестьяне, ясно понимающіе свои права, будутъ сильно противоѣствовать этой мѣрѣ, и ежели и исполнять ее, то не иначе, какъ послѣ строгихъ наказаній, тѣмъ болѣе, что жалованье во всѣхъ почти волостяхъ назначено уже самими крестьянами по собственному ихъ сознанію въ необходимости такового.

Въ этомъ же журналѣ и въ этой же статьѣ, губернское присутствіе утвердивъ форму книгъ для волостныхъ правленій, требуетъ немедленнаго ихъ введенія. Мировой сѣздъ не получивъ еще этихъ формъ, тоже считаетъ долгомъ увѣдомить присутствіе, что въ Волчанскомъ уѣздѣ, по всѣмъ волостямъ заведены книги, назначенныя положеніемъ, что онѣ ведутся въ порядкѣ и по формѣ, которая признается каждою волостью для себя болѣе удобною, т. е. дѣйствуютъ по положенію, которое не стѣсняетъ вновь учрежденныя мѣста никакими формами.

Губернское присутствіе съ своей стороны нашло, что первая часть постановленія Волчанскаго мирового сѣзда о жалованьи должностнымъ лицамъ, имѣетъ характеръ критики на опредѣленіе присутствія, безъ всякой цѣли и расчета на какой либо положительный результатъ, ибо присутствіе, сдѣлавъ представленіе Министру внутреннихъ дѣлъ, ни въ какомъ случаѣ не могло воспользоваться предостереженіями указаніями мирового сѣзда. Увлекаясь критическимъ настроеніемъ, мировой сѣздъ упустилъ изъ виду, что предположеніе присутствія о назначеніи нормы жалованья касалось тѣхъ обществъ и волостей, которыя отказываются вовсе отъ назначенія онаго должностнымъ лицамъ, и что на Волчанскій уѣздъ, въ которомъ, какъ сказано въ постановленіи 15 февраля, почти во всѣхъ волостяхъ опредѣлено жалованье, предположеніе это не распространялось. Такимъ образомъ Волчанскій мировой сѣздъ, изъ непонятнаго желанія сдѣлать возраженіе на опредѣленіе присутствія распространилъ свою заботливость не только за предѣлы предметовъ вѣдомства, указанныхъ въ ст. 103—110 пол. объ учрж. по крест. дѣламъ, но даже за предѣлы Волчанскаго уѣзда.

А потому губернское присутствіе опредѣляло: хотя въ настоящее время вопросъ объ установленіи обязательнаго жалованья для волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ разрѣшенъ Министромъ внутреннихъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе присутствіе признавая постановленіе Волчанскаго мирового сѣзда неумѣстнымъ и увеличивающимъ безъ всякой пользы переписку, считаетъ нужнымъ просить мировой сѣздъ: во 1-хъ, въ засѣданіяхъ своихъ подвергать обсужденію предметы, подлежащіе разсмотрѣнію сѣзда, и во 2-хъ, не предпринимать вопросовъ, представленныхъ на разрѣшеніе высшаго начальства и вообще избѣгать ненужной переписки. Что касается формы книгъ для волостныхъ правленій, то, основываясь на удостовѣреніи мирового сѣзда, что таковыя ведутся въ порядкѣ, присутствіе находить возможнымъ для устраненія затрудненій въ перемѣнѣ ихъ, оставить въ волостяхъ Волчанскаго уѣзда существующія уже книги, съ тѣмъ чтобы онѣ были заведены по изданной формѣ съ 9-го января будущаго 1863 года. Къ этому присутствіе считаетъ неизлишнимъ присовокупить, что означенныя формы изданы на основаніи 1 по 129 ст. полож. о губ. и уѣздн. учр., которому губернскому присутствію предоставляется установленіе всѣхъ подробностей, относящихся до приведенія въ дѣйствіе положеній, и что въ семъ случаѣ цѣль присутствія—не нарушить дарованное крестья-

янамъ самоуправленіе, а облегчить ихъ въ дѣлѣ для нихъ новомъ и, по недостатку грамотности, затруднительномъ. (Пост. 30 марта, Хар. губ. вѣд. 28 апр. № 16).

О замѣнѣ оброка работами. При заключеніи выкупнаго договора одновременно съ составленіемъ оброчной уставной грамоты по соглашенію съ крестьянами могутъ быть допущены условія о производствѣ работъ въ замѣнъ оброка впредь до разрѣшенія выкупной сдѣлки.

(Пост. 1 мая въ Хар. губ. вѣд. 9 іюня № 22).

Объ устройствѣ крестьянъ въ имѣніи г. Величкова. Мировой посредникъ 1 участка Сумскаго уѣзда, Алферовъ, представилъ, какъ исключительный случай, имѣніе малолѣтнихъ наслѣдниковъ Величкова. Въ этомъ имѣніи числится 25 душъ мужскаго пола. Всѣ эти крестьяне никогда не имѣли ни надѣла земли, ни отдѣльных усадебъ, ни скота, а помѣщались въ господскихъ дворовыхъ постройкахъ, работали экономическимъ скотомъ, и земледѣльческими орудіями, получали провизію и одѣяніе для себя и своихъ семействъ отъ экономіи. Все общество состоитъ изъ людей, записанныхъ по ревизіи крестьянами, а потому они должны получить надѣлъ земли не менѣ одной десятины на душу. Отрѣзавши такое количество земли, у наслѣдниковъ останется всей пахатной 27 десятинъ. На основаніи ст. 7 пол. о дворовыхъ, помѣщикахъ, при водвореніи таковыхъ людей, не обязанъ обзаводить ихъ ни домами, ни усадьбами, ни другими принадлежностями крестьянскаго хозяйства. Такимъ образомъ 25 душъ крестьянъ, получившіе низшій надѣлъ, не будутъ имѣть ни усадебъ, ни домовъ, ни рабочаго скота, ни земледѣльческихъ орудій. При нынѣшнемъ скудномъ состояніи этого общества, оно положительно не можетъ устроить свою осѣдность и обзавестись необходимымъ для хозяйства, а при такихъ средствахъ оно неизбежно сдѣлается обременительнымъ для казны и наслѣдниковъ по совершенной невозможности отбывать слѣдующія съ него повинности. По мнѣнію посредника единственный способъ для устройства крестьянъ хутора Визировщины, состоитъ въ томъ, чтобы предоставить имъ поступить въ вѣдомство государственныхъ крестьянъ съ причисленіемъ къ тому обществу, гдѣ они могли бы получить надѣлъ земли въ количествѣ болѣе, чѣмъ предоставляетъ имъ положеніе. По обсужденію этого обстоятельства губернскаго присутствія опредѣлено: предоставить крестьянамъ Визировщины, какъ непользовавшимся земельнымъ надѣломъ, отказаться отъ него на основаніи 8 ст. великорос. пол., и приписаться къ обществу городскому или государственныхъ крестьянъ съ пріобрѣтеніемъ дарованныхъ подобнымъ крестьянамъ льготъ, въ случаѣ же отказа крестьянъ отъ увольненія, отвести имъ надѣлъ и устроить ихъ бытъ. (Пост. 1 мая въ Харьк. губ. вѣд. 9 іюня № 22).

О препятствіяхъ къ прекращенію обязательныхъ отношеній между помещиками и крестьянами. Сумскою мировой сѣздомъ отъ 24 апрѣля просилъ губернскаго присутствія ходатайствовать у правительства о необходимости для пользы какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, выкупа крестьянами надѣленной имъ земли безъ предварительнаго перехода на оброкъ; эту необходимость мировой сѣздъ основывалъ на изъявленіи дворянъ и на отношеніи мирового посредника Власовекаго, который писалъ, что на всѣхъ сходахъ 4 участка, крестьяне явно обнаружили нежеланіе перейти на оброкъ. Волнуемые то злонамеренными, то пустыми слухами, которые бродятъ уже нѣсколько лѣтъ по всей Россіи, крестьяне видятъ въ оброкѣ новое средство закрѣпленія себя помещикомъ, а потому и отвергаютъ его даже и на самое короткое время; меж-

ду тѣмъ какъ они согласны на всякіе платежи въ казначейство. Это согласіе они выражаютъ словомъ: «будемъ ждать случая часа, покуда выйдемъ на царское положеніе.» Подъ словами царское положеніе, они разумѣютъ выкупъ земель съ пособіемъ правительства, безъ перехода на оброкъ. Къ этому мировой посредникъ присовокупилъ, что крестьяне не будутъ платить исправно проценты выкупной ссуды, въ этомъ ручается ихъ желаніе имѣть дѣло непосредственно съ казною, и та аккуратность, съ которою они платятъ въ настоящее время всѣ казенныя повинности, не смотря на общій недостатокъ денегъ и на совершенно новыя для нихъ требованія, вызванныя реформою крестьянскаго быта. Мировой же посредникъ Волчанскаго уѣзда, Бекарюковъ, представляя отъ 23 апрѣля отчетъ о составленіи и введеніи уставныхъ грамотъ, въ его участкѣ, заключаетъ: въ предстоящее время легко предвидѣть постоянное столкновеніе собственниковъ и оставшихся на издѣльной повинности; эти столкновенія не общають спокойствія края, и потому посредникъ считаетъ долгомъ сообщить губернскому присутствію необходимость употребить всѣ средства, для приведенія крестьянъ подъ одинъ общій законъ, для устройства ихъ хозяйственнаго быта. Единственная исполнимая мѣра для достиженія этой цѣли—ходатайствовать у правительства объ обязательномъ выкупѣ земель, предоставленныхъ крестьянамъ въ постоянный надѣлъ.

Губернское присутствіе, вполнѣ раздѣляя основательныя мнѣнія сумскаго мирового съѣзда и посредника Бекарюкова, опредѣло: 1) увѣдомить всѣ мировые съѣзды, что на основаніи протокола дворянства Харьковской губерніи 30 сентября 1861 г., присутствіе представило на усмотрѣніе высшаго начальства слѣдующее свое заключеніе: «Издѣльная повинность равно пагубна для помѣщиковъ и для крестьянъ, а потому необходимо допустить выкупъ съ содѣйствіемъ правительства, безъ предварительнаго перехода съ издѣльной повинности на оброкъ, какъ по взаимному на то соглашенію помѣщика съ крестьянами, такъ и по требованію одного помѣщика, съ соблюденіемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ условій, выраженныхъ въ 35 ст. пол. о выкупѣ.» 2) Просить и другіе мировые съѣзды объяснить причины, препятствующія къ достиженію цѣли, равно желаемой правительствомъ и дворянствомъ, о прекращеніи нынѣшнихъ стѣснительныхъ отношеній между помѣщиками и обязанными крестьянами, исходъ которыхъ представляетъ единственная мѣра—выкупныя сдѣлки на добровольномъ соглашеніи (*). (Пост. 1 мая Хар. губ. вѣд. 9 іюня № 22).

Объ освобожденіи крестьянъ отъ взысканія денегъ за прежнее время. Временно-обязанные крестьяне Rogozjanskой волости, с. Панъ-Ивановки, помѣщика Павла Кузина, Харьковскаго уѣзда, объясняя въ прошеніи, что по распоряженію Харьковской дворянской опеки съ нихъ требуютъ уплаты 1,130 руб. 17 коп., заимствованныхъ изъ казны въ давнее время прежде бывшимъ владѣльцемъ Ковалевскимъ, во время неурожайныхъ годовъ, будто-бы для продовольствія крестьянъ, и что они никакого вспомошествованія отъ своего владѣльца не получали, ходатайствовали объ освобожденіи ихъ отъ сказаннаго взысканія. Губернское присутствіе, имѣя въ виду, что по ст. 9 общ. полож. обязанности по продовольствію и прирѣзнію крестьянъ слагаются съ помѣщиковъ лишь по введеніи въ дѣйствіе положеній, до того же эти обязанности лежали непосредственно на владѣльцахъ, равно какъ взносъ податей и уплата недоимокъ по имѣнію,—опредѣлило: освободить крестьянъ с. Панъ-Ивановки

(*) Вопросъ этотъ разрѣшенъ законодательнымъ образомъ; крестьянамъ дозволено выкупать земли и безъ перехода на оброкъ.

отъ взысканія какихъ либо недоимокъ, лежащихъ на имѣнии за прежнее, до обнаруженія положеній, время. (Пост. 11 мая въ Хар. губ. вѣд. 9 июня № 22).

По жалобѣ крест. Филимонова на помѣщика Шости. Мировой посредникъ Изюмскаго уѣзда 1 участка представилъ на разсмотрѣнїе губернскаго присутствія жалобу временно-обязаннаго крестьянина Игната Филимонова о томъ, что онъ, Филимоновъ, состоитъ по 10 ревизіи записаннымъ за титулярнымъ совѣтникомъ Шости, при его собственномъ домѣ въ г. Изюмѣ, гдѣ проживалъ вмѣстѣ съ семействомъ своимъ, но что сынъ умершаго Шости, штабсъ-капитанъ, служащій на Кавказѣ, въ куринскомъ пѣхотномъ полку, въ укрѣпленіи Веденскомъ, уѣзжая въ 1860 году на службу, увезъ съ собой и двухъ несовершеннолѣтнихъ дочерей Филимонова и тѣмъ лишилъ отца всякой возможности имѣть родительское о нравственности дѣтей попеченіе. Почему Филимоновъ ходатайствовалъ о возвращеніи ему дочерей и водвореніи ихъ на жительства въ г. Изюмѣ. Губернское присутствіе, обращая вниманіе на нравственные побужденія, заставляющія Филимонова требовать къ себѣ дочерей своихъ и вмѣстѣ признавая, что крестьяне, приписанные къ домамъ, составляютъ классъ людей, не пользующихся землею и имѣютъ право немедленно выйти изъ мірскаго общества, для приписки въ другія сословія, — опредѣлило: предложить мировому посреднику снести съ пачальствомъ куринскаго пѣхотнаго полка, о высылкѣ дѣвицъ Пелагеи и Анны Филимоновыхъ, находящихся въ услугахъ при штабсъ-капитанѣ Шости, по требованію родного отца ихъ, въ г. Изюмъ. Игнату же Филимонову объявить это рѣшеніе присутствія, присовокупивъ при томъ, что оно въ такомъ только случаѣ сохраняетъ свою силу, если Филимоновы записаны по ревизіи крестьянами. (Пост. 11 мая въ Хар. губ. вѣд. 9 июня № 22).

Объ уплатѣ податей за крестьянъ, сосланныхъ въ Сибирь. По возникшему вопросу о томъ: слѣдуетъ ли крестьянъ, сосланныхъ на поселеніе, по опредѣленію судебного мѣста, до обнаруженія положенія о крестьянахъ, включать въ общество крестьянъ для надѣла ихъ землею въ то время, когда ихъ надѣлы, до обнаруженія положенія о крестьянахъ, по ссылкѣ, были обращены въ экономію, — опредѣлено: что ст. 33 правилъ о порядкѣ правъ въ дѣйств. полож. требуетъ, чтобъ въ уставную грамоту вносилось число крестьянъ, значащихся въ селеніи по послѣдней ревизіи. Общество крестьянъ, принимая въ свой составъ умершихъ сосланныхъ на поселеніе, обязано платить за нихъ подати и всѣ повинности; а изъ этого слѣдуетъ, что оно должно получить надѣлъ земли на умершихъ и сосланныхъ такой же, какой получаютъ и другіе крестьяне, и если экономія отобрала надѣлъ, принадлежавшій прежде сосланному на поселеніе, то она обязана возвратить его обществу при составленіи уставной грамоты. Если же по согласію общества и помѣщика, крестьяне сосланные или умершіе не будутъ включены въ составъ общества для исчисления надѣла, то уплата до новой ревизіи податей и другихъ казенныхъ повинностей за такихъ крестьянъ должна оставаться на обязанности помѣщика. (Пост. 11 мая въ хар. губ. 9 июня № 22).

Объ отменѣ приказа кандидата кн. Шаховскаго. Мировому посреднику 3 участка изюмскаго уѣзда, по возвращеніи его изъ отпуска и по вступленіи въ должность свою, волостные старшины представили слѣдующій приказъ исправлявшаго должность посредника князя Шаховскаго: «Въ слѣдствіе замѣченнаго мною со стороны временно-обязанныхъ крестьянъ упорства къ исполненію обязанностей по издѣльной повинности, слѣдуемой за пользованіе ими

землю владѣльца и непринятія мѣръ къ понужденію таковыхъ сельскими старостами, предписываю къ исполненію слѣдующее: при невыходѣ на барщину крестьянина и крестьянки, сельскій старшина долженъ нарядить таковыхъ на слѣдующіе за слѣдуемыми отъ сихъ крестьянъ барщинными днями (ст. 233 мѣст. пол.), при неисполненіи наряда крестьяниномъ или крестьянкою и неотбытіи въ ту же недѣлю недоимочнаго дня или дней, взыскать немедленно въ ту же недѣлю деньги, по оцѣнкѣ рабочаго дня, губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ назначенной, за каждый недоимочный барщинный день, каковыя деньги, взыскавъ съ недоимщика, доставить владѣльцу или управляющему имѣніемъ въ пополненіе убытковъ экономіи, и о семъ приложивъ росписку владѣльца или управляющаго, въ полученіи таковыхъ послѣднимъ, волостному старшинѣ мѣѣ довести въ семидневный срокъ. При несостоятельности же недоимщика къ уплатѣ слѣдуемаго за неотработанные дни съ него взысканію, а равно при состоятельности, но упорствѣ въ платежѣ законнослѣдуемаго съ него по ст. 233 мѣст. пол. взысканія въ пользу владѣльца, сель. староста немедленно доносить о семъ старшинѣ, которому симъ предписываю: несостоятельнаго между тѣмъ неисправнаго въ отбываніи за землю повинности помѣщику, подвергать наказанію 10 ударами розогъ, состоятельнаго же, но упорнаго къ уплатѣ взысканія, 20 ударами розогъ, для чего старшина на ихъ дняхъ вызываетъ ихъ въ волостное правленіе, гдѣ и подвергаетъ мною опредѣленному наказанію. Въ отношеніи же доказанно больныхъ руководствоваться ст. 233 прим. 2 мѣст. пол., дѣйствительная непритворная болѣзнь которыхъ должна быть съ перваго дня оной заявлена заболѣвшимъ или къмъ либо изъ его семейства сельскому старостѣ, которому вѣняется въ обязанность въ тотъ же день заявить владѣльцу или управляющему имѣніемъ, какъ о болѣзни, равно и о томъ, что онъ больного или больную видѣлъ, и что таковыя дѣйствительно больны. Но если окажется показаніе сельскаго старосты ложнымъ, то онъ подвергается взысканію въ пользу помѣщика денегъ за всѣ недоимочные дни имъ показаннаго больнымъ, сверхъ штрафа за потворство и укрывательство таковыхъ въ мирской запасный капиталъ. Предписывая къ строгому и точному исполненію все здѣсь изложенное, вмѣстѣ съ тѣмъ объявляю, что съ сего времени волостной старшина за неточное исполненіе имъ и ненаблюденіе его за исполненіемъ сего и прежде изданныхъ мною приказовъ с. старостами, будетъ подвергнутъ сначала денежному взысканію, затѣмъ денежному взысканію и аресту при становой квартирѣ, при недѣйствительности же сихъ мѣръ, будетъ представленъ къ отрѣшенію отъ должности съ предачею суду.»

Представляя въ подлинникѣ означенный приказъ кн. Шаховскаго на разсмотрѣніе губернскаго присутствія, мировой посредникъ спрашивалъ, долженъ ли этотъ приказъ оставаться въ своей силѣ и на какомъ основаніи. Губернское присутствіе, усматривая что приказомъ кн. Шаховскаго предоставлено старшинамъ, въ противность 86 ст. общаго положенія, право тѣлесныхъ наказаній: какого ни волостной старшина, ни волостное правленіе не имѣютъ, опредѣлило, приказъ, который былъ ошибочно отданъ старшинамъ кн. Шаховскимъ, въ отсутствіе мирового посредника г. Левшина, отмѣнить. (Пост. 11 мая, Харьк. губ. вѣд. 9 іюня, 1862 г. № 22.)

Объ увольненіи двор. дѣвицы Крисенковой. Мировой посредникъ 1 участка змѣйскаго уѣзда, г. Гурскій, испрашивалъ разрѣшенія на увольненіе дворовой дѣвицы Аниы Крисенковой за нанесенные ей помѣщицею княгиней Маматовою побои и въ особенности за настойчивое со стороны владѣльщицы

требованіе отъ Кривенковой исполненія полевыхъ работъ. По вопросу, возбужденному въ Екатеринославской губерніи: могутъ ли помѣщики высылать дворовыхъ людей на полевые работы, министръ внутреннихъ дѣлъ, сообщивъ, что, на основаніи ст. 4 прав. о пор. прив. въ дѣйств. полож. и ст. 4 мѣстн. полож. для губ. великор., повор. и бѣлор., издѣльная повинность установлена только за пользованіе землей; посему дворовые могутъ быть употребляемы на полевые работы, на одинаковомъ съ крестьянами основаніи, лишь при отводѣ имъ, съ ихъ на то согласія, надѣла, Губернское присутствіе, принимая во вниманіе, что разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ относительно употребленія дворовыхъ на полевые работы имѣетъ общій характеръ, независимый отъ какой-либо отдѣльной мѣстности, опредѣлилъ принять это разрѣшеніе къ руководству; предположеніе же посредника Гурскаго объ увольненіи дворовой дѣвцы Кривенковой, — утвердить. (Пост. 18 мая, Харьк. губ. вѣд. 1862 г. № 22)

О повѣркѣ уст. грамоты въ имѣніи г. Кадоляскаго. Ахтырскій мировой съѣздъ препроводилъ на усмотрѣніе вступившее къ тамошнему предводителю дворянства ходатайство помѣщика Подольскаго о повѣркѣ уставной грамоты по имѣнію его къмѣ-либо изъ посредниковъ другихъ участковъ, такъ-какъ на мирового посредника своего участка г. Подольскій представилъ въ мировой съѣздъ жалобу, съ тѣмъ, притомъ, чтобы срокъ окончательнаго введенія грамоты былъ опредѣленъ, на основаніи мѣстн. полож., по истеченіи двухъ годичнаго времени.

Въ слѣдъ затѣмъ, мировой съѣздъ препроводилъ въ присутствіе отзывъ мирового посредника 2 участка слѣдующаго содержанія:

«Поручикъ Тимофей Подольскій проситъ устранить меня отъ повѣрки и утвержденія уставной грамоты по его имѣнію, состоящему во ввѣренномъ мнѣ мировомъ участкѣ, указывая причину ту, что онъ имѣетъ со мною личности, и что о томъ занесена отъ него мировому съѣзду жалоба.

Поручикъ Тимофей Подольскій можетъ противъ меня имѣть личныя неудобствія, имѣетъ также полное право подавать жалобы и всякаго рода бумаги куда пожелаетъ, но нѣтъ закона, который бы давалъ право одному произволу владѣльца устранить мирового посредника отъ участія въ дѣлахъ, имѣющихъ интересъ какъ для владѣльца, такъ и для крестьянъ. Мировой посредникъ, нарушившій только законъ, устраняется отъ своей обязанности; а какъ произволъ владѣльца не есть законъ, то на такихъ началахъ не должна быть допущена передача уставныхъ грамотъ для исполненія другому лицу, мимо мѣстнаго мирового посредника.

Признавая изложенный отзывъ мирового посредника 2 участка вполне основательнымъ, губернское присутствіе опредѣлило: въ видахъ сохраненія довѣрія къ мировымъ посредникамъ, г. Подольскому отказать въ его просьбѣ, о чемъ, для объявленія ему, увѣдомить съ возвращеніемъ грамоты ахтырскій мировой съѣздъ, прося оный указать г. Подольскому на незаконность его желанія относительно срока введенія грамоты, ибо, на основаніи 22 ст. прав. о прир. полож. въ исполн., всѣ уставныя грамоты, должны быть окончательно введены въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ съ утвержденія положеній, а не по истеченіи этого времени. (Пост. 29 мая, Харьк. губ. вѣд. 16 июня № 23.)

Объ отказѣ дворовыхъ отъ принятія увольнительныхъ актовъ. Относительно дворовыхъ людей отказывающихся отъ принятія выдаваемыхъ имъ владѣльцами увольнительныхъ актовъ, — постановлено: при отказѣ дворовыхъ людей отъ увольненія, выдавать имъ увольнительные акты чрезъ посредство полиціи,

съ строгимъ внушеніемъ немедленно оставить занимаемыя ими помѣщенія, принадлежащія владѣльцу, и въ тоже время причислять ихъ сообразно указанію 24 ст. пол. объ устр. двор. людей; если же и затѣмъ дворовые вопреки желанію владѣльца, будутъ оствовать у него, то поступить съ ними какъ съ ослушниками закона, (Пос. 16 іюня хар. губ. вѣд. 7 іюля № 26).

ВІСТІ.

ПИСЬМО ИЗЪ-ПО-НАДЪ ДЕСНЫ И СЕЙМУ.

III.

(28 августа 1862 года)

✓ О крестьянскомъ дѣлѣ много говорить теперь нечего: переломъ совершился и оно пошло ходко впередъ. Въ нашихъ мѣстахъ грамотъ введено, быть можетъ, уже на-половину, но это не важно. Крестьяне начинаютъ вѣрить въ принадлежность земель, на которыхъ они поселены, помѣщикамъ, и что слѣдовательно, для пріобрѣтенія этихъ земель, нужно войти въ соглашеніе съ ихъ владѣльцами. Соглашенія теперь слѣдуютъ большею частію, вслѣдъ за введеніемъ грамоты, которыя нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, вводились одною формой, а крестьяне и думать о нихъ не хотѣли. Теперь не то; крестьяне видя, что уставная грамота измѣняетъ положеніе ихъ быта только въ количествѣ дней панщины, стараются совсѣмъ избавиться отъ послѣдней... Соглашенія большею частію оканчиваются выкупными договорами, съ оброка; пятая часть выкупной суммы или дарится помѣщикомъ или разсрочивается на 6—12 лѣтъ. Четвертные надѣлы въ меньшемъ ходу. Да оно можетъ и къ лучшему. Брать четвертной надѣлъ—крестьянамъ выгодно только въ отрубныхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики, волей-неволей, и остальные земли будутъ отдавать для обработки тѣмъ же крестьянамъ. Но въ имѣніяхъ черноземныхъ и черезполосныхъ, особенно въ сосѣдствѣ съ козаками, крестьянамъ выгоднѣе выкупать земли, хотя бы и одни пѣшіе участки. При малоземельи нашихъ козаковъ, они всегда представляютъ сосѣду-пану достаточное количество рабочихъ рукъ; помѣщику же выгоднѣе съ козаками имѣть дѣло, уже и потому, что съ ними легче условливаться насчетъ подводныхъ работъ (у козаковъ достаточно скота), которыми теперь особенно будутъ затруднены помѣ-

щики. Слѣдовательно, въ такихъ имѣніяхъ крестьянамъ большею частію придется и довольствоваться однимъ четвертнымъ надѣломъ, а изъ него можно имѣть только насущный хлѣбъ, никакъ неболѣе... да и то еще при урожаѣ. Словомъ, нельзя не желать для будущаго крестьянскаго благосостоянія, какъ можно болѣе выкупныхъ договоровъ, исполненіе которыхъ хотя и покажется крестьянамъ на первое время затруднительнымъ, но зато обезпечить ихъ будущее. Новый законъ «о распространеніи на издѣльныхъ крестьянъ содѣйствія правительства къ выкупу надѣла,» кажется, поможетъ крестьянамъ, боящимся оброка, устроиться лучше; закономъ этимъ воспользуются очень многіе помѣщики, желающіе поскорѣе раздѣлаться съ обязательными отношеніями крестьянъ; притомъ же, помѣщикамъ нужны теперь деньги для первыхъ обзаведеній по хозяйству, и они думаютъ воспользоваться для этого выкупомъ... По всему кажется, что въ настоящее время нельзя уже опасаться за будущность крестьянскаго дѣла!..

Недавно представилась намъ возможность познакомиться съ волостнымъ устройствомъ временно-обязанныхъ крестьянъ, болѣе чѣмъ по тридцати волостямъ, и вотъ—что мы успѣли замѣтить:

Волости помѣщаются большею частію въ наемныхъ хатахъ, съ платою отъ 10 до 25 р. въ годъ. Изрѣдка только встрѣчаются собственные помѣщенія, но всѣ они устроены при помощи помѣщиковъ. Большинство старшинъ выбрано изъ зажиточныхъ крестьянъ; прочіе выбраны изъ экономическихъ конторщиковъ и писарей, но въ нихъ крестьяне кажется ошиблись; имъ хотѣлось притомъ имѣть старшину грамотнаго, который умѣлъ бы растолковать писанный законъ, а на дѣлѣ вышло, что они сдѣлались хорошими сельскими чиновниками... Попадаютъ старшины хуже еще этихъ—выбранные изъ бывшихъ приказчиковъ, продолжающіе быть таковыми и теперь. Но вообще, выборъ старшинъ, кажется, довольно удаченъ (*); иногда встрѣчаются между

(*) До-сихъ-поръ, старшинъ смѣнено (на основ. 122 ст. общ. Полож.) очень мало; не болѣе, какъ по одному на уѣздъ. Проступки ихъ заключались или въ превышеніи власти, или въ «неспособности», т. е. въ недостаточной распорядительности, при введеніи уставныхъ грамотъ и при взысканіи помѣщичьихъ недоимокъ съ крестьянъ. Превышеніе власти обыкновенно случается отъ незнанія Положенія.

ними такія почтенныя личности, что невольно подумаешь: и этотъ чело-
вѣкъ, полтора года назадъ, гибъ въ крѣпостной зависимости! Почти
вездѣ, старшинамъ назначено жалованье, отъ 40 до 120 р. въ годъ.

Послѣ старшины, самое важное лицо въ волости, разумѣется, пи-
сарь; гдѣ старшина неграмотенъ (а такихъ болѣе двухъ третей,) тамъ пи-
сарь играетъ очень важную роль, особенно, если посредникъ
не вникаетъ въ эти дѣла. Писаря наняты болѣею частію изъ быв-
шихъ козачьихъ, почему и канцелярскіе порядки, введенные въ крестъ-
янскихъ волостяхъ, похожи на тѣ, что и въ волостяхъ вѣдомства го-
сударственныхъ имуществъ. Къ счастью, по положенію, канцелярскій
порядокъ въ крестьянскихъ волостяхъ очень простъ и здѣсь трудно
завести такое многописаніе. Жалованье писаря получаютъ рублями
10, 20-ю болѣе, чѣмъ старшины. О другихъ сельскихъ урядникахъ
говорить нечего; они еще ничѣмъ не выразились и остаются въ тѣни...

Теперь о волостномъ судѣ. Волостному суду, по положенію, дано
важное значеніе и если это учрежденіе разовьется правильнымъ путемъ,
то имъ вполне обезпечено будетъ народное самоуправленіе. Но теперь
трудно сказать—какая его будущность. Положеніе, избавляя волостной
судъ отъ всякихъ постороннихъ вліяній, имѣло въ виду тѣмъ самымъ
дать суду полный просторъ въ дѣйствіяхъ, т. е. положить въ осно-
ваніе его рѣшеній—народные обычаи. Теорія эта въ настоящее время
прилагается къ дѣлу несовсѣмъ—то удовлетворительно; видно, что не-
кому было сначала направить это дѣло. Прочитывая рѣшенія волост-
ныхъ судовъ, нельзя не замѣтить въ нихъ какой-то однообразности,
показывающей, что судьи—какъ рѣшили въ первый разъ дѣло, такъ
рѣшаютъ и всѣ послѣдующія, не принимая во вниманіе разнообразія
тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ совершается преступленіе. Такъ
напр., если судъ какой-нибудь волости назначилъ за преступленіе
розги, то и всѣ другія преступленія наказываетъ розгами же; напи-
сали въ первый разъ: «волостный судъ за такой-то проступокъ при-
судилъ упомянутого NN наказъ розгами, 20-ю ударами, въ чемъ онъ
и остался довольнымъ», то уже то самое наказаніе присуждается и за
послѣдующія преступленія, поступающія на рѣшеніе волостнаго суда.
Какъ наказаніе, розги въ волостныхъ судахъ вообще употребительнѣе,
чѣмъ штрафъ; должно быть, это послѣдствіе крѣпостнаго быта, въ ко-
торомъ розги, какъ наказаніе менѣе сложное, употреблялись почти
безъ исключеній. Штрафы обращаются въ мірской капиталъ, а иногда—
на церковь. Приложеніе народныхъ обычаевъ къ суду встрѣчается до-

вольно рѣдко, но все же встрѣчается; видно, что память народная не утратила ихъ еще, не смотря на крѣпостное право, которое вообще дѣйствовало разрушительно на юридическіе обычаи народа. Но если настоящее состояніе волостныхъ судовъ и не совѣшь удовлетворительно, то нельзя не надѣяться на ихъ хорошее будущее: теперешніе судьи выбраны народомъ почти зря; сказали: «выбирай»—и выбрали; а какъ что и зачѣмъ—народъ почти не понималъ; можно думать, что, въ этомъ году, уразумѣвъ уже дѣло, народъ выберетъ лучшихъ людей, которые поймутъ лучше прежнихъ свое назначеніе. Для образца, какъ разбираются дѣла въ волостныхъ судахъ, выпишемъ здѣсь два ихъ рѣшенія:

1) «1862 г., февраля 11 дня. Временно-обязанная крестьянка Гликерія В. принесла жалобу на зятя своего временно-обязанного крестьянина Григорія Г. за недопущеніе ко владѣнію имѣніемъ, принадлежащимъ ей, доставшимся отъ умершаго мужа ея, заключающемся въ постройкахъ, стойное цѣны 22 р. с. Вслѣдствіе чего волостный судъ, по разслѣдованіи сего дѣла, нашелъ, что такъ какъ жалобщица изъяснила, что она съ зятемъ своимъ Григоріемъ не хочетъ жить, а желаетъ перейти на жительство къ старшей дочери Евфимѣ К., то имѣніе это чтобы раздѣлить на четыре части, изъ коихъ отдать одну часть жалобщицѣ; вторую—сыну отвѣтчика С., т. е. внуку жалобщицы; третью и четвертую—дочерямъ Матронѣ—калкѣ и Маринѣ, находящейся въ замужествѣ за временно-обязаннымъ крестьяниномъ Петромъ Б. Какъ же отвѣтчикъ согласился остаться въ томъ имѣніи житьствовать и принять на свое попеченіе прописанную калку Матрону, а прочимъ какъ-то: жалобщицѣ Гликеріи В. и дочери ея Маринѣ В. уплатить за половину того имѣнія 11 р. с., то поэтому волостной судъ приговорили: прописанныя 11 р. с. взыскать съ Григорія Г. и раздѣлить на Гликерію В. и дочь ее Марину Б. по равной части и приговоръ этотъ зачислить конченнымъ.»

2) «1862 г., мая 6 дня. Въ Щ. волостное правленіе занесена была жалоба временно-обязаннымъ крестьяниномъ Пантелеймономъ В., на вр.-кр. Михайла В. въ чемъ сія жалоба заключается: Михайлъ В., за неимѣніемъ дѣтей, по добровольному соглашенію, уступилъ все свое движимое имѣніе, избу и другія постройки, находящіяся на жилищѣ грунтѣ, также усадебную и полевую землю, родственнымъ своему Пантелеймону В., который обязался за нее по уставной грамотѣ или отбывать издѣльную повинность въ пользу помѣщика или платить оброкъ,

съ тѣмъ условіемъ, чтобы вышепрописанный Пантелеймонъ В. кормилъ до смерти, а въ случаѣ смерти Михайла В. похоронилъ бы христіанскимъ обрядомъ. Велѣдствіе этого установлено было условіе настоящаго года, 8 января, подписанное Михайломъ В. при 3-хъ свидѣтеляхъ и засвидѣтельствовано Щ. волостнымъ правленіемъ и такимъ образомъ Пантелеймонъ В., который находился на степу помѣщика сторожемъ и получалъ рублей до 40 ежегодно пользы, перешелъ въ то же время къ Михайлу В., гдѣ и жилъ до сего времени спокойно. Однако Михайлъ В. по совѣту жены своей и также подстрекаемый со стороны другихъ, несмотря на уступку подписанную имъ самимъ добровольно, рѣшился нарушить условіе, а потому старался, дабы какимъ-нибудь случаемъ заставить удалиться изъ избы и также изъ грунта Пантелеймона В., который, претерпѣвая неоднократно дерзкіе поступки и непріятности со стороны Михайла В., рѣшился оставить его совѣмъ, безъ всякаго вознагражденія и притомъ претерпѣвши значительные убытки. А посему въ волостномъ судѣ Щ.—аго волостнаго правленія приговорено: такъ-какъ Михайлъ В. нарушилъ условіе, данное добровольно Пантелеймону В., а потому взыскать съ него штрафъ 15 р. въ пользу послѣдняго».

Кромѣ *книги приговоровъ* волостнаго суда, мы останавливались еще не разъ надъ *«книгой договоровъ и сдѣлокъ»*, заключаемыхъ крестьянами какъ между собою, такъ и съ лицами другихъ сословій. Въ этихъ книгахъ обращаютъ на себя вниманіе собственно крестьянскія сдѣлки, изъ которыхъ лучше можно познаться съ юридическимъ бытомъ народа, чѣмъ изъ самыхъ рѣшеній волостнаго суда. Посредники принесли бы большую пользу народоизученію, если бы печатали, хоть въ губернскихъ вѣдомостяхъ, тѣ изъ этихъ сдѣлокъ, основаніемъ которыхъ служили юридическіе обычаи народа. Вотъ одна изъ нихъ: «1861 г., октября 2 дня. Временно-обязанный крестьянинъ Василій С. и жена его Анна, Касьянъ О. и жена его Параскевія заключили миролюбное условіе въ томъ, что С.—ны, не имѣя у себя родныхъ дѣтей, съ добраго ихъ согласія, безъ всякаго отъ кого-либо принужденія, приняли О.—хъ въ усыновленіе съ тѣмъ, чтобы сіи послѣдніе, распоряжая имуществомъ первыхъ и хозяйствомъ, прирѣвали

въ старости и болѣзни до смерти, а послѣ смерти, похоронили ихъ христіанскимъ обрядомъ и за сіе все С—ы вручили О—мъ все свое движимое и недвижимое имѣніе и имущество, такъ какъ—бы роднымъ своимъ дѣтямъ, въ вѣчное и потомственное владѣніе; въ замѣнъ чего О—ы должны С—хъ почитать и уважать, какъ родные дѣти своихъ родителей. Если же кто изъ нихъ поступитъ въ противность настоящаго условія, то долженъ отвѣчать по силѣ законовъ и никто изъ нихъ не долженъ другого обижать и притѣснять всѣхъ находящихся со стороны С—хъ родственниковъ. Они, С—ы, отъ всего вручаемаго ими О—мъ имѣнія и имущества совершенно устраняютъ и никому никакого права касаться и тѣмъ дѣлать теперь и по смерти ихъ помѣху О—мъ во владѣніи и распоряженіи не оставляютъ и все таковое право свое *вливаютъ* (*) О—мъ. Но если со стороны сихъ послѣднихъ произойдетъ что—либо противное сему обязательному для насъ условію, то виновные должны отвѣтствовать по закону и по примѣру тому, какъ подвергаются отвѣтственности родные дѣти, виновные противъ своихъ родителей. Но во всякомъ случаѣ они, О—ы, не лишаются нисколько права на наслѣдство вручаемымъ ими С—ыми имѣніемъ и имуществомъ».

У насъ теперь, какъ извѣстно, кромѣ крестьянскаго дѣла, совершается другое тоже не послѣдней важности—межевое. Малороссія, такъ долго ждавшая межеванія, наконецъ, благодаря тому же крестьянскому дѣлу, дождалась его—и вотъ уже болѣе 3—хъ лѣтъ идетъ оно... довольно медленно. Гдѣ причины этой медленности,—мы сказать не умѣемъ. Люди, болѣе насъ знающіе, видятъ причину медленности въ неудачномъ выборѣ межевыхъ дѣателей. Особенно какъ—то не удаются уѣздные; нѣкоторые свѣдѣнія о послѣднихъ уже извѣстны читателямъ *Основы*; къ нимъ можно бы присоединить еще не мало, потому—что то и дѣло приходится слышать разные *межевые* анекдоты. Недавно еще, говорятъ, одинъ изъ этихъ дѣателей, пріѣхавъ въ межевую комиссію—«подписать журналы», вмѣсто межевыхъ,

(*) Употребленіе этого слова—здѣсь очень замѣчательно; оно указываетъ на связь этого обычая усыновлять съ *уличными* правами, извѣстными по Украинѣ со времени Литовскаго Статута.

подмахнул журналы оспеннаго или какого-то другаго комитета, случившіеся тутъ же (межевая канцелярія помѣщалась вмѣстѣ съ предводительской) и тѣмъ задалъ не малую работу писцамъ послѣдней... Какимъ образомъ попадали подобные люди въ члены межевыхъ комиссій? спрашиваешь иногда у выбравшихъ. Иначе быть не можетъ, отвѣчаютъ, потому что наши выборы основаны на интригахъ,—особенно выборы въ должности, подобныя межевымъ: жалованье большое, а дѣла можно совѣмъ не дѣлать... Обыкновенно передъ выборомъ, сильнѣйшая партія сговаривается—кого и кого нужно выбрать; назначаются или люди дѣйствительно могущіе дѣло дѣлать или же—сильные міра сего, смотря по взгляду на вещи предводителя партіи. Открываются выборы,—сначала и пускаютъ *назначенныхъ*; но тутъ обыкновенно случается, что всѣ они прокачиваются *на вороныхъ*: всякій самъ себѣ не врагъ, видя въ послѣднемъ, хоть микроскопическій, но все же лишній шансъ къ тому, что быть можетъ онъ самъ попадетъ въ эту должность... Когда большинство прокатать на вороныхъ, тогда поневолѣ уже и случается, что на бѣлыхъ выѣзжаютъ разные уже инвалиды, остающіеся подъ конецъ, и часто совѣмъ не гадающіе о такомъ благополучіи. Мѣсяца три назадъ еще избранъ членомъ въ межевую комиссію дворянинъ, бывшій передъ тѣмъ писмоводителемъ становаго пристава; должность эта лучше всего объясняетъ положеніе его въ уѣздномъ обществѣ...

На-дняхъ во всѣхъ уѣздахъ нашего околodka назначены были уѣздныя дворянскія собранія для обсужденія вопроса: не уменьшить ли жалованья межевымъ членамъ, какъ палаты, такъ и комиссій. Предсѣдатели межевыхъ комиссій у насъ почти все—предводители; говорить объ уменьшеніи ихъ жалованья—дѣло щекотливое для уѣздной братіи... Вездѣ опасались, что разсужденія эти кончатся ничѣмъ. Помогли богатые землевладѣльцы, которымъ нечего бояться, владѣя тысячами десятинъ; съ полнымъ присутствіемъ духа, они произнесли, что межевое жалованье—не въ коня кормъ. Дѣйствительно, судя по работѣ членовъ межевыхъ комиссій, они получаютъ много: председатель—1500 р. и прогоны, а члены по 1200. Жалованье это тѣмъ болѣе чувствительно, что въ то же время идетъ сборъ и на мировыя учрежденія. Конечно, если бы дѣло дѣлалось какъ слѣдуетъ, то этихъ денегъ нечего было бы жалѣть, имѣя въ виду скорѣйшее размежеваніе; но, при настоящемъ его положеніи, когда люди свѣдущіе увѣряютъ, что межеваніе въ каждомъ уѣздѣ продолжится не менѣе 15-ти

лѣтъ, то лучше платить какъ можно меньше... Возгласы богачей-смѣльчаковъ увлекли и меньшую братію: сгоряча и они стали кричать что много, много!—нужно уменьшить! Почти вездѣ положено было уменьшить жалованье, какъ уѣзднымъ, такъ и губерскимъ межевымъ членамъ. Въ одномъ уѣздѣ рвеніе требовавшихъ уменьшенія, простерлось до того, что председателю назначили 525, а членамъ—по 360 р. Каковъ будетъ окончательный результатъ этихъ преній, еще неизвѣстно; онъ рѣшится въ губерніи, на основаніи большинства. Во всякомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что межевыя должности перестанутъ быть лакомыми кусочками, а это, быть можетъ, поведетъ къ тому, что современемъ ихъ займутъ люди лучшіе, которые возьмутъ на себя работу для дѣла, а не для денегъ. А такіе люди, хоть ихъ и не много, все же есть у насъ; по соображаясь съ обстоятельствами, они стараются теперь держаться подальше, чтобъ напрасно и словъ не тратить...

Но что же представляетъ межеваніе, изъ-за котораго мы такъ бьемся, въ будущемъ?—Много выгодъ—крупнымъ собственникамъ и никакихъ—мелкимъ. Представимъ себѣ межеваніе фактомъ совершившимся и увидимъ, что тѣ землевладѣльцы, у которыхъ менѣе 50-ти дес., получаютъ ее, какъ извѣстно, въ прежнихъ 3-хъ смѣнахъ, которыя, сравнительно съ настоящимъ, уменьшатся на все количество земли, которая отойдетъ отрубными кусками землевладѣльцамъ, имѣющимъ болѣе 50-ти десятинъ. Слѣдовательно, *толока* (паръ) уменьшится значительно, а съ уменьшеніемъ ея должно уменьшиться и скотоводство мелкихъ собственниковъ, дворянъ, козаковъ и крестьянъ—собственниковъ, число которыхъ растетъ со дня на день. Вотъ первый, неоспоримый результатъ въ будущемъ. Богатствомъ земель наши козаки, какъ извѣстно, похвалиться не могутъ: большая часть изъ нихъ владѣтъ отъ 3 до 7 дес. на дворъ; а не мало есть и совсѣмъ безземельныхъ. Въ настоящее время пользуясь чрезполосицей и—результатомъ ея—значительной *толокою*, козаки имѣютъ возможность держать достаточное количество скота, который даетъ имъ возможность пахать сосѣдскія земли *съ-половины* (*). Размежеваніе отниметъ у нихъ эту возможность и они должны будутъ обѣднѣть еще болѣе...

(*) У насъ очень часто можно встрѣтить безземельныхъ козаковъ, имѣющихъ паръ по пяти воловъ, да по десятку и болѣе лошадей. Кромѣ *спольничества*, они занимаются еще извозомъ и живутъ теперь безбѣдно.

На это возразятъ намъ, что нельзя же не признать настоящее пользование такихъ козаковъ толокой—за пользованіе чужимъ! Да, это справедливо, какъ справедливо и то, что существовавшіе встарину, почти у каждаго села, общіе выгоны, въ настоящее время почему-то обратились въ левады и дѣлки тѣхъ, которые съ размежеваніемъ получаютъ очень много выгодъ. Кто виноватъ? возразятъ намъ опять. Не разберешь, кто виноватъ; извѣстно, сила солому ломить.

Утѣшаютъ мелкихъ собственниковъ тѣмъ, что размежеваніе дастъ средство покончить наконецъ съ трехпольнымъ хозяйствомъ и замѣнить его другимъ, болѣе современнымъ. Но и эта надежда слабѣетъ, какъ посмотришь, что многіе крупные собственники, десятки лѣтъ уже пользующіеся отрубными дачами, и не заикнулись до сихъ поръ о замѣнѣ трехпольнаго хозяйства какимъ-либо другимъ. А кому же и начинать, какъ не имъ?.. Конечно, то было время, а теперь другое, заставляющее поневолѣ думать объ изысканіи новыхъ источниковъ для доходовъ. Но и при этомъ нужно ожидать скорой перемѣны въ нашемъ хозяйствѣ; сколько ни приходится слышать о томъ, что думаютъ дѣлать въ будущемъ наши богатые паны, всѣ преднамѣренія ихъ сводятся болѣе къ тому, чтобы увеличить табачныя плантаціи, да уничтожить овцеводство; другіе думаютъ о торговлѣ скотомъ. Объ агрономическихъ реформахъ никто и не думаетъ, слѣдовательно—*поки сонце зійде, роса бѣи вѣість...*

ИЗЪ ЛУБЕНСКАГО УѢЗДА (Полтавской губ.)

(21 августа 1862).

Не могу не выразить сожалѣнія, что нѣкоторые землевладѣльцы до-сихъ-поръ еще не пришли къ ясному сознанію человѣческихъ правъ бывшихъ своихъ крѣпостныхъ, а нынѣ—временно—обязанныхъ крестьянъ; между этими двумя сословіями всё еще стоитъ стѣна непререборимая:—это духъ панства и высокомерія однихъ и духъ недовѣрія и неразвитости другихъ; одни требуютъ рабской покорности и труда за ничтожную плату,—другіе желаютъ мгновенно обогатиться, соединяя

съ понятіємъ о свободѣ, удобства жизни; оба сословія питають одно къ другому недовѣріе. Въ этомъ году большая часть земель Лубенскаго уѣзда была отдана землевладѣльцами въ обработку козакамъ, а въ Миргородскомъ уѣздѣ многія земли обработаны по найму квартирующими тамъ войсками, такъ-что предстоящая зима теперь, кажется, будетъ не очень благопріятна для временно-обязанныхъ крестьянъ. При этомъ весьма дѣйствуетъ на хозяйственный и семейный бытъ, на здоровье и нравственность крестьянъ—горілка. Въ Малороссіи чувствуется теперь особенная, настоятельная потребность въ чѣмъ-либо нравственномъ вліяніи, направленномъ противъ пьянства. Г. Ге, въ превосходныхъ своихъ замѣткахъ (*Основа*, 1862 г.), чрезвычайно вѣрно выяснилъ, какимъ образомъ овладѣлъ нашимъ народомъ этотъ порокъ, сопровождающій каждое замѣчательное явленіе его повседневной жизни и, въ-особенности, тѣ, при коихъ присутствуетъ священникъ; напри-мѣръ—крестины, поминки, свадьбу... Поэтому, не естественнѣе ли, не удобнѣе ли всего духовнымъ сдѣлаться апостолами трезвости? До-сихъ-поръ мѣшала откупъ, а съ будущаго года—кто же помѣшаетъ? Вотъ тема для разработки въ нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ...

Съ перемѣною быта крестьянъ, здѣсь очень медленно улучшается хозяйство; обработка земли и прежде стоила очень дорого, а теперь, при наемномъ работникѣ, она еще дороже, такъ-что только при цѣнѣ за пудъ зерноваго хлѣба 50 коп. ср. вознаграждался бы трудъ земледѣльца. Земля обрабатывается, въ Лубенскомъ уѣздѣ, плугами, требующими упряжки каждый по три пары воловъ; не говоря уже о дороговизнѣ этой обработки, она не достигаетъ своей цѣли:—земля остается мало разрыхленною, ибо плугъ разбрасываетъ землю грудами, но не размельчаетъ ее и посѣянное зерно остается подъ вліяніемъ солнца и вѣтра; корень, при этихъ условіяхъ, не получаетъ той сочности и силы, какую бы могла дать здѣшняя почва при другой обработкѣ.

Въ Миргородскомъ уѣздѣ, въ Камышенской экономіи, дѣйствительный членъ общества сельскаго хозяйства, Иванъ Федоровичъ Зоринъ ввелъ обработку земли сохами; сначала мѣстнымъ крестьянамъ показалось это нововведеніе страннымъ, но опытный сельскій хозяинъ переселилъ нѣсколькихъ великорусскихъ землепашцевъ въ Камышну для обученія тамошнихъ крестьянъ великорусскому хозяйству, и соха такъ понравилась, что камышенцы стали забывать уже о плугѣ. Польза обработки камышенскихъ земель сохою оказалась въ томъ, что раз-

рыхленная земля лучше покрывала зерно, а это способствует урожаю; притомъ, на одинакое количество земли и времени—вмѣсто 6 воловъ употребляли, при сохѣ, одного только вола, слѣдовательно такая обработка значительно дешевле плуговой.

Въ той же Камышенской экономіи постоянно вводятся работы машинами; изъ нихъ грабельная и молотильная изобрѣтены самимъ г. Зоринымъ. Въ камышенской сушильнѣ устроена печь, могущая отопить огромное зданіе самымъ незначительнымъ количествомъ топлива; это изобрѣтеніе, тоже принадлежащее г. Зорину, обратило на себя вниманіе специалистовъ, но, до полученія изобрѣтателемъ привилегіи, остается для большинства недоступнымъ. Земля Малороссіи обильна и богата, да хозяйство въ ней плохо идетъ, и потому надобно желать, чтобы чаще и чаще появлялись въ ней люди, подобные г. Зорину.

Изъ заводовъ обращаетъ на себя вниманіе, по качеству выдѣлки, кожевенное заведеніе въ селѣ Березоточѣ, Лубенскаго уѣзда, въ экономіи Петра Васильевича Лейбина; кожи у насъ, въ городахъ, довольно плохо обрабатываются, несмотря на большую въ нихъ потребность; этотъ товаръ на нашихъ ярмаркахъ не залеживается, и усовершенствованіе кожевеннаго дѣла принесло бы существенную пользу краю. Но грустно подумать, что еще долго винокуренные заводы будутъ поглощать капиталы, которые могли бы послужить развитію другой промышленности, гораздо болѣе полезной для народнаго благосостоянія.

Василій Шевичъ.

ИЗЪ ГОРОДНЕЦКАГО УѢЗДА (Черн. губ.).

(25 іюля 1862).

Еще и до-сихъ-поръ наши селяне не покончили съ полемъ; значитъ, и жизнь ихъ все еще исполнена полевыхъ трудовъ, описывать которые—говорить о вещахъ общезвѣстныхъ. Лучше пусть будетъ предметомъ моего настоящаго письма *городнецкое нарѣчіе*. Но прежде всего, я долженъ опредѣлить то мѣсто (или отдѣлъ), которое оно занимаетъ въ ряду нарѣчій Черниг. губерніи вообще. Для этого скажу кратко, въ общихъ чертахъ, и вообще о нарѣчіяхъ Черн. гу-

берній. Это тѣмъ болѣе необходимо, что и о нихъ не составилось еще опредѣленнаго мнѣнія.

По языку, жители Черн. губ. раздѣляются на три нарѣчія: степовое (украинское), переходное и бѣлорусское (литовское). Причины такого раздѣленія лежатъ и въ исторіи, и въ географическихъ особенностяхъ губерніи. Оставляя историческія причины, напомнимъ про ту географическую особенность Черн. губерніи, что она, относительно распределенія лѣса, раздѣляется на *лѣсистую часть* (сѣверъ губерніи), *переходную* (середина губ.) и *безлѣсную* (югъ). Этотъ-то тройственный характеръ природы Черн. губ. имѣлъ вліяніе на засѣвшія въ ней племена... Самый сѣверъ губерніи (уѣзды Сураж., Мглин., Стародуб. и Новозыбковскій) заняли Бѣлоруссы, извѣстные у жителей другихъ уѣздовъ губерніи подъ именемъ *литвиновъ, сѣверянъ, полісцівъ (падзеяунъ, ліцвінъ* въ укоротительномъ смыслѣ). Югъ губерніи (Нѣж., Борзен., Конотоп., Кролевец. и Козелецкій уѣзды) населенъ Украинцами (степовиками). Во всѣхъ остальныхъ уѣздахъ (Городищенкомъ, Черниг., Сосниц., Новгородсѣверск. и Остерскомъ) нарѣчіе отличное и отъ бѣлорусскаго, и отъ украинскаго. Его можно назвать *переходнымъ* отъ одного къ другому. Жителей этой полосы степовики называютъ *перевертнями*. Выраженіе характеристичное, потому что говоръ переходной полосы Черн. губ. есть не что иное, какъ перевернутый украинскій языкъ, иначе—его нарѣчіе, провинциализмъ. Это видѣе всего будетъ изъ самаго изложенія его особенностей,—къ чему я прямо и перехожу (*).

Главная особенность переходнаго говора—это замѣна украинскаго *о* (безъ ударенія) на *а*; такъ моя будетъ *мая*; сторожа—*старожа*; по дорогѣ—*на дарозі* и т. д. Эта особенность переходнаго говора сближаетъ его съ велико-и бѣло-русскими языками. Украинскій звукъ *і* (съ удареніемъ) замѣняется звукомъ *у* или *ю*; такъ кінъ—*кунь*; тѣтка—*тютка* и т. д. На этомъ основаніи и при склоненіи словъ замѣчаются слѣдующія измѣненія: творит. п. ед. числа вмѣсто *омъ* будетъ *амъ*. При этомъ замѣчу, что дат. ед. никогда не имѣетъ *ові*, но

(*) Я долженъ оговориться, что при распределеніи границъ говоровъ по уѣздамъ, происходитъ неточность; напр. въ сѣверной части Козелецк. уѣзда говоръ переходной, въ южной же степовой. Но иначе я не могъ поступить: я бралъ преобладающій говоръ въ уѣздѣ, и причислялъ его то къ тому, то къ другому. Ошибка будетъ невелика. Опредѣлить же естественныя границы говоровъ—не въ моей силѣ.

всегда *у*—*чоловіку*, а не *чоловікові*. Род. множ. ч. вмѣсто *івъ* имѣтъ *увъ* или *ювъ*, смотря по тому, требуетъ ли благозвучіе смягченія согласной. Дат. множ. вмѣсто *амъ*, *ямъ*—*умъ*, *юмъ*; напр. *серпувъ*, *канювъ*, *серпумъ*, *канюмъ*. Нѣкоторые слова, какъ *жаба*, *птица*, имѣють род. множ. на *авъ*—*жабавъ*, *птицавъ*. Что же касается до другихъ падежей, то они измѣняются по тѣмъ же правиламъ, какъ и въ украинскомъ яз.; такъ предл. пад. ед. ч. въ словахъ муж. рода оканчивается на *у*, а въ женскомъ и среднемъ на *і*—о талану, о небі, обѣ окні и т. д. Полнозвучіе тоже соблюдается вполнѣ, такъ *дегати* и въ косвенныхъ падежахъ удерживаетъ *а*—*дѣгатию*; *лобъ*—*лоба*, *левъ*—*лева* и мн. др.

Существительныя, кончащіяся, въ украинскомъ, на *я*, въ переходномъ нарѣчій имѣють *е*, также и тѣ, которые имѣють передъ *я* удвоенную согласную; напр. доля будетъ *доле*, прохання—*праханне*. Вообще звукъ *я* безъ ударенія произносится какъ *е*; поэтому *екі*, а не *яки*, *ерині*, а не *ярина* и т. д.

Прилагат. имена, какъ въ ед., такъ и въ мн. числѣ, никогда не употребляются съ полнымъ окончаніемъ; кромѣ того, украинское мягкое *і* во множ. числѣ, въ переходномъ говорѣ, неизвѣстно; такъ: *чорни*, *чорна*, *чорне* и множ. ч. *чорни*, (а не *чорні*) и т. д.

Неопред. накл. глаголовъ всегда оканчивается на *ть*, а на *ти* только въ пѣсняхъ (и тогда выговаривается за *ті*) и въ тѣхъ глаголахъ, которые передъ *т* имѣють согласную; напр., *тегті*, *текті*. Возвратн. глаголы имѣють *це* (*се*), поэтому мѣст. *це* (*се* употребляется только въ 3-мъ лицѣ прош. врем.) употребляется во всѣхъ временахъ; такъ: *вунъ плачетце*, *плакавсе*. На основаніи кореннаго отличія переходнаго говора, тѣ глаголы, которые въ какомъ либо времени имѣють звукъ *і*, перемѣняютъ его на *ю*, утікъ—*утюкъ*, *стіюгъ* (?) и т. д. Въ переходномъ говорѣ не уцѣлѣла старославянская форма будущ. времени; поэтому не говорятъ *казатиму*, но *буду казати*. Вмѣстѣ съ глаголомъ *сѣвати* употребляется и *пѣти*; этотъ послѣдній употребляется въ настоящ. времени такъ: *пѣю*, *пѣшиш*, *пѣе*, *пѣемо*, *пѣють*...

Вмѣсто частицы *чи* употребляютъ *ті*; напр., *ті ти*, *ті я*, а не *чи ти*, *чи я*. Послѣ частицы *ні* передъ мѣстоим. одинъ вставляется для благозвучія не *ж*, а *г*—*ні годного*, а не *ні жодного*. Предлогъ *від* замѣняется предлогомъ *од* (ад. ат).

Въ—заключеніе, предлагаю нѣсколько словъ, которые отличаются

отъ українськихъ: вмѣсто биття говорять *буйка*, била—*ле*, білшъ—*бўлей*; вищати—*верещать*, волосся—*кóсы*, відсіль—*атицулѧ*, вії—*віки*; гойдатись—*калихатьце на арєлі*; драглїти—*дригитѣ*, дукать—*мичманѣ*; звітки—*аткулѧ*, згага (сжого)—*печея*, зненацька—*знѣтельки*; кадїбъ—*кадовба*; курча—*пилєня* (отъ зова: пили, пили!) *циплєня*, комїрь—*кавнїрь*, курникати—*курнявкать*, кваша—*кулѧга*; лаштунки (лѣси)—*риштованне*, лущина—*шалунѧйка*; натравка—*пѧновка*; обдїма жївїть—*пўшитѣ жївуть*, одягнутись—*напрєнўтьце*, ополонка—*пѣлька*; паслїнь—*пїсклюнѣ*, покволомъ—*спракволя*, разокъ—*разóра*, разокъ намиста—*стѧлка*; станокъ полотна—*свўй* (отъ свивать), сумирний—*рахманни*; щїлина—*шкарлўбина*. Вотъ еще нѣсколько словъ, которыхъ я не встрѣчалъ въ украин. языкѣ: *батовать*—наложитъ много, *гайнó*—подстилка соломы для скота, *зачўпнасть*—родство по свойству, *манїжить*—сильно утомить; *натеребўтьце*—нажраться, *пѧздерить*—лущить, бить; *плужить*—идти въ руку (ѣму *въ усѣму плужить*), *пѧцатѣ*—образецъ (одного поцату), *цавьѣ*—стебель у растенія (но не дерева) и мн. др.

Изъ сказаннаго видно, какое мѣсто занимаетъ переходное нарѣчіе и въ ряду безчисленныхъ нарѣчій русскаго государства: оно ни больше, ни меньше какъ провинциализмъ украинскаго языка. Я съ дѣлюю говорилъ объ немъ такъ подробно: описывая его, я вмѣстѣ и разрѣшалъ вопросъ,—на какомъ языкѣ нужно учить жителей переходной полосы Черн. губерніи? Полагаю на томъ, который ближе, т. е. украинскомъ.

Многіе признали справедливость той истины, что народъ непременно нужно учить на его природномъ языкѣ. Къ—сожалѣнію, эта истина на дѣлѣ не приводится въ исполненіе. Вотъ, напримѣръ, и у насъ въ Черниг. губ. почти въ каждомъ приходѣ причетники учатъ грамотѣ, но ни въ одномъ приходѣ не учатъ на народномъ языкѣ. Въ оправданіе нельзя сказать, что житель переходной полосы не понимаетъ украинскаго языка. Всякому на опытѣ легко удостовѣриться, что онъ очень хорошо понимаетъ украинскія книги, и даже сразу отличаетъ, на какомъ языкѣ онѣ написаны. »Це—говорять—по степови«... И понятно:—житель переходной полосы во многомъ близокъ со степовикомъ, и находится съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ: онъ каждый годъ ходитъ съ горшками на степъ за хлѣбомъ, каждую ярмарку видитъ чумаковъ съ таранью и солью... И я вполне увѣренъ, что грамотность у насъ до тѣхъ поръ будетъ *плестись ракомъ*, пока мы не станемъ

учить народъ на его нарѣчїи, или ближайшемъ языкѣ. При теперешнемъ своемъ устройствѣ наши сельскія школы не достигаютъ своей цѣли, и грамотность идетъ медленно. Я даже почти убѣжденъ, что въ этомъ году будетъ въ школахъ меньше учениковъ: народъ сталъ думать, что изъ теперешняго обученія не будетъ пользы. Грустно, что эти школы при первомъ появленіи уже внушили къ себѣ недовѣрчивость, но нельзя и народъ обвинять: крупныя причины породили эту недовѣрчивость. Старая система обученія, нерадѣніе наставниковъ и часто злоупотребленіе своею властью: нѣкоторые наставники изъ учениковъ дѣлали себѣ слугъ исполнявшихъ для нихъ всѣ работы. У насъ въ городн. уѣздѣ, у одного наставника ученики даже каждую недѣлю *мыли конюшню*... Жаль вѣдь, что бѣды нечѣмъ и поправить! Гдѣ взять другихъ наставниковъ? Наше панство, живущее по селамъ, и до сихъ—портъ считаетъ для себя неприличнымъ помогать народному образованію (*). А между прочимъ оно могло бы дать и средства и учителей. Не говоря о тѣхъ господахъ, которымъ названіе *коптители небесъ*, скажу, что у насъ, по селамъ, очень много дѣвицъ, ровно ничего не дѣлающихъ,—а какую бы громадную пользу онѣ принесли, еслибъ взялись за учительское дѣло... къ тому же онѣ во всякомъ случаѣ образованіе теперешнихъ наставниковъ народа, и поэтому могли бы повести народное образованіе съ большимъ успѣхомъ... Стыдно и безнравственно—у кого есть силы и средства помогать народной нуждѣ, сидѣть лежа руки. Многія, пожалуй, боятся мелочныхъ придирокъ:—ведите свое дѣло безъ всякихъ заднихъ и дальнихъ видовъ, учите просто одной грамотѣ, и къ вамъ никто не придерется. Считаете неприличнымъ или неудобнымъ ходить въ сельскую школу, собирайте къ себѣ на домъ: отцы пошлютъ куда хотите своихъ дѣтей:—вы знаете, какъ сильно развита между ними потребность учить дѣтей своихъ грамотѣ. Но не возьмется нашимъ панночкамъ—бѣлоручкамъ за это благородное дѣло! а народу придется еще долго ждать для своихъ дѣтей хорошихъ учителей (по—крайней—мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока у насъ не устроятъ заведеній для приготовления народныхъ учителей). Положимъ, вотъ къ осени, у насъ, въ городнецк. уѣздѣ, будетъ выстроено и открыто до пяти волостей временно—обязанныхъ крестьянъ; при нихъ будутъ открыты и

(*) Я знаю одинъ только утѣшительный примѣръ въ Чернигон. уѣздѣ, гдѣ генеральскія дочери учатъ у себя въ домѣ до 13 мальчиковъ и при томъ учатъ по-украински.

училища; предполагають, что учить въ нихъ будутъ волостные писаря. Но извѣстно, что это за волостные писаря: полуграмотные мѣщане или козаки, получившіе образованіе въ извѣстныхъ волостныхъ училищахъ... Плохая надежда!.. по-крайности, у насъ не очень-то хорошо показали себя теперешніе писаря: то люди извѣстной нравственности, то безграмотные... Нашлись бы дворяне, воспитанники университетовъ, но они стѣснены тѣмъ постановленіемъ, что получившему высшее образованіе нельзя быть волостнымъ писаремъ... И эти, хорошо устроенныя, волости будутъ удовлетворять только двумъ своимъ назначеніямъ: быть помѣщеніемъ для волостныхъ сходовъ и квартирою для пріѣзжающихъ чиновниковъ; третье же ихъ назначеніе—помѣщеніе сельской школы—останется не выполненнымъ, а если и выполнится, то—какъ будутъ учить теперешніе писаря—заранѣе можно угадать...

Леся—ій.

СВѢДѢНІЕ О ОБУЧЕНІИ КОЗАЧИХЪ ДѢТЕЙ ГРАМОТѢ И ЭКЗЕРЦИЦІИ ВЪ ГАДЯЧСКОМЪ ПОЛКУ.

(Изъ Гадячскаго полковаго архива).

Изъ отмѣтокъ въ вѣдомостяхъ 1784 года, видно, что одни изъ козацкихъ дѣтей обучались военной экзерциціи, грамотѣ и письму, другіе учили въ псалтыри такую-то,—напримѣръ, *первую-надесять*,—канонему, въ часословцѣ, напримѣръ, утреню; твердили часословецъ; учили въ часословцѣ вечерню; твердили псалтырь, граматку; иные обучались одной экзерциціи.

Изъ 91 души 2-й сотни учились грамотѣ 42, отъ 8 до 16 лѣтъ, и письму, отъ 11 до 19; экзерциціи 49, отъ 19 до 25 лѣтъ.

Вѣдомости объ этихъ дѣтяхъ посылались ежемѣсячно въ полковую канцелярію.

С. Мітла.

ПОПРАВКА.

Въ статьѣ — *Историческая Неправда и Западно-Россійскій Патріотизмъ* (юльская книжка 1862 г.) замѣчены авторомъ слѣдующія невѣрности: вмѣсто словъ — «Польша была самою вѣротерпимою и гуманною странюю въ мірѣ,» — напечатано: «Польша была вѣротерпимою и гуманною странюю.» Сверхъ того, въ началѣ статьи г. Костомарова: *О преподаваніи на южнорусскомъ языкѣ* (юньская книжка) вставлено имя Марка Вовчка, о которомъ вовсе не упоминается въ рукописи автора.

ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ.»

XXXIX. *Молодиця* изъ мѣстечка Ичиѣ, Черниговской губ. Борзенскаго уѣзда. Платокъ на головѣ пунцовый; воротникъ — золотой парчи, съ малиновыми разводами; нарукавники — тоже; *у́сы* — тоже парчевые; *чоботы* — красные, на коркахъ.

XXXX. Внутренность хаты въ одной изъ Черноморскихъ станицъ; рисовано съ натуры и гравировано А. Е. Бейдеманомъ.

Л. Ж.

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 8-й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Бабки — бабочки.
Багнѹка — болото, грязь.
Балакѹчий — говорливый.
Безрѹда — безродный.
Бѣзперечь — раз-по-разъ; безпре-
 станно.
Бѣзсоромітно — безстыдно.
Бѣлебень — возвышенное мѣсто; пло-
 щадь; жить на бѣлебні — значить жить
 на концѣ хутора, или села.
Бованіти — видѣться въ неопредѣ-
 ленныхъ формахъ.
Брузумѣть — позумѣть.

Варуватись — медлить.
Вбитця въ коло дочки — операть-
 ся.
Вибувати — выходить; освобождать-
 ся.
Вилуштити — (перен.) — поколотить
 кого.
Вірва — у три вірви (въ-зашей)
 гнать кого — вервие (?)
Вітки? — откуда.
Влешати — уговаривать, поддѣлы-
 ваясь къ кому.
Вовтузигись — возиться.
Волѹття — колосся.
Въ-пріймахъ (жить); въ-прій-
 ми взять, — (жить) приемышемъ; (взять)
 въ приемыши.
Втрапити — потрафить, понасть.
Ватір — атерь.

Ганити — хаять, хулить.
Гінкий, — тонкій, гнучкой.
Глинисе — мѣсто въ рѣкѣ, откуда
 берутъ рыбу.
Глодь, або глѣдь — небольшой ку-
 старникъ на которомъ растутъ красныя
 ягоды съ косточками.
Гля — для.

Гѹспідъ — Господь.
Гойдѣтись — качаться.
Гробѣкъ — большой червякъ.
Гуквѹти — крикнуть.
Гуръ-гуръ! — междометіе звукопо-
 дражательное, выражающее шумъ взлета
 многихъ птицъ разомъ.
Гшпачѹкъ — скворецъ.

Дівѹцтво — дѣвичество.
Дзіга — юла; волчекъ.
Дзіглицъ — табуретъ, стулъ.
Добрѣзний — (срав степ.) добрый.
Довгъ править — долгъ требовать.
Дѹрошъ — Дорофей.
Доточитись — досичь, добраться,
 докатиться.

Дропака (дати) — дать драла.
Жѹвтогарѣчий — яркожелтый.

Загѣта — гать.
Заздріти — завидѣть.
Занить — спрось.
Запомогти — помочь.
Занолочъ — красныя бумажныя пит-
 ки, употребляемыя преимущественно для
 вышиванія рубахъ.
Затокотіти — застучать.
Захистъ — уютное, скрытное мѣсто.
Захѣпатись — засуетиться.
Зѣпнка — шеколла.
Згідді — имущество; угодь.
Зінька — Зиновія.
Злигѣтись — сойтись, связаться.
Зыжа — лство.

Каляти — пачкать, марать.
Катеринишкѣ — шарманшкѣ.
Кахлі — (мнж.) — израсцы.
Кісникъ — лѣгва, вылетаемая въ ко-
 су.

Кладовище — кладбище.
Клишоногий — колченогий.
Ковбана — глубокая природная яма
наполненная водой грязью, и т. п.
Коліщата — колесообразный узоръ.
Колода — колоды, пни.
Костюкъ — сбившийся вмѣстѣ кло-
чокъ волосъ.
Крѣмяшокъ — камушекъ; округле-
ный черепочекъ.
Крихта — крошка.
Крѣпля — капля.
Круглякъ — нераспиленный лѣсъ;
бревно.
Кружкомъ — въ кружекъ.
Кухоль — большой кувшинъ.

Лапастий — широко-листый.
Латахъ —
Літнякъ — лѣтнее жилье.
Лайливый — сварливый.
Лентваревый — овчинный.
Ліщина — орѣховое дерево.
Лялечка — (ум.) — кукла; игрушка.

Мандріка — приготовленный въ
видѣ булки сыръ (на Петра и Павла).
Мерѣжчатый — узорчатый вышитый.
Мерці — (множ.) — мертвецы.

Навколоушкахъ — на кофѣнкахъ.
Налаштувати — наладить, приго-
товить, послать.
Невідничити — не-вѣдь-что гово-
рить; болтать.
Не до-чмиги — недоладу не стати.
Надоложити — надѣсть, насолить.

Оберѣмокъ — охапокъ.
Обрехати — облаять; осудить, ок-
леветать.
Огірь — жеребецъ.
Одчухрати — (перенос.) — высѣчь,
отодрать.
Ожина — ежевика.
Омилитись — сдѣлать ошибку; об-
молвиться.
Опудало — пугало.
Осоружний — противный, гадкій.
Ось-дечки — вотъ здѣсь.

Перезвѣ — свадебное собраніе род-
ственниковъ, или друзей, одинъ другого
зазывающихъ къ себѣ въ гости.
Перенинити — остановить; задер-
жать.
Печина — перегорѣвшій кусокъ кир-
пича.
Пивонь — піовія.

Півколішатка — узоръ, имѣющій
видъ половины колеса.
Підтюпцемъ — подбѣгая, легкой
рысью.
Підцупити — стаянуть, унестъ; под-
дѣть.
Піриути — нырнуть.
Повзъ — возлѣ, около; подлѣ.
Пововтѣзитись — повозиться.
Повстаній — шерстяной, сдѣлан-
ный изъ шерсти, изъ которой дѣлается
полость.
Полічка — небольшая полка.
Помовка — рѣчь, говоръ, послови-
ца.
Полуніці — клубника.
Помилка — ошибка; обмолвка.
Понилáводá якъ скинуть око́мъ —
затопила вода, какъ глазомъ окинуть.
Пообшарпований — пообщипанный,
пообдерганный.
Порічки — смородина.
Посмугований — исписанный, ис-
полосанный.
Почипітись — повиснуть.
Пошарпати — подрать, порвать.
Престарѣзний — очень старый.
Прийми(а)тъ — пріемышь.
Прімхи — прихоть.
Проваріякати — прогугнуть, нев-
нятно сказать.
Пробелькотати — не внятно про-
говорить.
Пролісокъ — прогамина.
Прѣрва — проточина.
Прощидрити — спустить съ рукъ;
промотать.
Путаніина — путаница.

Раина — дерево.
Рѣмствовати — обижаться, наре-
кать.
Рипити — скрипѣть.
Різника(ъ) — мясникъ.
Розбѣрковати — (перен.) разбужи-
вать.
Розвередити — растревожить; ра-
стравить.

Сага — заливъ или рукавъ.
Сѣльбице — по селенію.
Серпанокъ — толстая кисей.
Сірѣма — бѣднякъ (отъ сѣрой оде-
жи).
Спинатись — привставать на кор-
точкахъ.
Спрѣжду — прежде, первоначально.
Стерній — сжатая нива.
Стривати — встрѣчать.
Строкатій — нестрый, полосатый.

Стромляти — втыкать.
Стябло — зварить ribs на стяб-
ло —

Суніці — степная земляника.
Сябрó — сосѣдь.

Течія — потокъ.

Тиліпáтись — мотаться.

Тірсa — ковыль-трава.

Тіки — только.

Товарина — (един.) — рогатая скоти-
на.

Токотіги — стучать.

Триндікати — выдѣлывать на язы-
кѣ какъ будто на скрипкѣ, играть.

Трусити — обыскивать кого.

Турготіти —

Тяжінa — простая набойчатая изи-
тканая полосатая матерія, въ родѣ тика.

Улещання — уговаривання, убѣжде-
ніе.

Улещувати — уговаривать.

Уподовшъ — вдоль.

Харцізъ — разбойникъ.

Хай — пускay.

Хвалькó — хвастунъ.

Хіть — охота.

Цупити — тянуть съ напряженіемъ.

Цуцикъ — собаченка, шенокъ.

Чебрець — растеніе.

Чечуга — названіе рыбы.

Чупурний — опрятный.

Чупурунъ — хозяйливый, бережли-
вый, любящій порядокъ.

Шаландівшиць — судовщикъ.

Шаланда — названіе судна.

Шашликъ —

Шевляга —

Шкуратокъ — кусокъ старой кожи.

Шмагати — (перен.) бить, бросать.

Шпурляти — бросить съ силой.

Шубовс(х)(т)нути — упасть въ воду
съ шумомъ.

Юркий — вертлявый, живой.

Яломокъ — шапка, сваленная изъ
шерсти.

Украинскія слова, записанныя въ Бирючскомъ уездѣ

Воронежской губерніи.

Ано! — вона!

Баитина — перекладина, связываю-
щая сверху стропилы.

Бискёти — горы, ущелья, вертёпы.

Бриця — посторонняя примѣсь въ
просѣ.

Ваць!-ваць! — вацю! кличка на
свиней (см. паць — паць — пацю!).

Година — хорошая погода.

Гузатись — копаться, медлить.

Дцузь! — брысь!

Жадоба — рѣдкость, диковинка, жа-
жда, жадность.

Жалющі — сожалѣніе.

Загадати — сказать, напомнить,
велѣть.

Завперувати — заупорствовать, за-
упрямиться.

Замуцѣваний — закосѣлый.

Зимнйчуватий — нескоропѣлый,
стоящій зеленымъ до зимы.

Зь-урику — съ глазъ.

Кавсікнути — (перен.) — умереть.

Кучь! — вичь (на ягвять).

Ласкавецъ — родъ цвѣтовъ.
Лепісточка — лепестокъ (тонкій какъ листъ).

Лѣпъ — потная грязь.

Лѣшко — (ласк.) душенька; употребляется преимущественно женщинами, — напр: Я тебе, лешко, ждала-ждала, а ти й не прийшла.

Лйшки! — прочь (на теленка).

Мѣточина — колесная ступица.

Мітокъ — мотокъ пряжи, имѣющей въ себѣ 40 пасмъ.

Морснѹти — ударить, мазнуть.

Мордѹля — (гѹля) — шишка, опухоль.

Навпослі — послѣ.

Надолѹжити — палечь, усилить.

Нащѡка — накладка, которою пристегивается ярмо къ дышлу въ снасти, принадлежащей къ плугу.

Назлѡгахъ — облокотившись (сидя).

Нарѡха — нора.

Нашѣсерце — натошакъ.

Нѣ! — по!

Негѡда — непогода.

Нѣхтувати — портить, уродовать; переводить ни на что.

Отгѡнитця — отзовется чѣмъ-нибудь (о вкусѣ).

Отрѡба — понось.

Одкйнутись — отказаться отъ бра-ка послѣ сговора; не признавать своего дитяти (о скотинѣ).

Оплінъ — подушка (въ телѣхъ).

Оситъ — не мало времени, давно, теперь ли; напрымѣть: осить, якъ борщъ виняли зъ печі, а вінъ все ще гарячий.

Оступитись — заступиться, защитить кого либо.

Очервѣвити — опротивѣть, надо-вѣсть.

Пѣсинокъ — небольшая головка капусты, выросшая около большого качана.

Пѣсмо — число чісмъ, составляющихъ мотокъ (10 чісмъ).

Паць!-паць, пацью! — кличка на поросятъ.

Пищѣний — изнѣженный, избалованный.

Платтяний — холщевый.

Плохій — тихій, смирный.

Прикукѡбити — приготовить, приготовить, приобрести, запастись.

Прокѣтъ — (?) процентъ.

Пропіѣка — (увел.) — пьяница.

Пруги — покромки.

Пужина — пустая оболочка проса, безъ ядра.

Рінка, ріночка — плошка, плошечка.

Рйхта — прибыль; пошлина; доходъ.

Свинірка — свиное стадо.

Сволочки — перекладки, на которыхъ держится потолокъ.

Сколѡздрй — скороспѣлый.

Трамъ! — вичъ! (на овецъ).

Убосѡнічъ — на босую ногу.

У вечернему(?)прузі — въ вечернее время послѣ полудня.

Уклякнѹти — присѣсть на ноги;

Урикти — сглазить.

Учакати — посылать, навѣдываться.

Ушакй — звенья, которые стоятъ у дверей; притолоки.

Хрѣкати — харкать.

Чавѹнь — гуль.

Чісмо — число нитокъ, заключающихся въ пасмѣ (3 нитки).

Чйпъ! — прочь (на поросенка и на собаку).

Чю-чю! — прочь (на поросятъ).

Шагнѹти — загорѣться, разомъ вспыхнуть; охватить пологомъ.

Шанлікъ — обрѣзъ, въ которомъ мочатъ бѣлье.

Шулікъ — капуста, невыросшая въ качанъ.

Щѣшина — балка, связывающая свйзу стропилы.

Щеплѹватй — тошйй, худощавый.

Элй! — прочь (на свинью).

И. Свячченко.

Отъ представителей православныхъ Болгарскихъ Славянъ изъ Филиппополя, архимандрита Софронія и Іеромонаха Герасима.

Между многими древними православными святынями, которыя разорены Турками, или терять отъ покушеній католиковъ и протестантовъ, вниманіе православныхъ христіанъ привлекаетъ святыня, находящаяся въ окрестностяхъ города Филиппополя, во Фракіи, близъ деревни Араново. Здѣсь былъ нѣкогда православный Болгаро-Славянский монастырь во имя св. Великомученицы Киріакіи (по Болгарски Недѣли). На развалинахъ его съ давнихъ временъ собирались каждый годъ, въ день св. Великомученицы, 7-го іюля, окружные православные Болгары, зажигали на камняхъ свѣчи и молились Богу подъ открытымъ небомъ. Источникъ, текущій не далеко отъ разрушеннаго монастыря, прославился многочисленными исцѣленіями. Чудеса, тутъ происходившія, убѣдили даже Турка, владѣльца сей мѣстности, расчитать ее и уступить христіанамъ; съ-тѣхъ-поръ, все болѣе и болѣе, собираются сюда изъ всѣхъ окрестностей многіе поклонники, не только христіане, но и Турки. Видя все это, епархіальный архіерей, Памсій, и Болгарскіе старшины пожелали построить, на мѣстѣ стараго, новый монастырь съ церковью во имя св. Великомученицъ Киріакіи и Параскевы. Въ 1858 г. начали постройку и деньги на нее взяты въ долгъ съ процентами, въ прошломъ же году она окончена; но *тяжкое положеніе Болгаръ, обремененныхъ турецкими налогами*, препятствуетъ уплатить долгъ, еще увеличившійся отъ процентовъ, тѣмъ болѣе, что новая церковь до-сихъ-поръ не имѣетъ самой даже необходимой церковной утвари, св. облаченій, иконъ и богослужебныхъ книгъ. Такое печальное положеніе дѣла побудило Филиппопольскихъ православныхъ Болгаръ отправить въ Россію архимандрита Софронія и Іеромонаха Герасима, которые нынѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія Государя Императора и благословенія Святѣйшаго Приватъ-Евangelическаго

Синода, обращаются къ Русскимъ людямъ съ прошеніемъ о помощи и съ твердымъ убѣжденіемъ, что страна, представляющая нынѣ единственный сильный оплотъ Славянскому православію, *не откажетъ въ содѣйствіи своимъ бѣднымъ угнетеннымъ братьямъ. Чтобъ спасти молодыхъ людей*, которые нерѣдко, по неимѣнію своихъ, воспитываются въ латинскихъ школахъ, *Болгары желали бы учредить въ новомъ монастырѣ также семинарію и библіотеку.*

Добровольныя пожертвованія просятъ доставлять въ Москву: на *Тверской улицѣ въ С.-Петербургскомъ подворьѣ № 11*, Болгарамъ архимандриту Софронію и Іеромонаху Герасиму, а также въ *С.-Петербургѣ, въ редакцію Основы*, для передачи по назначенію.

”СЪВЕРНОЕ СІЯНІЕ“

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ,

№№ 1—9. Ц. за годовое изданіе **6 р.** съ перес. **8 р.**

Передъ нами девять выпусковъ новаго періодическаго изданія «Съверное Сіяніе». Кромѣ нѣкоторыхъ благопріятныхъ, но очень поверхностныхъ, словъ, сказанныхъ въ нѣсколькихъ журналахъ и газетахъ, послѣ выхода перваго выпуска, мы не встрѣчали объ этомъ изданіи ни одной строки ни въ одномъ изъ нашихъ журналовъ. А, кажется, изданіе, которое такъ существенно различается отъ всѣхъ прочихъ, до-сихъ-поръ изданныхъ и издаваемыхъ у насъ, стоить того, чтобы о немъ поговорить обстоятельнѣе.

Цѣль изданія состоитъ въ томъ, чтобы представить въ гравюрахъ на стали: 1) копіи съ картинъ русскихъ живописцевъ, 2) сцены изъ русской исторіи, 3) рисунки къ сочиненіямъ русскихъ писателей и 4) виды замѣчательныхъ русскихъ мѣстностей съ объяснительнымъ текстомъ.

По первому отдѣлу въ девяти тетрадахъ, вышедшихъ до сихъ поръ, представлены: «Нимфа», Неффа; «Явленіе Спасителя св. Маріи Магдалинѣ», А. Иванова; «Спаситель на Голгофѣ», А. Штейбена; «Пріѣздъ жениха», П. Оедотова; «Діана на крыльяхъ ночи», К. Брюлова; «Великая княгиня Софья Витовтона вырываетъ поясъ у князя Василія-Косого на свадьбѣ князя Василія-темного», П. Чистякова; «Партія арестантовъ на привалѣ», В. Якоби; «Овцы, загоняемыя вьюгою въ море», И. Айвазовскаго; «Янъ Усмочивецъ», Угрюмова. Что касается до выбора, можно бы, пожалуй, и поспорить съ издателемъ, зачѣмъ помѣщено то, а не помѣщено другое, но подобные споры ни къ чему не ведутъ и ничего не доказываютъ. Вопросъ заключается въ томъ: имѣли ли всѣ помѣщенные копіи право на такое отлічіе? О Неффе,

Ивановъ, Штейбенъ, Оедотовъ, Брюлловъ и Айвазовскомъ, кажется, спорить нечего; они принадлежать къ лучшимъ нашимъ художникамъ и извѣстны всѣмъ, кто только интересуется отечественнымъ искусствомъ. Чистяковъ и Якоби имена хоть новыя, но произведенія ихъ, помѣщенные въ «Сѣверномъ Сіяніи», получили первую золотую медаль на выставкѣ академіи художествъ и потому имѣютъ право на всеобщее вниманіе.

Второй отдѣлъ, посвященный отечественной исторіи, составленъ исключительно изъ оригинальныхъ рисунковъ, извѣстнаго нашего талантливаго художника-академика Адольфа Шарлемана. Въ этомъ отдѣлѣ до сихъ поръ помѣщены: «Пожарскій въ битвѣ подъ Москвою», «Крещеніе русскаго народа», «Послѣднія минуты Наполеона въ Москвѣ», «Ермакъ, покоритель Сибири», «Заложеніе петербургской крѣпости», «Марина Мнишекъ, возбуждающая калужанъ къ мести за смерть Тушинскаго-вора», «Суворовъ на С. Готардѣ», «Анна Іоанновна, принимающая самодержавіе», «Отреченіе царевича Алексѣя Петровича». Разобрать отдѣльно каждый рисунокъ нѣтъ возможности, это повлекло бы насъ слишкомъ далеко; скажемъ вообще, несмотря на нѣкоторые недостатки, неизбѣжныя во всякомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе такомъ серьезномъ и трудномъ—г. Шарлеманъ исполнилъ свою задачу добросовѣстно, съ знаніемъ дѣла и доказалъ намъ, что онъ принадлежитъ къ лучшимъ нашимъ современнымъ талантамъ.

Третій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ исключительно рисунки къ поэтическимъ сочиненіямъ Пушкина. Надъ этимъ отдѣломъ трудились гг. Микѣшинъ (2 рисунка), Лебедевъ (2 рисунка) и Трутовскій (4 рисунка), кромѣ того помѣщена копія съ картины Брюллова «Бахчисарайскій фонтанъ». Сцены, изображенныя художниками, взяты изъ «Евгенія Онѣгина» (2 рис.) «Руслана и Людмилы», «Кавказскаго пѣвника», «Графа Нулина», «Бориса Годунова» «Цыганахъ» и «Братьевъ разбойниковъ». Микѣшинъ, Лебедевъ и Трутовскій—имена всѣмъ извѣстныя, и хотя мы не вездѣ и не во всѣхъ изображеніяхъ согласны съ художниками, однако нѣтъ ни одного рисунка, въ которомъ бы не былъ замѣтенъ опытный карандашъ талантливаго художника.

Въ четвертомъ отдѣлѣ мы находимъ богатую коллекцію видовъ Петербурга. На изданныхъ до сихъ поръ девяти листахъ находится 81 видъ, остальные три листа, которые будутъ въ послѣднихъ выпускахъ этого года, будутъ заключать въ себѣ еще 27 видовъ. Одна только гравюра на стали въ состояніи передать, въ такомъ маломъ форматѣ, такъ отчетливо и эффектно эти виды.

Гравировка всѣхъ этихъ рисунковъ исполнена за границей и вполне удовлетворяетъ всѣмъ справедливымъ требованіямъ. Само собою, разумѣется, это не *chefs-d'oeuvre* гравировальнаго искусства, да кто же и потребуеъ за 6 руб. сорокъ восемь листовъ безукоризненно-превосходныхъ гравюръ? Такія гравюры стоили бы вдесятеро дороже. Довольно, что онѣ не уступаютъ иностраннымъ изданіямъ такого рода.

Изъ объявленія издателя мы узнали, что въ послѣднихъ трехъ выпускахъ, встрѣтимъ еще слѣдующія гравюры; а) по первому отдѣлу: «Троица», Брюллова; «Нимфы въ гротѣ», Неффа; б) по второму отдѣлу: «Пиръ у князя Потемкина въ таврическомъ дворцѣ»; «Речь Царя Іоанна IV на лобномъ мѣстѣ»; «Сожженіе разрядныхъ книгъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ 1682 г.»; в) по третьему отдѣлу: «Полтава», «Женихъ», «Русалка», рисованные г. Трутовскимъ и г) въ четвертомъ отдѣлѣ, какъ выше сказано, 27 видовъ Петербурга и окрестностей, на трехъ листахъ.

Обращаемся теперь къ тексту. Почти въ каждомъ выпускѣ встрѣчаются одни и тѣ же имена: П. Петровъ, І. Шишкинъ, В. Зотовъ, М. Хмыровъ и М. Михайловъ,—вотъ почти всѣ сотрудники «Сѣвернаго Сіянія». П. Петровъ принялъ на себя статьи, относящіяся до художественной критики и біографіи художниковъ; должно полагать, что онъ же пишетъ художественный фельетонъ. Статьи о русской исторіи написаны І. И. Шишкинымъ и М. Д. Хмыровымъ. Это не компіляціи, составленныя на скорую руку изъ общедоступныхъ книгъ, а серьезныя монографіи, отвѣчающія всѣмъ требованіямъ современной науки. При всемъ этомъ очерки читаются легко и пріятно, такъ что смѣло можно сказать: статьи эти составляютъ истинно замѣчательное явленіе въ нашей литературѣ.

Критическія статьи о Пушкинѣ написаны однимъ изъ нашихъ современныхъ журналистовъ В. Р. Зотовымъ.

Наконецъ, описаніе Петербурга г. Михайлова не только знакомитъ съ этимъ городомъ тѣхъ лицъ, которыя не имѣютъ еще никакого понятія о немъ, но даже петербургскіе жители узнаютъ много для новаго и интереснаго въ этихъ очеркахъ.

Вотъ краткое обозрѣніе того, что «Сѣверное Сіяніе» до сихъ поръ представило своимъ подписчикамъ. Присовокупляемъ, что кромѣ двѣнадцати выпусковъ каждый подписчикъ получаетъ еще «премію», большую гравюру, для комнатнаго украшенія. Намъ удалось видѣть фотографическій снимокъ съ оригинала, нарочно для этой цѣли заказан-

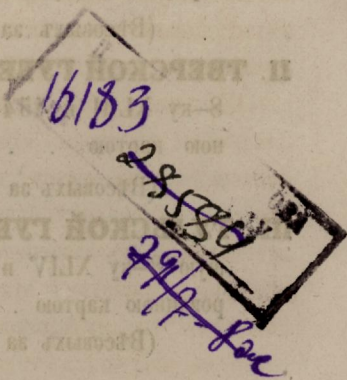
ный издателемъ и исполненный однимъ изъ талантливыхъ нашихъ живописцевъ г. Бейдеманомъ. Сюжетъ гравюры заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Братья, будемъ любить другъ друга и трудиться на пользу и славу родной земли». Поводомъ къ этой картинѣ послужило важнѣйшее, современное отечественное событіе: освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Событіе это подало художнику мысль изобразить типы обитающихъ въ имперіи народовъ и сословій, соединенныхъ какъ братья для мирныхъ занятій. Надъ ними на высокомъ пьедесталѣ, украшенномъ гербами, «благословляющая Россія», женская фигура, въ старинномъ русскомъ нарядѣ, простирающая руки надъ своими сыновьями. За ней стоитъ молодой русскій крестьянинъ со знаменемъ въ рукахъ, на которомъ написаны вышеприведенныя слова. Внизу, подъ камнемъ съ надписью: «Императоръ Александръ II, 19-го февраля 1861 года, 23 миліона русскаго народа освободилъ отъ крѣпостнаго состоянія», изображены во мракѣ—символы уничтоженія рабства: сломанное ярмо, хомутъ, цѣпи, веревки и т. д., туда же летятъ брошенные сверху оружія горцевъ, принимающихся за мирныя занятія и атрибуты уничтоженія откуна и водворенія обществъ трезвости. Группы разныхъ племенъ (слишкомъ 40 фигуръ) скомпонованы весьма разнообразно и красиво. За ними, на заднемъ планѣ символы промышленности, торговли, художества и пр.: корабли, паровозы, фабрики, церкви и хижины. Надъ всѣмъ радуга и бѣлый голубь съ оливковою вѣткою, символы мира. Мы убѣждены, что премія эта доставитъ удовольствіе всѣмъ подписчикамъ и будетъ служить достойнымъ украшеніемъ любого кабинета.

Въ своемъ объявленіи издатель «Сѣвернаго Сіянія» сдѣлалъ еще слѣдующее обѣщаніе: «Если наши ожиданія на значительное число подписчиковъ оправдаются, то, въ концѣ года, мы отдѣлимъ часть своей прибыли на покупку оригинальныхъ картинъ современныхъ русскихъ художниковъ, въ особенности молодыхъ талантовъ, нуждающихся въ поддержкѣ, и раздадимъ эти картины по жребію, между своими подписчиками». Мы справлялись у издателя, осуществится-ли это предположеніе въ настоящемъ году, и, къ сожалѣнію, получили отрицательный отвѣтъ. Хотя число подписчиковъ и достигло значительной цифры (4,200), но расходы, въ особенности перваго года, были такъ велики, что о прибыли нѣтъ и рѣчи. Въ будущемъ году, при болѣе опытности, издатель надѣется сократить нѣкоторые расходы; конечно, не въ ущербъ самаго изданія, и тогда, если поддержка со стороны

публики продолжится въ томъ же размѣрѣ, какъ до сихъ поръ, про-
ектъ этотъ непремѣнно будетъ исполненъ,—но для этого нужно не
менѣе 6,000 подписчиковъ. Мы не сомнѣваемся, что «Сѣверное Сія-
ніе» достигнетъ не только этого числа, но и гораздо большаго. Иза-
щество и дешевизна этого изданія замѣчательны. Ничего подобнаго не
было еще въ нашей журналистикѣ; рѣдкое изданіе началось съ такимъ
успѣхомъ, и если оно будетъ поддержано также добросовѣстно (въ
чемъ нѣтъ причинъ сомнѣваться), то кругъ подписчиковъ долженъ зна-
чительно увеличиться.

Вѣроятно, многія лица, недовѣрчивыя къ новымъ періодическимъ
изданіямъ, остановились подпискою и ожидаютъ выхода всего годового
изданія; замѣтимъ для нихъ, что премію будутъ получать только под-
писчики, а не покупатели полнаго тома. Въ этомъ и заключается зна-
ченіе преміи: вознаградить тѣхъ, которые, посредствомъ внесенія де-
негъ впередъ, поддержали это предпріятіе.

Подписка на 1862 годъ продолжается до 1 декабря, а на 1863
годъ открыта съ 15 сентября. Адресовать: Въ редакцію Сѣвернаго
Сіянія въ С.-Петербургѣ, у Пѣвческаго моста, въ д. Утина, кв. № 46.

СПИСКИ НАСЕЛЕННЫХ МѢСТЪ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ,

СОСТАВЛЕННЫЕ И ИЗДАВАЕМЫЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫМЪ СТАТИСТИЧЕСКИМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА

ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

НОВЫЕ ТРИ ВЫПУСКА ЭТОГО ИЗДАНИЯ, заключающіе въ себѣ
списки населенныхъ мѣстъ:

Цѣна въ
С.-Петербургѣ.

I. ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ. 1862 г. Въ большую 8-ку, XXXIII и 262 стр., съ хромолитографированною картою 1 р. 75 к.

(Вѣсовыхъ за 2 фунта, укупорочныхъ 10 коп.)

II. ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ. 1862 г. Въ большую 8-ку XLIII и 454 стр. съ хромолитографированною картою 2 — 50 —

(Вѣсовыхъ за 2 фунта, укупорочныхъ 10 коп.)

III. ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ. 1862 г. Въ большую 8-ку XLIV и 492 стр. съ хромолитографированною картою 1 — 50 —

(Вѣсовыхъ за 2 фунта, укупорочныхъ 10 коп.)

Продаются

Въ книжныхъ магазинахъ Д. Е. Кожанчикова, И. П. Аниимова
(бывшемъ Лоскутова) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

